Г. В. Алексеева

АМЕРИКАНСКИЕ ДИАЛОГИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Г. В. Алексеева

АМЕРИКАНСКИЕ ДИАЛОГИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

(по материалам личной библиотеки писателя)

Тула
Издательский дом «Ясная Поляна»
2010

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
А47

Рецензенты:

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник ИНИОН РАН
А. Н. Николюкин

доктор философии,
профессор Лейман-колледжа Городского
университета Нью-Йорка
Р. Виттакер

Фотография на обложке:
Л. Н. Толстой и У. Д. Брайан. Ясная Поляна. Декабрь 1903 г.
(Государственный музей Л. Н. Толстого)

© Г. В. Алексеева, 2010
© Издательский дом «Ясная Поляна», оформление, 2010

ISBN 978-5-93322-039-8

От автора

Эта книга писалась с перерывами в 1990–2000-е годы в Ясной Поляне, США и Канаде. Работа над книгой шла параллельно с напряженным и увлекательным трудом по подготовке к изданию третьего тома научно-библиографического описания личной библиотеки Л. Н. Толстого «Книги на иностранных языках», редактированием 4-го тома «Периодические издания на иностранных языках». В эти же годы зарождалась и укреплялась традиция проведения международных филологических конференций и семинаров в Ясной Поляне, шла работа над рядом интереснейших проектов... Прямо или косвенно все шло в «копилку» этой книги.

Особая сердечная благодарность Владимиру Ильичу Толстому за поддержку и одобрение многих идей и проектов, за воссоздание уникальной атмосферы творчества в Ясной Поляне.

Выражаю самую искреннюю признательность своим российским и зарубежным учителям и коллегам, прежде всего ушедшей от нас в 2003 году Л. Д. Громовой-Опульской, а также А. Н. Николюкину, В. Б. Ремизову, Роберту Виттакеру, Е. В. Николаевой, сообществу ученых-американистов, объединенных конференциями факультета журналистики МГУ и филологического факультета СПбГУ, сообществу ученых-русистов (толстоведов), объединенных конференцией по сравнительному литературоведению «Лев Толстой и мировая литература». Я благодарна участникам замечательных дискуссий на толстовских конференциях в Оттавском

университете под руководством профессора А. Донскова, на конференциях AAASS (American Association for the Advancement of Slavic Studies) в Нью-Йорке и Вашингтоне, где мне довелось участвовать докладчиком и дискуссантом.

Большая благодарность одному из первых читателей этой книги – редактору О. А. Дорофееву.

Я чрезвычайно благодарна Фонду Кеннана, программам Фулбрайта, Зальцбургских семинаров, Канадских академических исследований за возможность университетских стажировок и работы в библиотеках и архивах.

Некоторые фрагменты книги были опубликованы в виде статей в научных сборниках, в полном виде книга выходит впервые.

Жизнь есть стремление к расширению пределов.

*Л. Н. Толстой (54, 26)**

Два высказывания, отдаленные друг от друга и во времени и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-то смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т. п.).

М. М. Бахтин

Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже <...>. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без своих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого (но, конечно, вопросов серьезных, подлинных). При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются[1].

М. М. Бахтин

Введение

Многообразие культурных контактов и связей становится особенно актуальным в современном многополярном мире, когда

---

* Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Юбилейное издание. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928–1958.

[1] *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 321, 354.

возрастает важность диалога, часто непрямого, опосредованного, и в этом отношении общение Толстого с Америкой, длившееся десятилетия, весьма показательно и поучительно. В этой книге, посвященной американским диалогам Льва Толстого, рассматривается природа восприятия Толстым американской литературы, философии, религии в разные периоды его жизни (но главным образом в последние три десятилетия) и на всех уровнях, включая исторический, социальный, культурный, духовный и личный; прослеживаются контакты, причины схождений и расхождений, влияние идей американских писателей на творчество русского писателя, а также влияние идей Л. Н. Толстого и американских писателей на современность. В восприятии произведений американских писателей для Толстого наиболее важными порой оказывались не художественные достоинства, а религиозно-нравственные аспекты их творчества, гражданская позиция авторов. Некоторая перекличка общественно-политических, религиозных и литературно-художественных процессов России и Америки, начиная с 1850-х годов, предлагала новые модели взаимовлияний и взаимосвязей вне зависимости от индивидуальных особенностей, общественных позиций художников: диалог происходил в рамках общего развития нравственно-эстетической мысли.

В этом исследовании внимание сосредотачивается на проблеме диалогичности отношений, нравственных и эстетических исканий писателя в контексте его интереса к американской литературе, его стремлении найти подтверждение собственным взглядам и выводам в другой культуре. Исследование проводится на основе книг и периодических изданий из личной библиотеки писателя. К исследованию привлечено около 150 книг и периодических изданий из личной библиотеки Л. Н. Толстого; относящиеся к теме материалы из иностранного отдела библиотеки писателя впервые систематизированы и введены в научный оборот. Участие в завершении полного научно-библиографического описания иностранной части яснополянской библиотеки позволило включить в исследование целый ряд книг и периодических изданий, которые

прежде не являлись предметом научного изучения, обнаружить следы чтения писателя на некоторых книгах и журналах, которые оставались вне внимания ученых[1].

В книге используются также материалы из российских и американских хранилищ и библиотек, в которых представилась возможность поработать благодаря гранту фонда Кеннана (1998 г.) и стипендии программы Фулбрайта (2002–2003 гг.).

Этот, в сущности, документальный материал позволяет выявить взаимодействие традиционного художественного и нравственно-философского влияния с индивидуальной творческой потребностью выразить свое; помогает анализировать все виды связей и контактов, принимая во внимание и формы конфликтной связи как одного из видов творческого воздействия, хотя согласие, по Бахтину, является одной из «важнейших форм диалогических отношений», т. к. оно «очень богато разновидностями и оттенками»[2]. Мы постарались показать как идейно-творческую общность, роднившую Толстого с американскими авторами, так и весь диапазон расхождений их нравственных и эстетических установок. Освоение, постижение Толстым американской литературы, нравственно-философского и художественно-эстетического опыта американских предшественников и современников заключало в себе вдохновляющее начало не только для творчества, но и для подтверждения собственных умозаключений.

О «встречных течениях» (А. Н. Веселовский) в русской и американской литературах Толстой заговорил в России одним из первых. Он реально осознал историко-типологические аналогии двух литератур. Обращение Толстого к произведениям американской литературы обусловлено прежде всего общей этической направленностью литературного процесса XVIII–XIX веков, тенденцией,

---

[1] Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне: Научно-библиографическое описание. Т. 3: Книги на иностранных языках. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 1999. Ч. 1: A–L. 700 с. Ч. 2: M–Z, А–Я. 670 с.

[2] *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 321.

которую молодой Толстой сознавал порой на интуитивном уровне, стихийно, а позднее – обосновал ее теоретически в целом ряде трактатов и обращений.

В этой книге показано, как в огромном массиве американской литературы Толстой почти безошибочно (часто с помощью своих друзей, единомышленников, наконец, самих писателей) выбирал произведения американских авторов, великих и малоизвестных, которые, с одной стороны, определяли основное направление американской литературы, с другой – отвечали его нравственно-эстетическим критериям. Мы постарались определить характер и степень интереса Толстого к американской литературе в разные периоды его жизни, все многообразие контактов, типологических аналогий в развитии русской и американской литератур, неоднократно подчеркнутых Толстым.

Тема «Американские диалоги Льва Толстого» включает реальный диалог в форме беседы, переписки, развернутых маргиналий на страницах прочитанных Толстым книг (когда участниками диалога становятся мудрецы прошлого, великие, а иногда и малоизвестные авторы), а также опосредованный – тексты художественных, философских, религиозных, публицистических произведений, дневников. Диалогичность Толстого в плане коммуникации бесконечна, даже дневники писались с подсознательной мыслью о прочтении их Другим. Толстому было, безусловно, присуще «особое ощущение и понимание своего читателя, слушателя, публики, народа» (М. М. Бахтин).

В работе прослеживается, как эстетические и этические идеи американских авторов трансформировались в системе нравственно-эстетических ценностей Толстого на протяжении почти всей его жизни; проводится сопоставительный анализ некоторых произведений, их сопряжение с нравственно-эстетической позицией Толстого.

При анализе межлитературных связей рассматриваются такие аспекты творческой деятельности Толстого, как переводческая, редакторская, издательская. Обнаруженные на страницах

некоторых книг пометы помогают заглянуть и в творческую лабораторию Толстого-переводчика. Характеристика следов чтения писателя на страницах книг и периодических изданий в некоторых случаях дается с учетом деятельности Толстого-переводчика как характерного примера оригинальности его переводов, что в теории сравнительного литературоведения называется sui generis, когда переводное произведение живет своей самостоятельной жизнью и вопрос об отношении к оригиналу теряет свою первостепенную важность. На материалах из личной библиотеки писателя удается показать внутренние взаимосвязи между документальным и художественным в восприятии Толстого.

Диалог Толстого с Америкой помогает проследить некоторые закономерности в развитии русской и американской литератур XIX века, связанные с особенностями общественно-политических, религиозных и литературных факторов исторического развития России и США. Они выразились в бурном развитии капитализма во второй половине XIX века, разрушении патриархальных устоев и традиций, освободительном движении – против рабства в Америке и крепостного права в России, и на этом фоне – «опробование больших мировых проблем» (П. В. Палиевский) Толстым и американскими писателями.

Начиная с середины 1880-х годов и вплоть до ухода из Ясной Поляны в 1910 году Толстой поддерживал тесные связи с американцами. У Толстого был самый живой интерес к американской истории, культуре, искусству, литературе, традициям, и особенно – к американскому религиозному движению, американской утопии. Для него Америка была «самой сочувственной страной» (87, 4). Он говорил: «...друзья мои американцы отзывчивы на мои философские статьи. Сознание того, что меня, там, в Америке, понимают, дает особый оттенок моим работам. До сих пор я работал для одних русских, но теперь работаю для всего человечества...»[3]

[3] *Жиркевич А. В.* Встречи с Толстым: Дневники. Письма. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2009. С. 95.

У Толстого была «своя Америка», и он с любовью относился ко многим американским писателям, чьи имена почти забыты сегодня. Задачей этой книги является реконструкция «толстовской» Америки в плане глубочайшего интереса Толстого к американской литературе, философии, религиозному движению (американской утопии).

Глава 1
Лев Толстой – читатель американской литературы

...Многое, очень многое из того, что мы взяли из Европы и пересадили к себе, мы не скопировали только... а привили к нашему организму, в нашу плоть и кровь; иное же пережили и даже выстрадали самостоятельно, точь-в-точь как те, там – на Западе, для которых все это было свое, родное. <...> Я утверждаю и повторяю, что всякий европейский поэт, мыслитель, филантроп, кроме земли своей, из всего мира наиболее и наироднее бывает понят и принят всегда в России. <...> Это русское отношение к всемирной литературе есть явление, почти не повторявшееся в других народах в такой степени, во всю всемирную историю, и если это свойство есть действительно наша национальная русская особенность – то какой обидчивый патриотизм, какой шовинизм был бы вправе сказать что-либо против этого явления и не захотеть, напротив, заметить в нем прежде всего самого широкообещающего и самого пророческого факта в гаданиях о нашем будущем[1].

Ф. М. Достоевский

Глубокий интерес к произведениям зарубежной литературы, установление многосторонних творческих связей является порой необходимым не только для творческого стимула, совершенствования мастерства писателей, но и для проверки собственного

---

[1] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. С. 31.

художественного опыта, подтверждения собственных открытий и достижений на уровне опыта мирового.

Обращение Л. Н. Толстого к произведениям американской литературы обусловлено в целом прежде всего общей этической направленностью литературного процесса XVIII–XIX веков, тенденцией, которую молодой Толстой порой сознавал на интуитивном уровне, стихийно, а позднее дал ее теоретическое обоснование в целом ряде трактатов и обращений. О феномене Толстого, о системности его творческого мышления, о динамичном единстве нравственно-философских и художественно-эстетических исканий художника 1880–1900-х годов писали в своих трудах Е. Н. Купреянова, Г. Я. Галаган, П. В. Палиевский, некоторые другие исследователи[2]. Но намечаться это динамичное единство нравственно-эстетических исканий писателя стало еще в 1840–1850-е годы, и процесс постижения Толстым американской литературы во всем ее многообразии убедительно это показывает. Этот процесс не может исследоваться вне культурно-исторического контекста эпохи с ее отражением в произведениях Толстого и американских авторов.

В 1897–1898 годах Толстой завершил работу над трактатом «Что такое искусство?», где четко сформулировал свое определение того, что есть искусство истинное. К этим идеям писатель шел на протяжении всей своей жизни, что особенно ярко проявилось в его литературных предпочтениях, его приверженности американской литературе и философии, начиная с ведения франклинова журнала и кончая знаменитым обращением к американскому народу от 21 июня 1900 года, где выделена «блестящая плеяда» американских писателей. Личная библиотека Толстого с собранием книг американских авторов отражает процесс

---

[2] *Купреянова Е. Н.* Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л.: Наука, 1966; *Галаган Г. Я.* Л. Н.Толстой: Художественно-этические искания. Л.: Наука, 1981; *Палиевский П. В.* Литература и теория. М.: Сов. писатель, 1979; *Донсков А. А.* Единение людей в творчестве Л. Н. Толстого / *А. Донсков, Г. Галаган, Л. Громова.* Оттава: Оттавский университет; ИРЛИ РАН; ИМЛИ РАН, 2002.

формирования углубленного интереса к литературе Нового Света, и его никак нельзя признать случайным. Спектр интересов оказывается чрезвычайно широким: от сочинений Коттона Мэзера и Бенджамина Франклина до писателей социалистической ориентации начала века. В орбиту пристального интереса попадали не только художественные произведения американских писателей, но также и произведения документального, публицистического жанра. Теодор Паркер, столь высоко почитаемый Толстым, писал: «Американскую литературу можно было бы подразделить на две категории – вневременную, существующую в виде книг, которые порой выдерживают не одно издание, и сиюминутную, в виде речей, памфлетов, обозрений, газетных статей и тому подобных откликов на злобу дня. Так вот, первая из них выходит на поверку бескрылой, поверхностной, немощной. В ней нет ничего американского: ни наших идей и презрения к авторитетам, ни философской складки, ни даже наших сомнений в отношении принципов, которыми нам следует руководствоваться, ни тем паче сильного национального характера с его надеждами и интуитивно-непосредственным восприятием истины. Эта литература есть жалкое подобие действительности. О какой же тяге к свободе тут можно говорить? Нет, подлинно национальную литературу следует искать главным образом в речах, памфлетах, газетах. Последние в особенности пронизаны истинно американским духом; в них, как в зеркале, мы находим нелицеприятное отражение наших нравов и обычаев»[3].

В последние два с половиной десятилетия жизни Толстой благодаря многообразным контактам с американцами имел возможность в полной мере почувствовать этот «американский дух», и его личная библиотека с большим собранием книг, брошюр, периодических изданий, вышедших в свет в Америке на рубеже веков, весьма красноречиво свидетельствует об этом.

---

[3] *Паркер Т.* Политическое назначение Америки // Писатели США о литературе: В 2 т. М.: Прогресс, 1982. Т. 1. С. 92.

В юности, вдохновленный идеями американского просветителя, Толстой строит свою душевную жизнь, ограничив себя нравственными правилами, четко определенными в «журнале для слабостей». В зрелые годы в творчестве американских писателей и публицистов он находит подтверждение тем нравственно-эстетическим критериям, которые он сам выстрадал и выработал окончательно в 1870–1890-е годы. Влечение молодого Толстого к литературе XVIII века, века доверия к разуму, «здравому смыслу», стремление подражать лучшим представителям этого века и в области нравственной, и в эстетической преобразуется в зрелые годы во вполне определенный интерес к литературе с высоким нравственным зарядом, образцы которой Толстой был счастлив находить не только в произведениях писателей столь любимой им с юности эпохи Просвещения, но и в творчестве своих современников.

Американская литература XIX века, с ее приоритетом нравственного перед интеллектуальным и эстетическим, давала Толстому возможность не только убеждаться в приверженности авторов высоким идеалам XVIII века, но и прослеживать связи с традициями античности, религиозно-философскими системами Востока, немецкой классической философией (американцы, как истинные представители Нового Света, заимствовали все, что только можно было). И если писатели XVIII века являлись для Толстого источником вдохновения, образцом, то для некоторых американских писателей (и не только американских) конца XIX – начала XX века Толстой сам порой становился образцом, духовным ориентиром, примером для бесконечного совершенствования. Шел процесс взаимного духовного обогащения, преодоления преград географических, национальных во имя высоких идеалов любви, мира, всеобщего братства и красоты, которым служит истинное искусство.

Для большинства американских писателей XIX века, как и для Толстого, достижение высоких нравственных идеалов «устроения земного града» (С. Н. Булгаков), Царства Божия на земле, казалось вполне осуществимым, гармония личности и Космоса (Бога) яв-

лялась очевидной. Как и Толстой, многие американские писатели в этом единстве не видели места для государства, считая его временной формой устройства жизни людей. В своем творчестве они неизменно воспевали идею независимости личности от государства. Их представление о роли писателя в обществе, роли провидца, философа, совпадало с толстовским представлением об ответственности литературы перед жизнью. Описывая сугубо американскую жизнь с ее обычаями и традициями, писатели XIX века, с их проникновенным интересом к природе человека, его гармонии с окружающим, с их поэтизацией физического труда, поднимались на уровень общечеловеческих проблем, сохраняя при этом специфические национальные особенности.

Некоторая общность интересов и духовных категорий, общность проблем и путей их разрешения, а также, в какой-то степени, общность истоков позволили Толстому одним из первых в России открыть писателей Нового Света.

21 июня 1900 года Толстой обратился к американскому народу: «...если бы мне пришлось обратиться к американскому народу, то я постарался бы выразить ему мою благодарность за ту большую помощь, которую я получил от его писателей, процветавших в пятидесятых годах. Я бы упомянул Гарисона, Паркера, Эмерсона, Балу и Торо не как самых великих, но как тех, которые, я думаю, особенно повлияли на меня. Среди других имен назову: Чанинга, Уитие-ра, Лоуела, Уота Уитмена – блестящую плеяду, подобную которой редко можно найти во всемирной литературе» (72, 397). Сознательно разбивая писателей на две группы, Толстой подчеркивает факт влияния как проявление закона преемственности.

Проблему отношения Л. Н. Толстого к американской литературе затрагивали еще некоторые из его современников, особенно зарубежных. Э. Моод в своем исследовании, посвященном жизни и творчеству Толстого, касается этой темы; многие американские и английские посетители писателя в своих воспоминаниях упоминают об особом отношении Толстого к американской литературе, достаточно подробно – американский ученый-славист

Джеремайя Кёртин, английский писатель и журналист Уильям Стэд[4].

В отечественном и зарубежном толстоведении отдельные аспекты этой темы рассматривались во многих работах. Н. К. Гудзий в статье «Лев Толстой и Торо» исследует историю восприятия Толстым творчества американского писателя с привлечением не-которых источников из яснополянской библиотеки; автор обращает внимание на негативное отношение Толстого к «Уолдену» Торо. Г. В. Аникин видит тему «Толстой и Торо» в большой проблеме «Толстой и американская литература» как наиболее значительную в идеологическом и историко-культурном плане. В статье «Л. Толстой и Г. Торо. Современное звучание проблемы»[5] он сопоставляет идеи двух писателей, подчеркивая их значение для XX века.

Э. Ф. Осипова в книгах «Генри Торо» и «Ральф Уолдо Эмерсон» рассматривает тему отношения Толстого к этим писателям, обращаясь к некоторым источникам из яснополянской библиотеки. Она прослеживает генетическую связь нравственного учения Толстого с философскими положениями трансцендентализма, обращая внимание на то, что нонконформизм Толстого имеет принципиально сходные черты с бунтарством Торо и Эмерсона. Об отношении Толстого к учению Эмерсона о «доверии к себе» пишет в своей работе об Эмерсоне Т. Л. Морозова, анализируя процесс чтения Толстым книги «Представители человечества»; по мысли автора, нравственная проповедь Толстого включала в себя некоторые элементы этического учения Эмерсона. А. К. Исламова в своей статье пишет о связи эстетических систем Толстого и Эмерсона, выдвигая предположение о возможности чтения Толстым Эмер-

---

[4] *Maude A.* The Life of Tolstoy. London: A. Constable and Co, 1908. 2 vols.; Memoirs of Jeremiah Curtin / Ed. with Notes and Introduction by Joseph Schafer. Madison: The State Historical Society of Wisconsin, 1940. (Wisconsin Biography Ser.; vol. 2); *Stead W.* Th. Truth about Russia. London; Paris; New York; Melbourne: Cassell & Co, 1888.

[5] *Гудзий Н. К.* Лев Толстой и Торо // Русско-европейские литературные связи. М.; Л.: Наука, 1966. С. 64–66; *Аникин Г. В.* Л. Н. Толстой и Торо. Современное звучание проблемы // Филологические науки. 1978. № 3.

сона в 1850-е годы. Наиболее подробно темы «Толстой и Уитмен» касается К. И. Чуковский в книге «Мой Уитмен». Он обращается к стихам, отчеркнутым Толстым в сборнике «Листья травы». Эту тему затрагивает также М. Мендельсон в книге «Жизнь и творчество Уитмена». Об отношении Толстого к У. Д. Хоуэллсу упоминает Б. А. Гиленсон в статье «Новые работы о Гоуэллсе». Рассматривая социалистическую традицию в литературе США, Гиленсон касается проблемы взаимосвязей Толстого и Синклера. Р. Д. Орлова в книге «Хижина, устоявшая столетия» рассматривает отношение Толстого к роману «Хижина дяди Тома» в прямой связи с темой аболиционизма. Г. В. Аникин в статье «Гаррисон и Толстой» исследует эту проблему в сопоставлении взглядов Толстого и Гаррисона, что позволяет автору говорить о родственных идеологических, этических тенденциях в период борьбы за реализацию идеалов демократической революционности. О творческих и личных связях Толстого с представителями передовой американской интеллигенции на рубеже веков пишет Ю. И. Сохряков в книге «Русская классика в литературном процесе США XX века»[6].

Дж. Соколов, Б. У. Мэггс, Г. Уолш[7] в своих статьях рассматривают вопрос о степени влияния Б. Франклина на Толстого

---

[6] *Осипова Э. Ф.* Генри Торо. Л.: ЛГУ, 1985; *Осипова Э. Ф.* Ральф Уолдо Эмерсон. Л.: ЛГУ, 1991; *Морозова Т. Л.* Учение Эмерсона о «доверии к себе» // Романтические традиции американской литературы XIX века и современность. М.: Наука, 1982; *Исламова А. К.* Лев Толстой и Эмерсон: О связи эстетических систем // Русская литература. 1989. № 1. С. 44–61. *Чуковский К. И.* Мой Уитмен. М.: Прогресс, 1966; *Мендельсон М.* Жизнь и творчество Уитмена. М.: Наука, 1969; *Гиленсон Б. А.* Новые работы о Гоуэллсе // Вопросы литературы. 1961. № 7. С. 223–229; *Гиленсон Б. А.* Социалистическая традиция в литературе США. М.: Наука, 1975; *Орлова Р. Д.* Хижина, устоявшая столетие. М.: Книга, 1975; *Аникин Г. В.* Гаррисон и Толстой // Толстой и наше время. М.: Наука, 1978; *Сохряков Ю. И.* Русская классика в литературном процессе США XX века. М.: Высшая школа, 1988.

[7] *Sokolow J. A.* «Arriving at Moral Perfection»: Benjamin Franklin and Leo Tolstoy // American Literature: A Journal of Literary History, Criticism, and Bibliography. Durham (N. C.): Duke University Press, 1975. Vol. 47; *Maggs B. W.* The Franklin-Tolstoy Influence Controversy // Proceedings of the American Philosophical Society. 1985. Vol. 129. Sept.; *Walsh H. H.* On the Putative Influence of Benjamin Franklin on Tolstoi // Canadian-American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. № 3.

в 1840–1850-е годы. Дж. Соколов и П. Рузвельт[8] в книге о христианском пацифизме Толстого анализируют восприятие Толстым идей непротивления Гаррисона, которые, по мнению авторов, являлись зеркальным отражением христианской философии Толстого. Авторы подчеркивают, что в страстном желании философского оправдания ненасилия Толстой был готов проигнорировать некоторые идейные и тактические расхождения с американскими пацифистами, Гаррисоном и Баллу. Пярелэл, К. Р. С. Иенгар в своих работах прослеживают, как идеи гражданского неповиновения, сформулированные Торо, получают дальнейшее развитие в учении Толстого и Ганди. Дж. Кржижановский в статье «Торо в России»[9] рассматривает, как интерес Толстого к Торо в значительной степени отличался от интереса к этому писателю А. П. Чехова.

Наиболее полно и последовательно картину взаимосвязей Толстого и американских писателей представил в своих исследованиях (включая научный комментарий к «Кругу чтения»[10]) А. Н. Николюкин. В книге «Взаимосвязи литератур России и США», главе «Лев Толстой и Америка», дан глубокий анализ высокой оценки Толстым «целой литературной школы, известной в истории под именем писателей-трансценденталистов»[11]. Кроме того, достаточно подробно рассмотрено отношение Толстого к таким писателям, как Э. Беллами, У. Уитмен, Э. Синклер.

Анализ книг из личной библиотеки писателя, сопряжение их содержания с нравственно-эстетической позицией Толстого,

---

[8] *Sokolow J. A., Roosevelt P. R.* Leo Tolstoi's Christian Pacifism: The American Contribution. Pittsburgh, 1987. (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies; № 604).

[9] *Pyarelal.* Thoreau, Tolstoy and Gandhiji. Calcutta; New Delhi: Oxford Book, 1958; *Iyengar K. R.* S. Thoreau, Tolstoy and Gandi // The Adventure of Criticism. London, 1962 cop. P. 429–443; *Krzyzanowski J. R.* Thoreau in Russia // Thoreau Abroad / Ed. by E. T. Timple. Hamden (Conn.), 1971.

[10] *Толстой Л. Н.* Круг чтения: Избранные, собранные и расположенные на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении: В 2 т. / Сост., вступ. ст. А. Н. Николюкина. М.: Политиздат, 1991.

[11] *Николюкин А. Н.* Взаимосвязи литератур России и США. М.: Наука, 1987. С. 133.

выраженной в его художественных и публицистических текстах, дневниках, письмах, помогают выделить общие предпосылки, которые и определили соотношение типологических аналогий в творчестве Толстого и американских писателей. Эти аналогии были обусловлены общественно-историческими, литературными, психологическими факторами. Толстой неоднократно обращал внимание на некоторые закономерности в развитии русской и американской литератур XIX века, связанные с особенностями исторического развития.

Яснополянская библиотека начала формироваться в XVIII веке преимущественно как книжное собрание на иностранных языках, и, как любое другое книжное собрание, она в полной мере отражает интересы и пристрастия всех ее владельцев. Состав старой части библиотеки, собранной дедом и родителями, во многом характерен для дворянских усадебных библиотек XVIII–XIX веков, и в этой связи объективно интересен процесс, длившийся десятилетия, в течение которых яснополянская библиотека из достаточно типичной усадебной библиотеки превращается в крупнейшую писательскую библиотеку мира, отражающую духовные и интеллектуальные устремления ее владельца. Пополнение библиотеки книгами американских авторов в последние десятилетия жизни писателя особенно ярко характеризует этот процесс. В старой части библиотеки книг американских авторов не так уж много. Самым старым изданием является книга: *Mather C.* Utilia. Real and Vital Religion: Served in the Various & Glorious Intentions of it: With 8 Essays upon Important Subjects, which have a Serviceable Aspect upon it. / Preface of Increase Mather; The Author's Preface of Cotton Mather. Boston, 1716 (с предисловиями известных американских религиозных писателей, проповедников И. Мэзера и К. Мэзера). На книге *Real and Vital Religion* сохраняются пометы, возможно рукой Толстого.

Англоязычная часть библиотеки характеризуется большим количеством литературных серий, и среди них – интересная для нас серия *Dürr's Collection of Standard American Authors* (Ed. By William E. Drugulin). В этой серии вышла, например, сохранившаяся

в яснополянской библиотеке книга «Представители человечества» Р. У. Эмерсона (Representative Men: 7 Lectures. Leipzig: Alphons Dürr, 1856). Она могла прийти из библиотеки профессора Московского университета, библиотекаря Румянцевского музея Н. И. Стороженко в 1884 году: на книге – его владельческий штамп. Из этой же серии – третий и четвертый тома Г. Лонгфелло, изданные в Лейпциге в 1858 году. По свидетельству Д. П. Маковицкого, Лонгфелло «нравится Л. Н.»[12]. В «Круг чтения» Толстой включил отрывок из Лонгфелло: «Постарайся устанавливать в себе внутреннюю тишину и то совершенное молчание и уст и сердца, когда мы больше не заняты нашими несовершенными мыслями и тщеславными суждениями, но когда сам Бог говорит в нас и мы в простоте сердца прислушиваемся к выражению его воли для того, чтобы, при молчании нашем, мы бы могли исполнить его одну волю» (42, 42). Это высказывание очень точно характеризует Лонгфелло, который всю свою жизнь провел в тиши домашней библиотеки, отгородившись от всех политических и общественных веяний времени, вероятно исполняя «одну волю» Бога.

Книги из этой серии относятся к самым старым изданиям книг американских авторов (в этой серии выходила и «Автобиография» Б. Франклина, и если бы Толстой был подписан на эту серию, эта книга могла быть в его библиотеке).

Широко известна лейпцигская серия Бернгарда Таухница *Collection of British Authors*, которая насчитывает в яснополянской библиотеке около двухсот томов. В этой серии издавались и произведения американской литературы, в частности книги Натаниела Готорна, новоанглийского прозаика, новеллиста (в библиотеке есть его книга: Transformation: or, The Romance of Monte Beni. Leipzig: B. Tauchnitz, 1860). Готорн был идейно близок трансценденталистам, но никогда к ним не примыкал по причине сомнений относительно главных тезисов трансценденталистов о божественной

---

[12] *Маковицкий Д. П.* У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки»: В 5 кн. М.: Наука, 1979. Кн. 1. С. 143.

сверхдуше, об идеальном устройстве мироздания. Оставаясь скептиком и рационалистом, Готорн не верил в самосовершенствование человека, хотя проблемы добра и зла, природы греха всегда волновали его и он пытался разрешить их на страницах своих произведений. Роман «Алая буква», опубликованный в 1856 году в журнале «Современник», очень не понравился молодому Толстому, о чем свидетельствует его письмо к И. И. Панаеву от 6 октября 1856 года (60, 92). Но в июле 1890 года Толстой рекомендует Л. П. Никифорову «хорошенький рукописный рассказ» Готорна «для фельетона и для Посредника» (65, 130). Л. П. Никифоров рассказ перевел и послал в провинциальную газету.

Из серии «Собрание британских авторов» в яснополянской библиотеке встречаются также сочинения поэта и прозаика Эдгара По, прозаика и публициста Марка Твена, о последнем, как замечает Д. П. Маковицкий, Толстой был «невысокого мнения»[13], но, по всей видимости, с его творчеством был знаком хорошо.

К наиболее старым изданиям в собрании американской литературы относятся и книги по проблемам образования, учебники и учебные пособия. Среди них – учебники М. Уилсона (*Marcius Willson's Readers*), книга американского лексикографа, редактора нескольких словарей английского языка Д. Уорсестора (*Worcester J. E.* A Pronouncing Spelling-book of the English Language. Boston; Portland (Me): Brewer & Tileston: Bailey & Noyes, 1865).

В библиотеке Толстого хранятся книги выдающегося ботаника, убежденного дарвиниста, профессора Гарвардского университета А. Грея (*Gray A.* First Lessons in Botany and Vegetable Physiology / Ill. by over 360 Wood Engravings, by Issac Spraque. New York; London: G. P. Putman & Co: Trьbner & Co., 1857. (American Educational Ser.; *Gray A.* How Plants Grow: A Simple Introduction to Structural Botany: Ill. By 500 Wood Engravings. New York; Chicago: Ivison, Phinney, Blakeman & Co: S. C. Griggs & Co., 1868. (Botany for Young People and Common Schools).

---

[13] Там же. С. 126.

Все эти книги выходили в свет в 1850–1860-е годы; возможно, что в эти же годы они появились и в яснополянской библиотеке.

Книга американского изобретателя немецкого происхождения Э. Берлинера «Выводы» (*Berliner E.* Conclusions. Philadelphia: Levy, 1899), присланная Толстому из подарочного тиража автора, оказалась в библиотеке на рубеже веков.

Большая часть американских книг из яснополянской библиотеки была издана в Америке в 1890–1900-е годы. Часто книги присылались самими авторами, с дарственными надписями. Состав и объем американского отдела библиотеки не всегда отражает интересы и читательские предпочтения Толстого, скорее в целом он говорит о масштабе популярности русского писателя в Америке на рубеже веков, об установлении многообразных связей. Есть книги, которые так никогда и не были прочитаны или просмотрены Толстым, – они не разрезаны; есть книги, разрезанные не полностью.

Огромное количество книг – по религиозным вопросам. Среди них – несколько книг Томаса Лейка Харриса (американского спиритуалиста, пастора универсалистской церкви, создателя «церкви», основанной на доктринах Сведенборга и Фурье); одна из них: *Harris Th. L.* God's Breath in Man and in Human Society. Santa Rosa (Ca), 1891. Имеется книга унитарианского священника и писателя Эдварда Э. Хейла: *Hale E. E.* The Man Without a Country. New York: The Outlook, 1902 (с дарственной надписью автора). Книга основателя религиозной секты свидетелей Иеговы Ч. Рассела, вероятно, была также прислана в Ясную Поляну одним из поклонников таланта Толстого (*Russel Ch. T.* Millenial Dawn: A Vindication of the Divine Character and Government. Alleghemy (Pa.): Watch Tower Bible and Tract Society, 1898 (A Helping Hand for Bible Students)). В библиотеке хранится много книг по буддизму, одна из них, американского журналиста, изучавшего Японию (*Hearn L.* Gleanings in Buddha-fields & Studies of Hand and Soul in the Far East. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Co, 1897 cop.), по свидетельству Д. П. Маковицкого, привлекла внимание Толстого[14]. Есть книга

Х. Баллу, основателя универсализма, но Толстого интересовал больше Эйдин Баллу, проповедник учения о непротивлении злу насилием. Хранятся книги Священного Писания и комментарии к ним. Книга Д. Л. Муди (*Moody D. L.* Pleasure and Profit on Bible Study. Chicago: Bible Institute Colportage Association, 1895. (The Colportage Library: Semi-monthly; Vol. 1, № 3)) имеет дарственную надпись: «In hope that Count Tolstoi may be led to Enter into the whole Truth. Luke 24-th Chap.» («В надежде, что граф Толстой может быть приведен в совершенную Истину. Лука, 24-я гл.»). Толстой уделял особое внимание религиозному движению квакеров, и в его библиотеке есть несколько книг на эту тему; одна из них, написанная Исааком Шарплиссом (*Sharpless I. A.* Quaker Experiment in Government. Philadelphia: Alfred J. Ferris, 1898), рассказывает об истории движения квакеров в Америке начиная с 1681 года, другая – о жизни и творчестве основателя Общества друзей, или квакеров, Джорджа Фокса: «Отрывки из биографии и произведений Джорджа Фокса» (Passages from the Life and Writings of George Fox... Philadelphia: Friends' Book-store, 1881). В библиотеке также есть книга Т. Коупа о жизни и творчестве еще одного выдающегося квакера, Уильяма Пенна: *Cope Th.* Passages from the Life and Writings of William Penn. Philadelphia: Friends' Book-store, 1882.

На некоторых книгах религиозного содержания сохраняются следы чтения писателя (*Smyth J. K.* Footprints of the Saviour. Boston: Roberts Brothers, 1889; *Savage M. J.* The Passing of the Permanent in Religion. New York; London: G. P. Putnam's Sons, 1901). При таком обилии и разнообразии религиозной литературы в библиотеке Толстого неудивительным кажется его замысел «О 1000 верах».

В личной библиотеке имеется большое количество медицинской литературы (Джона Келлога, например); некоторыми из медицинских книг, очевидно, пользовался Д. П. Маковицкий; есть книги по вегетарианству (Джона Мора и др.). Свою книгу, с дарственной надписью, прислал Толстому Дж. В. Сэвори, один из

---

[14] Там же. С. 382, 385.

немногочисленных поклонников «Крейцеровой сонаты» в США (*Savory G. W.* How My Hell upon Earth Became Heaven. Los Angeles: The Order of the Orange Blossom, [1894]). Книги из Америки Толстому присылали также библиофил Джеймс К. Янг и переводчик первого полного собрания сочинений Толстого на английском языке Лео Винер. Фрэнсис Уиллард, профессор эстетики, председатель женского христианского союза трезвости (*Women's Christian Temperance Union*), регулярно отправляла в Ясную Поляну свои книги, посвященные проблемам женщин в Америке; таких книг шесть. Прислала несколько своих книг и американская социалистка Джейн Аддамс; среди них – *Addams J.* Democracy and Social Ethics. New York; London: The Macmillan Co, 1902. (The Citizen's Library of Economics, Politics, and Sociology / Ed. by R. T. Ely).

В библиотеке есть также книги Дж. Ф. Купера, Х. Гарленда, Дж. Лондона, Э. Глазгоу, поэта-социалиста Э. Маркхэма и других известных писателей. Некоторые из них были подарены Толстому.

Книги со следами чтения писателя составляют поистине «золотой фонд» яснополянской библиотеки. В «американском собрании» таких книг – большое количество, и они представляют наибольший интерес для исследования. Развернутые маргиналии или просто отдельные отчеркивания на страницах многих книг повествуют о творческом и духовном пути писателя, его религиозных раздумьях, этапах художественного и нравственного развития, нравственно-эстетических исканиях. Причем анализ материалов библиотеки показывает, что особенно многочисленные пометы (массив отчеркиваний и подчеркиваний, «NB», отдельные записи, помимо развернутых маргиналий) – это следы более сосредоточенного и целенаправленного изучения, чем просто чтение с познавательной целью. Как правило, подобные пометы говорят не только о Толстом – вдумчивом читателе, но и Толстом-художнике, религиозном философе и проповеднике, педагоге, редакторе, издателе и переводчике.

В американской литературе Толстой жадно искал то, что отвечало его кредо об искусстве истинном, то, что он мог «передать

людям», русскому читателю. В последние годы его чтение носило подчас прагматический характер: он скрупулезно отчеркивал и нумеровал необходимое ему для работы. Толстовские маргиналии далеко не всегда свидетельствуют о позитивном восприятии прочитанного, иногда они говорят об обратном. Из помет наиболее распространенными являются отчеркивания и подчеркивания, из записей – «NB», встречается нумерация отчеркнутого, довольно часто Толстой прибегал к выделению части текста, другие записи на полях носят оценочный характер.

При исследовании американской части библиотеки учитываются все владельческие особенности экземпляров: и пометы, и дарственные надписи, и штампы, и вложения, что дает неоценимый материал не только для анализа восприятия Толстым американской литературы, но и для более глубокого понимания его личности, идейной и эстетической природы его творчества и, конечно же, для характеристики культурного «климата», среды, окружавшей писателя.

Известный английский журналист Уильям Стэд, редактор журнала *Review of Reviews*, после встречи с Толстым в 1889 году писал: «Американцы относятся к Толстому с гораздо большей симпатией, чем англичане. Его сочинения были переведены в Америке раньше, чем в Англии, и, похоже, находят там значительно больше восторженных почитателей, чем у нас. На одно письмо, получаемое графом из Англии, приходится шесть из Америки. Это симпатия взаимная. “Тургенев, – сказал он как-то, – говорил мне, что американцы не написали ничего такого, что стоило бы читать. В этом он не прав. Мне очень нравится американская литература, она очень хороша”»[15].

Уже к концу 1880-х годов У. Стэд, как и некоторые другие современники Толстого, констатировал установление взаимосвязей между Толстым и американской аудиторией («симпатия взаимная»). Известно, что Толстой читал произведения американской

---

[15] *Stead W.* Th. Truth about Russia. London; Paris; New York; Melbourne: Cassell & Company, 1888. P. 450–451.

литературы на протяжении почти всей своей жизни, начиная с 1840-х годов. В знаменитом письме к М. М. Ледерле от 25 октября 1891 года он отмечает среди книг, произведших на него впечатление в возрасте от 14 до 20 лет: «Прескота Завоевание Мексики – большое» (66, 67). Толстой мог читать эту книгу американского историка и литературного критика по-английски (в 1843 году она вышла в Бостоне, в 1847 году появилась книга «Завоевание Перу», вероятно также прочитанная Толстым), мог читать ее в переводе на русский язык в журналах «Современник» и «Отечественные записки». В яснополянской библиотеке эта книга сохранилась в переводе на немецкий язык (издание 1845 года). В июле 1853 года он читает роман Дж. Ф. Купера «Предосторожность» (*Precaution*), но совершенно справедливо остается об этом произведении довольно низкого мнения («глупый роман») (46, 169): по всеобщему признанию, этот первый роман Дж. Ф. Купера, вышедший в свет в 1819 году, был откровенной неудачей, чего нельзя сказать о всех последующих его произведениях. Вероятно, и этот американский роман был прочитан Толстым не в оригинале, а по-французски; книга имеется в библиотеке на английском языке, но издания 1889 года.

Так сложилось, что с первыми прочитанными Толстым произведениями американской литературы он знакомился не в оригинале, а в немецких и французских переводах («Хижина дяди Тома» была также прочитана в 1850-е годы по-немецки). Можно осторожно предположить, что по-английски Толстой читал в 1850-е годы Р. У. Эмерсона, но достоверной информацией об этом раннем прочтении Эмерсона мы не располагаем, так как не знаем наверняка, когда появилась в библиотеке книга «Представители человечества», изданная в Лейпциге в 1856 году, но мы знаем, что статью об этой книге Эмерсона он читал по-немецки в немецком журнале.

Впечатление от прочитанных произведений американских писателей остается в творческой памяти писателя надолго. Так, в «Казаках» мы читаем: «Невольно в голове его мелькнула мысль о Куперовом Патфайндере и абреках» (6, 74). Обращение к роману

«Следопыт» (*Pathfinder*) говорит о том, что Толстой читал не только первый роман Купера, но и другие его произведения. В 1860-е годы в отрывке «Прогресс» Толстой вспоминает о книге У. Прескотта «Завоевание Перу».

Но, конечно, наиболее интенсивное чтение произведений американских авторов приходится на 1880–1900-е годы, когда он по-настоящему открывает для себя американских писателей, общественных, политических, религиозных деятелей, философов. Чтение происходит чаще всего по-английски, иногда – по-русски (к этому времени стали появляться неплохие переводы американской литературы, и сам Толстой активно включился в этот процесс), реже – на других языках.

Примечательно, что освоение Толстым американской литературы происходило параллельно с освоением американцами произведений Толстого. Лишь незначительное число американских читателей познакомилось с сочинениями Толстого в конце 1860-х годов, когда в Америке появился первый перевод его «Севастопольских рассказов»[16].

Среди всех американских писателей, общественных и религиозных деятелей одно имя у Толстого стоит совершенно обособленно и сохраняет некий покров тайны. Это – Бенджамин Франклин. В американском литературоведении до сих пор не утихают споры о степени влияния Б. Франклина на Толстого, о том, читал ли он его «Автобиографию». Джейм А. Соколов в своей статье достаточно аргументированно говорит о влиянии Франклина на Толстого: «Толстой начал свою литературную карьеру, используя Франклиновы "правила", а закончил литературную деятель-

---

[16] Об истории восприятия творчества Толстого в США пишет А. Н. Николюкин в книге «Взаимосвязи литератур России и США» (М.: Наука, 1987. Глава «Лев Толстой и Америка»); этой проблеме посвящены также диссертация Г. Н. Сыздыковой: Л. Н.Толстой в США. История восприятия творчества русского писателя в 1869–1900 гг.: Дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1982, и статья канадского исследователя: *Fodor A.* The Acceptance of Leo Tolstoy in the United States // Research Studies. Montreal: McGill University, 1977. № 45 (2). June. P. 73–81.

ность, возвратившись к источнику своих литературных и философских тем»[17]. Гарри Х. Уолш в статье «О предполагаемом влиянии Бенджамина Франклина на Толстого» почти полностью отвергает влияние Франклина на Толстого, считая, что в «правилах» Толстого 1847 года заметно скорее влияние не Франклина, а немецкой классической философии[18]. В 1985 году Барбара У. Мэггз в статье о Франклине и Толстом пытается подвести итоги жаркой дискуссии, развернувшейся в 1970-е годы. По ее мнению, важно знать, познакомился ли Толстой с идеями самосовершенствования Франклина из первых рук, то есть непосредственно из его «Автобиографии», или он просто слышал о них. В первом случае влияние Франклина на Толстого можно было бы признать имеющим значение, во втором – имеющим минимальное значение или несуществующим вообще. В конечном итоге она приходит к выводу, что «положение о значительном влиянии Франклина на Толстого – убедительно»[19].

Н. Н. Гусев писал по поводу романа Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских» и «Автобиографии» Франклина в жизни молодого Толстого: «Но наибольшее значение роман Бегичева имел для Толстого тем, что из него он впервые узнал о “франклиновском журнале”.

В том душевном состоянии недовольства собой, в каком находился тогда Толстой, рассказ о “франклиновском дневнике” показался ему откровением»[20].

Было бы наивно отрицать влияние идей Франклина на молодого Толстого, в каком бы виде он их ни получал – из прямого

---

[17] *Sokolow J. A.* «Arriving at Moral Perfection»: Benjamin Franklin and Leo Tolstoy // American Literature. Durham (N.C.): Duke University Press, 1975. Vol. 47. P. 431.

[18] *Walsh H. H.* On the Putative Influence of Benjamin Franklin on Tolstoi // Canadian-American Slavic Studies. 1979, Vol. 13. № 3.

[19] *Maggs B. W.* The Franklin – Tolstoy Influence Controversy // Proceedings of the American Philosophical Society. 1985. Vol. 129. Sept.

[20] *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 278.

источника или опосредованно, – хотя бы по причине серьезного увлечения Толстого XVIII веком, веком Просвещения, доверия разуму, по выражению Б. М. Эйхенбаума, «эпохой педагогической больше всего»[21]. Не случайно ведь не немецкие романтики, а нравоучительные произведения французской и английской литературы завладевают вниманием молодого Толстого, универсализм самообразования и самовоспитания которого совершенно органично принимал уникальную систему самосовершенствования Франклина. Но, как всегда это случалось у Толстого, он подходит к ней творчески: если Франклин отмечал, какие из добродетелей он нарушил, то Толстой отмечает пороки, с которыми должен бороться. Этический кодекс Франклина и страстное стремление Толстого к нравственному самосовершенствованию – это то, что А. Н. Веселовский называл явлением «психологического параллелизма».

Первое упоминание о «франклиновском журнале» встречается в дневниковой записи от 8 марта 1851 года: «Составить журнал для слабостей. (Франклиновский)» (46, 49). Но еще раньше, 7 апреля 1847 года, Толстой пишет о «таблице правил», которая должна находиться в дневнике (46, 29). В конце марта 1851 года в наброске автобиографического отрывка «История вчерашнего дня» он описывает свой способ ведения журнала: «Я обыкновенно вечером пишу дневник, франклиновский журнал и ежедневные счеты... В журнале у меня по графам расписаны слабости – лень, ложь, обжорство, нерешительность, желание себя выказать, сладострастие, мало fierté* и т. д., все вот такие мелкие страстишки: в этот журнал я из дневника выношу свои преступления крестиками по графам» (1, 289). В дневнике Толстого 1851 года фигурируют особо выделенные недостатки: «нерешительность», «торопливость», «подражание», «непостоянство», «необдуманность», «тщеславие», «лень» и т. п. В это же время – активное общение с Никитой Степановичем Бе-

---

[21] *Эйхенбаум Б. М.* Молодой Толстой. Пг.; Берлин, 1922. С. 14.
* Благородства (*фр.*).

гичевым. 22 августа 1851 года – вновь про обращение к журналу, о работе с ним: «28 мое рождение, мне будет 23 года; хочется мне начать с этого дня жить сообразно с целью, которую сам себе поставил. – Обдумаю завтра все хорошенько, теперь же принимаюсь опять за дневник с будущим расписанием занятий и сокращенной Франклиновской таблицей. – Я полагал, что это педантство, которое вредит мне; но недостаток не в том, а не стеснить размашистых движений души никакой таблицей нельзя. Ежели таблица эта могла подействовать на меня, то только полезно, укрепляя характер и приучая к деятельности; поэтому продолжаю тот же порядок» (46, 86). По этой записи можно судить о весьма благотворном воздействии системы Франклина на молодого Толстого. В 7-м варианте рассказа «Записки маркера», над которым Толстой работает в 1853 году и который в известной степени автобиографичен, он заставляет своего героя самосовершенствоваться по Франклину: «Я пробовал снова вести Франклиновский журнал пороков и каждый вечер рассматривать свои поступки и объяснять себе причины тех, которые были дурны» (3, 283). В июле 1855 года «франклиновский журнал» появляется в плане «Юности», в перечне тем (2, 297). Следующая запись в дневнике о ведении журнала относится к 19 января 1854 года: «Франклиновский журнал – другое дело. Выписывать главные пороки и стараться избегать их. И писать мысли. – Стало быть, в моем образе занятий только та перемена, что заменяется только тетрадка правил тетрадкой франклиновской» (46, 230). О возобновлении журнала Толстой пишет 19 мая 1855 года: «Неужели я не могу приучить себя к деятельности и порядку? Испытываю себя в последний раз. Ежели снова я впаду в равнодушие, беспечность и лень – я соглашусь с тем, что я могу работать урывками, и не буду пытаться. Теперь же возобновляю франклиновский журнал» (47, 43). Через месяц, 11 июня 1855 года, он с некоторой горечью пишет: «Смешно, 15-ти лет начавши писать правила, около 30 все еще делать их, не поверив и не последовав ни одному, а все почему-то верится и хочется. Правила должны быть моральные и практические. Вот практическое, без которого

не может быть счастья, умеренность и приобретение» (47, 45). Вторая часть определенно звучит в духе рационального Франклина.

Ничто из записей 1851–1855 годов не говорит о прочтении Толстым «Автобиографии» Франклина, но сама идея самосовершенствования по системе Франклина, почерпнутая, возможно, из романа Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских» или из разговоров с Бегичевыми, то есть навеянная Толстому, по определению Б. М. Эйхенбаума, ссылавшегося на Д. Д. Ахшарумова, самим «духом времени»[22], проникает настолько глубоко в сознание юного Толстого, что к Франклину, к совершенствованию по Франклину обращается вновь и вновь не только сам Толстой, но и герои его произведений.

Но если в 1850-е годы в дневнике и черновых вариантах произведений чаще всего речь идет о «франклиновском журнале», или таблице, то в 1870-е годы на страницах «Анны Карениной» дважды появляется имя самого американского просветителя как отзвук настроений 1850-х годов и как знак грядущих духовных перемен. В момент высокого нравственного подъема Левина, момент определения цели, для «которой стоит жить и работать», когда личное и общее сливаются для него воедино, в его сознании возникает Франклин с таким же комплексом «недоверия себе» («Я уверен, что Франклин чувствовал себя так же ничтожным и так же не доверял себе, вспоминая себя всего». – 18, 363), которое у Толстого прочитывается как необходимость «доверия к себе» и в котором так нуждаются и Левин, и автор романа. Нужна моральная величина, по которой можно проверить себя, самоутвердившись. Стихийно возникает имя Франклина после рассуждений Левина о «величайшей революции». А в рассуждениях Голенищева имя Франклина стоит в ряду «революционеров или мудрецов» – таких, как Сократ, Шарлотта Корде.

Непосредственно «Автобиография» Франклина Толстым упоминается всего лишь раз – в письме к В. Г. Черткову от 19–21 января

---

[22] *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой: Семидесятые годы. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 249.

1887 года, когда Толстой пишет ему о том, что следует издавать в «Посреднике» «все знаменитые сочинения» иностранных писателей, «которые выдержали много изданий и, главное, переводов» (86, 128). И среди произведений Вольтера, Руссо, Бернардена де Сен-Пьера, Шиллера, Гольдсмита, Свифта и других писателей Толстой называет «Записки Франклина», имея в виду, конечно, «Автобиографию».

«Автобиографии» Б. Франклина, по всей видимости, в яснополянской библиотеке не было, в списках «старой библиотеки», среди книг Н. С. Волконского, М. Н. и Н. И. Толстых, ни у С. Л. Толстого, ни у Н. Н. Гусева, ни у С. А. Толстой эта книга не значится, что еще раз подтверждает предположение о том, что с этим сочинением американского просветителя Толстой непосредственно знаком не был, но дух этого произведения, которое является ярким образцом эпохи XVIII столетия, корреспондирующийся с духом сочинений Руссо, Вольтера, стал для Толстого вдохновляющим стимулом, парадигмой самосовершенствования.

В последний год жизни Толстого в его библиотеке появилась брошюра Д. Фелса: *Fels J.* Franklin and Freedom / An Address by Joseph Fels to the «Poor Richard» Club of Philadelphia. Jan. 6-th, 1910. Cincinnati (O): Daniel Kiefer, 1910. Книгу он получил, вероятно, от одного из своих американских единомышленников, возможно Болтона Холла. Мысли Франклина, которые приводит автор в главах «О войне и мире», «О земельном вопросе», «О едином налоге», чрезвычайно созвучны толстовским, сама проблематика глав говорит о вопросах, волновавших Толстого на протяжении всей его жизни. В библиотеке есть две книги и самого Б. Холла, писателя и общественного деятеля, близкого по взглядам Толстому, сторонника и пропагандиста учения Генри Джорджа, друга Эрнеста Кросби.

В 1897 году Холл прислал Толстому свое изложение книги Толстого «О жизни» (*Even as You and I: Parables of True Life* / By Bolton Hall), одобренное Толстым в письме к В. Г. Черткову. В письме к Б. Холлу от 2 марта 1897 года Толстой замечает: «На-

деюсь, что эта книга, в этой новой форме, будет в том смысле, как я желал, полезнее для более широкой публики, чем оригинал» (70, 41–42). Согласно «Яснополянским запискам» Д. П. Маковицкого, Толстой читал книгу Б. Холла *The Game of Life* (New York: A. Wessels Co., 1902) 20 сентября 1908 года, в оглавлении отмечены простым карандашом, вероятно рукой Толстого, названия некоторых рассказов.

В марте 1908 года Холл прислал Толстому экземпляр американского журнала *Single Tax Review* (1908. № 3), в котором пропагандировались экономические идеи Г. Джорджа о земельной собствености. В библиотеке сохраняется этот экземпляр журнала с отмеченной Б. Холлом для Толстого статьей. Он благодарил Холла за статью и писал: «Я очень рад, что разрешение этого вопроса продвигается в вашей стране вперед. Безразличие России к этому важнейшему вопросу является для меня необъяснимой загадкой. Я пытался предлагать эту систему членам правительства и Думы, но они все кажутся столь занятыми разными незначительными делами, что не имеют ни времени, ни ума для этого серьезного вопроса» (78, 90).

Толстой, как и Холл, придавал огромное значение экономическим реформам Генри Джорджа, выступал пропагандистом его теории единого земельного налога. В письме к Генри Джорджу от 8 апреля 1896 года он писал: «...я давно знаю и люблю Вас. Хотя мы и идем разными дорогами, не думаю, чтобы мы разно мыслили о самом основном. Мне очень радостно было видеть в вашем письме два раза упоминание о другой жизни. <...> Очень рад известию о том, что вы пишете критику ортодоксальной политической экономии» (76, 77). В 1909 году, через двенадцать лет после смерти Генри Джорджа, в Ясную Поляну приехал его сын, журналист и общественный деятель Генри Джордж-младший. В дневнике Толстой отметил 5 июня 1909 года: «Приехал сын Джорджа с фотографом. Приятный» (57, 79). Еще в 1901 году он прислал в подарок Толстому книгу о своем отце: *George H.* The Life of Henry George. New York: Doubleday and McClure Co., 1900. В ней была сделана дарственная

надпись: «To Count Leo Tolstoy, with sentiments of profound respect of Henry George, jr // New York, June 25, 1901» («Графу Толстому с чувством глубокого уважения от Генри Джорджа-младшего // Нью-Йорк, 25 июня 1901 года»). А после визита к Толстому в июне 1909 года просил его прислать ему несколько отростков луковиц бордовых и белых лилий, которые растут возле дома писателя, чтобы посадить их у могилы отца.

В яснополянской библиотеке насчитывается девять книг последователя и корреспондента Толстого Эрнеста Кросби[23], взгляды которого также во многом основывались на учении Генри Джорджа. Юрист по профессии, представитель международного суда в Египте, Кросби после чтения в 1891 году книги Толстого «О жизни» резко изменил свою жизнь, отказавшись от блестящей политической карьеры ради распространения идей Толстого в Америке. Как отметил канадский профессор политэкономии Джеймс Мейвор, сочинения Кросби показывают, насколько глубоко «он впитал толстовское евангелие опрощения»[24]. Книгу Э. Кросби *Plain Talk in Psalm and Parable* (London: The Brotherhood, 1899) Толстой назвал «превосходной», а открывающее ее стихотворение *Fiat Lux* перевел и опубликовал в «Молодой воле» (1907. № 1). В своих произведениях Кросби выступает как поэт, публицист, поднимающий проблемы войны и мира, непротивления злу насилием. Его сатирический роман антимилитаристского направления *Captain Jinks, Hero* (New York; London: Funk & Wagnalls, 1902) был весьма одобрен Толстым. Джеймс Мейвор писал о Кросби: «Такие люди, как Лев Толстой и Эрнест Кросби, находят, что реализовать идеально простую жизнь не только субъективно трудно, но объективно невозможно. Их упорство в достижении идеальной жизни, конечно, бесплодно. <...> Ранняя смерть Кросби лишила

---

[23] Публикацию неизвестных писем Л. Н. Толстого к Э. Х. Кросби из архивов США подготовил Р. Виттакер в кн.: Неизвестный Толстой в архивах России и США. М.: АО ТЕХНА, 1994. С. 205–228.

[24] *Mavor J.* My Windows on the Street of the World. London; Toronto: J. M. Dent & Sons; New York: E. P. Dutton, 1923. 2 vols. Vol. 2. P. 181.

Соединенные Штаты и весь мир настоящего борца за справедливость»[25]. Сборник-календарь изречений *The Earth-For-All-Calendar* (New York: Geo P. Hampton, [1900?]), составленный Кросби, хранит следы чтения Толстого и является одним из источников «Круга чтения». На страницах сборника Толстой отчеркивает отрывки из произведений Эмерсона, Уитмена, Джорджа, других американских писателей, а также Канта, Шопенгауэра, Спенсера, Рёскина, Кольриджа, Карлейля.

Кроме календаря, составленного Кросби, еще одно его издание, хранящееся в личной библиотеке Л. Н. Толстого, послужило источником «Круга чтения». Это журнал *Whim*: A Peridical without a Tendency / Ed. E. Crosby and B. Prieth. Newark (N. J.), 1901–1905. Одним из его редакторов был Э. Кросби. Вполне возможно предположить, что Толстой читал, просматривал все номера журнала (1902–1904 гг.) непосредственно в 1904 году, и делал это целенаправленно, имея в виду составление «Круга чтения», об этом говорит и характер следов чтения писателя – его многочисленные пометы.

30 апреля 1904 года Толстой благодарил Э. Кросби за присылку журнала: «Мне приятно было найти там ваши стихотворения» (75, 89). Толстой мог читать стихи Кросби *My Soul* в № 3 (октябрь) 1903 года и стихи *Spring Thoughts* в № 3 (апрель) 1904 года. Толстой отбирал из американского журнала высказывания английских, американских, французских, арабских мыслителей; перевод соответственно производился с английского, о чем Толстой писал в «Предисловии» к «Кругу чтения»: «Часто я переводил мысли немецких, французских и итальянских мыслителей с английского, и потому переводы мои могут оказаться не вполне верны подлинникам» (42, 470). В нашем случае переводы отличаются поразительной дословностью, что, в общем, не было характерным для Толстого в процессе работы над «Кругом чтения» и что он со всей очевидностью признавал сам: «Если вследствие дурной пере-

[25] Ibid. P. 182.

дачи или перевода, или неудачного выражения самого автора, или вследствие свойственного времени автора суеверия мысль высокая и нужная людям выражена так, что она не вполне понятна, или связана с другой, отталкивающей современного читателя мыслью, то как же не желать передать эту мысль в самом понятном и привлекательном виде, без тех искажений, которые лишают ее значения» (42, 471).

Все изречения из журнала *Whim*, отмеченные Толстым, органично вписывались в русло его размышлений последнего десятилетия жизни, становились частью его безбрежного духовного космоса. Толстой заносил изречение в «Круг чтения» и продолжал развивать его в дневнике и письмах, в текстах художественных и публицистических сочинений. Но кроме вошедшего в «Круг чтения» Толстой оставил на страницах журнала огромный массив отчеркиваний, исправлений тех изречений, которые остаются за рамками корпуса текстов «Круга чтения», но которые, безусловно, вдохновляли Толстого на размышления в дневнике, письмах, публицистике.

Характерной чертой американского собрания книг в библиотеке Толстого является то, что одни книги «приводили» за собой другие: многие из них так или иначе связаны между собой, образуя тематические гнезда. Так, благодаря Эрнесту Кросби в библиотеке Толстого появилась книга мэра города Толедо Сэмуэля Джоунса: *Jones S. M.* Letters of Love and Labor.Toledo (Ohio): The Franklin, 1900–1901. 2 vols.); на суперобложке книги – цитата из романа «Воскресение», сохраняется также дарственная надпись: «To Lyof Tolstoi With all love and good will greeting from one whom you have helped to hate War and to love Love» («Льву Толстому. Со всей любовью и добрыми пожеланиями от одного из тех, кому Вы помогли ненавидеть Войну и любить Любовь»).

19 июля 1909 года Д. П. Маковицкий отмечал, что Лев Николаевич просил достать ему из библиотеки книги о международном мире, необходимые ему, видимо, для Стокгольмского конгресса мира[26]. Нашли книги и Э. Кросби, и V. Duras. Кроме указанных

Маковицким в библиотеке есть еще четыре книги из американской серии «Международная школа мира». Среди них – книга переводчика произведений Толстого Н. Доула *Peace and Progress: Two Symphonic Poems* (Boston: Private Printing, 1904), брошюра, присланная магистром искусств, убежденным поборником мирного урегулирования всех военных проблем М. Леверсоном *In the Name of Liberty* ([Philadelphia]: S. N., [1900]), и другие.

В декабре 1903 года Толстого посетил американский политический деятель, кандидат в президенты от Демократической партии Уильям Дженнингс Брайан. О встрече с Брайаном Толстого просил американский журналист Джеймс Крилмен, побывавший у Толстого в 1891 и 1903 годах. Он рекомендовал Брайана как серьезного, бескомпромиссного и убежденного демократа. После встречи в Ясной Поляне Толстой писал Брайану: «От всего сердца желаю Вам успеха в ваших попытках уничтожить тресты и помочь трудовому народу пользоваться всеми плодами своего труда; но я думаю, что это не самое главное дело вашей жизни. Самое важное – это знать волю Бога, то есть знать, что Он желает, чтобы мы делали для исполнения ее» (75, 17). У. Д. Брайан написал Толстому четыре письма. Толстой желал успеха Брайану в его президентской кампании, поддерживал его кандидатуру, что вызвало безусловное раздражение, как отмечал сам Брайан, победившего на выборах Теодора Рузвельта. В 1905 году Толстой получил книгу Брайана: *Bryan W. J.* Under Other Flags: Travels, Lectures, Speeches. Lincoln (Nebr.): The Woodruff-Collins Printing Co, 1904; с дарственной надписью: «To Count Tolstoy with assurances of high esteem W. J. Bryan. Dec. 2 1904» («Графу Толстому со свидетельством высокого почитания»). Одна из глав книги, *Tolstoy, The Apostle of Love**, посвящена Толстому.

Сестра переводчицы произведений Толстого Луизы Моод, М. Я. Шанкс, прислала в Ясную Поляну по просьбе Толстого кни-

---

[26] *Маковицкий Д. П.* Кн. 4. С. 18.
* Толстой – апостол любви (*англ.*).

гу слепоглухонемой писательницы Э. Келлер: The Story of My Life. London: Hodder & Stoughton, 1909. «Читал про слепонемую, – пишет Толстой, – которая радуется своей жизнью, благодарит за нее Бога и пишет, что назначение человека – быть счастливым, довольным и своей радостью жизнью помогать другим радоваться жизни» (56, 51). Потеряв зрение и слух ребенком, Э. Келлер, благодаря талантливой учительнице, занимавшейся с ней, а также собственным невероятным усилиям, научилась не только говорить, но стала лектором, ученым, писателем. Известно, что поводом к появлению в «Пути жизни» двух мыслей, в которых фигурирует слепая и глухонемая Эллен Келлер (гл. IV «Бог», отдел II, 9 и гл. V «Любовь», отдел V, 4), послужил разговор в Ясной Поляне между Т. Л. Толстой и М. Я. Шанкс, записанный Д. П. Маковицким.

Увлечением Толстого религиозными и философскими учениями Востока объясняется появление в его библиотеке книг американских авторов на эту тему. В кабинете Толстого хранится книга Лао-цзы «Свет Китая» в переводе И. У. Хейзингера (*Lao-Tzy*. The Light of China... Philadelphia: Research Publ. Co: Peter Reilly, 1903) с его переводами прочитанного. В кабинете находится и книга американского писателя-ориенталиста, редактора и издателя чикагского журнала *Open Court* П. Каруса: *The Gospel of Buddha* / According to Old Records Told by Paul Carus. Chicago; London: The Open Court: Kegan Paul, Truebner & Co., 1905. Многочисленные пометы говорят о глубоком воздействии, которое Толстой испытывал всякий раз, когда обращался к этой книге. Он с большим одобрением отмечает не что-то новое, поразившее его, но часто то, что созвучно его душевному состоянию в момент чтения, что нужно «передать людям». «Пусть человек преодолевает гнев любовью, зло – добром, жадность – щедростью, ложь – правдой!» – отчеркивает Толстой на с. 115 и делает запись на полях: «любовь». Следующие две строки отчеркнуты и подчеркнуты: «Ненависть никогда не остановить ненавистью, ненависть останавливают только любовью, это старое правило», против этих строк та же запись: «любовь». На с. 116 отчеркнуто высказывание: «Способность

к религии превосходит все другие способности; сладость религии превосходит все другие сладости; восторг религии превосходит все другие восторги; утоление жажды преодолевает всю боль», на полях против него запись: «религ<ия>».

Многое из отчеркнутого Толстой, вероятно, предполагал использовать для своих сборников изречений. На с. 206 отчеркнута и подчеркнута мысль о доверии себе: «Не ищи помощи ни от кого, кроме самого себя»[27]. 27 февраля 1907 года, по свидетельству Д. П. Маковицкого, «Л. Н. дал Александре Львовне, вчера и сегодня больной бронхитом, читать книгу "The Gospel of Buddha" by Paul Carus и поощрял перевести ее»[28]. А 27 марта 1908 года Маковицкий записал: «*Л. Н.*: Читал The Gospel of Buddha (By Paul Carus). Очень хорошее изложение»[29]. В книге П. Каруса «Нирвана» (Nirvâna: A Story of Buddhist Philosophy. Chicago; London: T Hasegawa: The Open Court, [1896]) есть загнутые вдвое уголки, что является свидетельством возможного чтения книги Толстым. Из журнала *Open Court* Толстой перевел буддийскую сказку Каруса и напечатал ее со своим предисловием в журнале «Северный вестник» (1894. № 12).

В 1888 году американская писательница, доктор медицины Алиса Стокхэм прислала Толстому свою книгу «Токология» (Stockham, Alice B. Tokology: A Book for Every Woman. Chicago: Alice B. Stockham & Co., 1888). Книга была им чрезвычайно высоко оценена и по его совету переведена на русский язык С. Долговым. 2 февраля 1890 года Толстой написал к книге предисловие.

О важности книги А. Стокхэм Толстой пишет В. Г. Черткову вскоре после ее получения: «О брачной жизни я много думал и думаю, и, как всегда бывало со мной, как я о чем начинаю думать серьезно, так извне меня подстрекают и мне помогают. Третьего дня я получил из Америки книгу одной женщины доктора (она писала мне). <...> Книгу вообще превосходную, но главное, трактующую

---

[27] *Carus P.* The Gospel of Buddha. Chicago: The Open Court Publ. Co, 1905.
[28] *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 2. С. 382.
[29] Там же. Кн. 3. С. 41.

в одной главе о том самом предмете, о котором мы с вами переписывались, и решающую вопрос, разумеется, в том же смысле, как и мы» (86, 188).

Во время встречи с А. Стокхэм в Ясной Поляне в октябре 1889 года Толстой много беседовал с ней о религиозном движении в Америке, в его дневнике от 3 октября 1889 года записано: «Я просил Штокгам помочь собрать сведения о религиях Америки» (50, 153). А в письме к Т. Л. Толстой от 2 октября 1889 года он пишет: «M. Stockham, очень мне была полезна, не в медицинском, а в религиозном, в сведениях о религиозном движении в Америке, которым она сама занята» (64, 312). Интерес Толстого и Стокхэм к религиозному движению совпадал. 3 октября 1889 года он сообщает И. Д. Ругину: «Умная и серьезная женищина, бывшая квакерша и желающая писать о религиях Америки. Она во многом дополнила мои сведения об американском религиозном движении, и очень мне хочется написать о нем то, что я о нем знаю и думаю» (64, 314).

18 октября 1893 года Толстой читает книгу Стокхэм «Творческая жизнь» (Creative Life: A Special Letter to Young Girls. Chicago: Alice Stockham & Co., 1893). Как и «Токология», эта книга также приковывает к себе его внимание, и в письме к П. Г. Хохлову от 3 ноября 1893 года он замечает: «Мне понравилась недавно присланная брошюра Стокхэм о "творческой жизни", как она озаглавила ее» (66, 240). На страницах книги сохраняются пометы Толстого. На русском издании «Токологии» – также следы его чтения. Очевидно, А. Стокхэм все-таки была полезна Толстому и в медицинском отношении. В ее книгах он увидел теоретическое и практическое подтверждение своих взглядов о целомудренности брачной жизни.

Можно предположить, что книга «Токология» в какой-то степени повлияла на Толстого во время его работы над повестью «Крейцерова соната». В целом высоко оценивая эту книгу Стокхэм, Толстой особо выделял главу XI «Целомудрие в супружеских отношениях» (в частности, в письме к В. Г. Черткову). В комментариях к 27-му тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого

говорится, что мысли, высказанные Толстым в повести и «Послесловии» по вопросу о целомудрии в брачной жизни, настолько близки, иногда даже по форме, мыслям на этот счет Стокхэм, что можно, кажется, говорить не только о случайном совпадении высказываний обоих авторов (27, 573). Более тщательный сравнительный анализ текстов позволяет увидеть в монологе Позднышева (гл. XIII–XIV) мысли, высказанные Стокхэм в гл. XI «Токологии». Толстой работал над этими главами после прочтения книги.

Результатом поездки Алисы Стокхэм в Ясную Поляну стала ее книга: Tolstoi: A Man of Peace / By Alice B. Stockham. The New Spirit / By H. Havelock Ellis. Chicago: Alice Stockham & Co., [1900]; в ней она с восторгом пишет о своей первой встрече с Толстым, «простым, как ребенок, и великим, как лев»[30]. «Его энтузиазм, – заявляет американская писательница, – впечатляет каждого. Его теории, кажущиеся утопическими и нереальными, рождены не интеллектом, а скорее вдохновением человека, осознавшего в своей душе дар пророка»[31]. Подчеркивая мысль Толстого о невозможности построения Царства Божия на земле путем противления силой, она говорит о том, что правильный путь противления злу – это абсолютный отказ противиться злу насилием. Стокхэм полностью солидарна с Толстым в том, что заповедь непротивления злу насилием может быть осуществлена не только отдельными людьми, но целыми обществами, народами тогда, когда то, что сейчас называется правительством («государство, нация, собственность»), отомрет. «И действительно, – замечает Стокхэм, – для истинного христианина понятие “собственность” не имеет никакого значения»[32]. Размышляя о феномене Толстого, Стокхэм пишет: «Толстой, как и многие другие, приходит к осознанию, что человек создает свою защиту путем реализации внутренних сил. Не

---

[30] *Stockham A. B.* Tolstoi: A Man of Peace. Chicago: Alice Stockham & Co, [1900]. P. 15.

[31] Ibid. P. 25.

[32] Ibid. P. 38.

только оружием можно отразить опасность. Надежной защитой является то, что излучает человек, чистое пламя любви, – вот что поглощает ненависть, враждебность, раздор»[33]. По мнению Стокхэм, вера Толстого во всемогущество любви является щитом не только для него, она создает особую атмосферу вокруг его дома, семьи и всего, что попадает в орбиту его излучения. Рассказывая о духовном рождении Толстого, американская писательница привлекает внимание читателей к таким его произведениям, как «Исповедь», «О жизни», «В чем моя вера?». Подобно Толстому, она придает особую важность нравственному самосовершенствованию и духовному возрождению личности. Повествуя о процессе формирования взглядов Толстого, Алиса Стокхэм обращается к его художественным сочинениям – «Хозяину и работнику», «Чем люди живы», «Где любовь – там и Бог», – считая, что эти произведения являются иллюстрацией мировоззрения Толстого, его глубочайшего философского осмысления жизни. Любопытно, что в отличие от И. Ф. Хэпгуд, У. У. Ньютона и некоторых других американских критиков, выступивших с резким осуждением повести «Крейцерова соната» и совершенно ее не принявших, Алиса Стокхэм пытается понять это произведение в свете социальных и религиозных убеждений Толстого, она полностью принимает его сторону и аргументированно ее отстаивает. «Тысячи людей знают о Толстом только благодаря “Крейцеровой сонате”, которая для англоязычной публики была подобна землетрясению. <...> Но девяносто девять критиков из ста увидели в повести только чувственность и порок. Они забыли, что Толстой в своем реализме погружается в грязь деградации, чтобы сорвать лотос истины и духовности»[34]. Стокхэм полагает, что Толстой выступает против института брака как такового, освященного церковью, но сохраняющего неофициально полигамию и все пороки, не признающего на практике никаких нравственных ограничений. Стокхэм увере-

---

[33] Ibid. P. 40.
[34] Ibid. P. 65.

на, Толстой в отрицании любви романтической, плотской признает христианскую любовь в самом высоком понимании этого слова.

Разбираясь в сложном комплексе противоречивых взглядов русского писателя и мыслителя, Алиса Стокхэм с большим пониманием и тонкостью пишет: «То, что есть непоследовательность в его теориях, это правда. Но это не что иное, как вехи его жизни. Толстой всегда обгоняет Толстого. А его потрясающая честность и искренность заставляют провозглашать правду так, как он ее видит. Так что не надо удивляться, узнав, что провозглашенное им несколько лет назад совершенно противоположно тому, во что он верит сегодня»[35]. В заключение Стокхэм с уверенностью пишет: «Толстой был бы великим в любой стране. Даже в свободной Америке со своей проповедью правды он возвышается над всеми гигантами»[36].

Несколько книг религиозного содержания были присланы в Ясную Поляну Уильямом Ньютоном[37], религиозным писателем, пастором епископальной церкви, вероятно, после его визита к Толстому в 1889 году. В 1894 году в Америке вышла его книга: *Newton W. W.* Run through Russia: The Story of a Visit to Count Tolstoi. Hartford: The Student, 1894. Ньютон пишет, что причиной его посещения России стал Толстой, который своей ярчайшей индивидуальностью влечет паломников в далекую страну. Ньютон признает несомненное значение личности Толстого, его необычной судьбы в популяризации его творчества, но яростно не принимает «Крейцеровой сонаты», считает, что Толстого как пророка периода русского возрождения будут помнить не в связи с «Крейцеровой сонатой» и «Анной Карениной», а такими его произведениями,

---

[35] Ibid. P. 79.

[36] Ibid.

[37] Первая публикация воспоминаний У. Ньютона была, как отмечает Л. Д. Громова-Опульская, предпринята в журнале: *The American Church Sunday School Magazine with Helpful Words for the Household*. 1892. Vol. 10. См. кн.: *Опульская Л. Д.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М.: Наука, 1979.

как «Исповедь» и «В чем моя вера?». «История жизни графа Толстого <...> – это история роста его души»[38]. Он ставит Толстого выше всех в литературе, но считает, что лучшая работа Толстого-художника уже написана и ему следует сосредоточиться на этических проблемах. «Как бы ни были значительны художественные произведения Толстого, его религиозные сочинения еще гениальнее», – утверждает пастор епископальной церкви[39]. По его мнению, со времен «Исповеди» св. Августина не появлялось еще такого чудесного произведения, как «Исповедь» Толстого. Щедро цитируя трактат «В чем моя вера?», Ньютон говорит об оригинальной трактовке Евангелий, данной Толстым в этом сочинении. «Это сильнее, чем то, что выходило из-под пера Карлейля или Рёскина»[40]. Что же касается «Крейцеровой сонаты», то он считает повесть ошибкой, которую Толстому «мы должны позволить», то есть он принимает религиозные сочинения Толстого, принимает его концепцию христианства, но отвергает его взгляд на брак, считая, что Толстой «опустился до мерзостей Золя», написав «Крейцерову сонату».

Толстой при встрече с Ньютоном обрушил на него град вопросов, проявив самый обостренный интерес к религиозным и социальным проблемам Америки. Он подробно интересовался вопросом о шейкерах (являются ли они безвредной сектой?), о Генри Джордже (хорошо ли отзываются в Америке о его учении?). Наконец, он даже интересовался предполагаемой реакцией на его возможный визит в Америку. Толстой сообщил Ньютону, что на одно письмо из Англии он получает десять из Америки. Он говорил о своей любви к таким американским писателям, как Торо, Эмерсон, Паркер, Уиттиер. Как и в разговорах с другими американцами, Толстой предупреждал Ньютона об опасности стремительного роста роскоши и богатства для американского народа. Во время беседы на богословские темы говорил о необходимости возвращения

[38] *Newton W. W.* A Run through Russia. Hartford: Student, 1894. P. 90.
[39] Ibid. P. 137.
[40] Ibid.

к «христианству в букве», если «мы вообще хотим сделать Евангелие Христа силой»[41].

А вот что пишет сам Толстой о визите У. Ньютона: «[30 марта 1889 года.] Ничего нового я, для себя, не сказал им и от них не услыхал. Заботится M-r Newton о соединении церквей в практической деятельности. Это прекрасно. Но боюсь, что помимо истины христианской нигде не соединятся; а истина в жизни христианской, а жизнь христианская в полном отречении от собственности, безопасности, следовательно, и всякого насилия – хоть декларация Гаррисона. Так я и говорил им» (50, 60). Вероятно, некоторые из своих книг Ньютон передал Толстому при встрече, потому что уже 3 апреля 1889 года Толстой записывает в дневнике: «Читал Ньютона о соединении церквей» (50, 61).

В библиотеке есть книга Генри Джеймса, религиозного писателя, толкователя Э. Сведенборга. 9 марта 1891 года Толстой читает книгу: The Literary Remains of the Late Henry James. Boston: James R. Osgood & Co, 1885. «Читал прелестное определение Henry James (senior) того, что есть истинный прогресс» (52, 18).

Американский ученый и дипломат Э. Д. Уайт после встреч и бесед с Толстым писал: «Из современных американских писателей Толстой знал Хоуэллса; он читал некоторые его романы и отозвался о них одобрительно...»[42]. Из произведений этого писателя в библиотеке есть его роман «Карьера Сайлэса Лэфэма» (*Howells W. D.* The Rise of Silas Lapham. Boston: Ticknor & Co, 1884). В письме к Л. П. Никифорову от 21–22 июля 1890 года Толстой называет Хоуэллса «лучшим и очень замечательным американским романистом» (65, 130).

Именно У. Д. Хоуэллсу Америка во многом обязана знакомством с творчеством Толстого. Хоуэллс, пожалуй, первым из критиков достойно представил художественные и публицистические произведения русского писателя. Мнение такого авторитетного

---

[41] Ibid.

[42] Лев Толстой беседует с Америкой / Публ. В. Лакшина // Иностранная литература. 1978. № 8. С. 227.

критика было весьма важно и для американских читателей, и для специалистов по литературе. Хоуэллс посвятил Толстому около тридцати статей, рецензий, обзоров. До конца жизни он не переставал восхищаться Толстым-художником и мыслителем. Он писал: «То, что сделал Толстой, просто чудесно. Как дворянин, он не мог бы сделать ничего больше. Для дворянина с таким аристократическим происхождением отказаться от того, чтобы на тебя работали, настоять на том, чтобы все делать своими руками, разделять по возможности нужду и труд крестьян, которые до недавнего времени были классом рабов, является величайшим поступком. Но разделить их бедность для него невозможно, потому что бедность – это не недостаток вещей или продуктов, а страх нужды. А этого Толстой не мог знать»[43].

Толстой для Хоуэллса – не только гениальный художник-реалист, но и убедительный пример честного искателя правды. Творчество Толстого оказало безусловное влияние на Хоуэллса, что особенно ярко проявилось в его романе «Энни Килберн» (1888). В книге *My Literary Passions* Хоуэллс писал о значении Толстого: «...он повлиял на меня не только эстетически, но и этически, так что я уже не смотрю на жизнь так, как смотрел до открытия Толстого»[44]. Хоуэллс подчеркивал первостепенное значение нравственно-философских сочинений Толстого, при этом признавая абсолютное совершенство его художественных текстов.

Из всех американских писателей особенно пристальный интерес вызывали у Толстого Г. Д. Торо, Р. У. Эмерсон, У. Л. Гаррисон, Э. Баллу, Г. Бичер-Стоу, У. Уитмен, Э. Беллами, Э. Синклер, Р. Хантер и некоторые другие авторы. Они стали настоящими спутниками писателя в последние десятилетия его жизни, имена этих писателей особенно часто упоминаются Толстым в его трактатах, статьях, обращениях, письмах, дневниках, с ними Толстой

---

[43] Цит. по кн.: *Hunter R.* Poverty. New York: The Macmillan Co, 1904.

[44] *Howells W. D.* My Literary Passions. New York: Harper and Brothers, 1895. P. 252–253.

вел непрестанный диалог в последние три десятилетия жизни. Именно произведения этих писателей как сплав художественного, документально-публицистического и нравственно-религиозного представляют наибольший интерес для исследования восприятия Толстым американской литературы, и речь об этом впереди.

Глава 2
Гарриет Бичер-Стоу и Уильям Ллойд Гаррисон

> Я глубоко убежден в том, что любой успех, достигнутый Америкой в деле, касающемся цветного населения, будет в значительной мере полезен и бедным крестьянам в России. Поэтому я как человек и русский приветствую усилия Гаррисона и его друзей, направленные на освобождение их страны от страшной чумы – от рабства.
>
> *Н. И. Тургенев*

> Аболиционисты старались доказать, что рабство незаконно, невыгодно, жестоко, развращает людей и т. п.; но сторонники рабства в свою очередь доказывали несвоевременность, опасность и вредные последствия, могущие произойти от освобождения. И ни те, ни другие не могли убедить друг друга.
>
> *Л. Н. Толстой (36, 96)*

Впервые с темой откровенного протеста в американской литературе против насилия в одной из самых чудовищных его форм – рабстве – Толстой столкнулся в 1854 году, когда прочитал книгу Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». 28 августа 1854 г. в Севастополе он делает запись в дневнике: «Купил O[nckel] T[om's] H[utte]» (47, 24). Чтение «Хижины дяди Тома» в немецком переводе продолжалось несколько дней, 28–31 августа 1854 г. Неизвестно, какое впечатление произвел на Толстого в 1854 году роман американской писательницы, страстно протестующей против рабства, но можно предположить, что ее творчество было уже знакомо молодому Толстому: в дневнике его от 1 ноября 1853 г.

имеется запись: «Читая рассказ какой-то Английской барыни, меня поразила непринужденность ее приемов, которой у меня нет и для приобретения которой мне надо трудиться и замечать» (46, 189). В комментариях к 46-му тому говорится, что это мог быть, вероятно, только рассказ Гарриет Бичер-Стоу «Дядя Тим», напечатанный в «Современнике» в 1853 году, в девятой книжке (46, 441).

В 1850-е годы книга «Хижина дяди Тома» имела грандиозный успех во всем мире, за короткий срок она была переведена на тридцать семь языков, о ней говорили повсюду. Авраам Линкольн заявлял, что «Хижина дяди Тома» вызвала Гражданскую войну в Америке. «...Эта книга явилась человеческим документом огромной важности, – пишет В. Л. Паррингтон, – рассеявшим атмосферу покрывательства, которая окружала "неприкосновенный институт" рабства, и обнажившим его вопиющую несправедливость. "Хижина дяди Тома" открыла простым людям глаза на сущность рабовладения, затронула их чувства и пробудила их совесть. Роман, окрашенный в глубоко религиозные тона, подкреплял довод аболиционистов о том, что рабство – это торговля душами христиан, и сеял ненависть к этому бесчеловечному институту»[1]. В контексте идей, витавших в России накануне отмены крепостного права, в свете отношения к нему самого Толстого вполне очевиден его интерес, окончательно еще не сформулированный, к этому американскому роману, к теме аболиционизма.

Летом 1857 года во время путешествия по Европе, в поезде из Берна в Кларан, случайным спутником Толстого был «американец 30-ти лет», и в дневнике появляется интересная запись: «Американец 30-ти л[ет], был в России. Мармоны в Utha. – Joss Smith, их основатель, убить Lynchlaw. <...> Abolitionist'ы. Beecher Stowe» (47, 132–133). Среди американских тем, затронутых в разговоре, вновь возникает имя Бичер-Стоу и тема аболиционизма. В этой записи

[1] *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3 т. М..: Изд-во иностр. лит., 1962–1963. Т. 2. С. 437–438.

Толстой пунктирно обозначил темы, которые спустя три десятилетия в полной мере займут его внимание.

В 1862 году в приложении к журналу «Ясная Поляна» появился пересказ романа американской писательницы, сделанный одним из учителей яснополянской школы М. Ф. Бутовичем, под названием «Дядя Том, или Как живут негры-невольники в России». В 1860-е годы тема насилия, порабощения нецивилизованных народов цивилизованными, культурными, европейскими привлекает внимание Толстого. В отрывке «Прогресс» 2 ноября 1868 г. он пишет: «Прескот говорит: Перувьянцы не знали главного двигателя: личного интереса обогащения. – Они жили и умирали, как белка в колесе, ни богаче, ни беднее – для других. – Да, награда труда в труде, а не в богатстве. И труд для других с уверенностью неизменяемости есть лучшее поощрение. Они были впереди С. А. Штатов» (7, 130). Тема порабощения, насилия у Толстого неразрывно связана с прогрессом, цивилизацией, не случайно вышеупомянутый отрывок завершается удивительно пророческими словами: «Прогресс – есть эксплуатация бедных и будущих» (7, 131). То, о чем через десятилетия Толстой будет говорить во весь голос, пока еще фрагментарно возникает в дневниковых заметках, незавершенных отрывках, повести «Люцерн», и все это можно объединить одной дневниковой записью, сделанной в Лондоне 13 апреля 1861 г.: «отвращение к цивилизации» (48, 32). Как и «Хижину дяди Тома», Толстой мог читать сочинения американского историка Уильяма Прескотта в журналах «Современник», «Отечественные записки»; в яснополянской библиотеке сохранились книги этого автора в немецком переводе. В письме к М. М. Ледерле от 25 октября 1891 года, как уже говорилось выше, Толстой отмечает среди произведений, оказавших на него влияние в возрасте от 14 до 20 лет: «Прескота Завоевание Мексики – большое» (66, 67).

Несмотря на то что в 50–60-е годы на страницах дневника, в письмах Толстой особенно не делится размышлениями о романе, впечатление от этого сочинения Бичер-Стоу, не отличающегося высокими художественными достоинствами, но сильного своим

моральным пафосом, он проносит через всю жизнь[2]. В 1897–1898 годах, сформулировав кредо об искусстве истинном, он пишет в трактате «Что такое искусство?»: «Если бы от меня потребовали указать в новом искусстве на образцы по каждому из этих родов искусства, то как на образцы высшего, вытекающего из любви к Богу и ближнему, религиозного искусства, в области словесности я указал бы на "Разбойников" Шиллера; из новейших – на "Les Pauvres gens" V. Hugo, на его "Miserables", на повести, рассказы, романы Диккенса: "Tales of two cities", "Chimes" и др., на "Хижину дяди Тома", на Достоевского, преимущественно его "Мертвый дом", на "Адам Бид" Джорджа Элиота» (30, 160). Таким образом, Толстой ставит роман Бичер-Стоу на почетное место между сочинениями Диккенса и Достоевского, настолько моральное чувство писательницы в этом романе является искренним и достоверным, а само произведение необыкновенно проникнуто христианским миролюбием.

Ко времени работы Толстого над трактатом «Что такое искусство?» он уже был хорошо знаком с темой аболиционизма, отмены рабства, не только по роману Г. Бичер-Стоу. В 1886 году он получил из Америки биографию Уильяма Ллойда Гаррисона, крупнейшего аболициониста: «Сын Вильяма Ллойда Гаррисона, знаменитого борца за свободу негров, писал мне, что, прочтя мою книгу, в которой он нашел мысли, сходные с теми, которые были выражены его отцом в 1838 году, он, полагая, что мне будет интересно узнать это, присылает мне составленную его отцом почти 50 лет тому назад декларацию или провозглашение непротивления – "Non-Resistance"», – пишет Толстой в трактате «Царство Божие внутри вас» (28, 3–4). После художественного произведения страшной обличительной силы Толстой столкнулся с подлинным

---

[2] По всеобщему признанию, последующие романы Бичер-Стоу в художественном отношении стоят выше «Хижины дяди Тома». В яснополянской библиотеке имеются две книги писательницы на английском языке: 1) *Beecher-Stowe H. E.* Little Foxes; or, The Insignificant Little Habits Which Mark Domestic Happiness. London: Bell & Daldy [et al], 1866; 2) *Beecher-Stowe H. E.* Queer Little People. Boston: Ticknor and Fields, 1868.

документом эпохи, предшествующей отмене рабства в Америке, в частности «Декларацией чувств 1838 года», или, как перевел Толстой это название для трактата «Царство Божие внутри вас», «Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира»; этот документ был включен в биографию Гаррисона, написанную его детьми.

Еще за несколько лет до выхода в свет книги «Хижина дяди Тома» У. Л. Гаррисон выступал в Новой Англии со страстными призывами покончить с позорным институтом рабства. Примечательно, что в юности он увлекался проповедями Лаймэна Бичера, отца Гарриет, но аболиционистские идеи распространялись не только с церковных кафедр: ими были охвачены все низшие слои американского общества, им дал глубочайшее философское обоснование в своей книге Уильям Эллери Ченнинг, наконец, о них громогласно вещал в газете *Liberator* сам У. Л. Гаррисон. Выходец из небогатой англо-ирландской семьи, он прошел суровую школу жизни, закалившую его физически и нравственно настолько, что жизненного запала хватило на тридцать с лишним лет неустанной, целеустремленной борьбы. Начав как яростный борец с рабством, Гаррисон к 1838 году перешел на позиции учения о непротивлении злу насилием, стал выпускать газету *Non-Resistant*.

Как свидетельствует эпистолярное наследие У. Л. Гаррисона, хранящееся в архиве Гарвардского университета (Haughton Library), в эти же годы он продолжал оставаться президентом «Антирабовладельческого общества», созданного им в 1831 году. В деятельность общества он умудрялся вовлекать многих писателей Новой Англии, в том числе Эмерсона, регулярно приглашая его на заседания общества. Не трибун и не общественный деятель, а поэт, ученый, философ Эмерсон размышлял по этому поводу: «Просыпаясь по ночам, я горько сожалел о том, что не посвятил себя разрешению этой прискорбной проблемы рабовладения, для внесения ясности в которую больше всего требуется, чтобы подняли голос люди, сохранившие самообладание, – записал он. – Но потом, образумившись, я беру себя в руки и рассуждаю так:

“Предоставим Господу править сотворенным им миром. Ему ведь и без меня известен выход из этой западни. Зачем же я стану тогда покидать пост, охрану которого некому нести, кроме меня? Мне дано освобождать не негров, а рабов совсем иного рода: томящихся в неволе духов, каковыми являются мысли, заточенные в тайниках человеческого мозга, скрытые ото всех в царстве грез. Жизненно важные для республики Человека, они не имеют другого такого защитника, ценителя и глашатая, как я»[3]. Вот так в Новой Англии каждый исполнял свою миссию.

Политические воззрения Гаррисона базировались на духовном анархизме и американском учении перфекционизма. Но, несмотря на некоторые идеологические расхождения, мысли Гаррисона о государстве, высказанные во многих письмах, обращениях, удивительным образом совпадают с толстовскими. «Человеческие правительства будут находиться в состоянии насилия до тех пор, пока люди будут предпочитать не нести крест Христа, а быть распятыми в мире. Но в Царстве Иисуса Христа, возлюбленного Сына Божьего, исключительно святость и любовь правят. В этом Царстве нет мечей, ибо они перекованы на орала; нет копий, ибо они переделаны на серпы; нет военной академии, ибо праведникам незачем учиться воевать; нет виселицы, ибо жизнь неприкосновенна; нет оков, ибо все свободны. И это Царство неизбежно наступит на земле, ибо предсказано, что грядет час, когда царства мира сего станут царствами Господа нашего и Сына Его Христа», – утверждает Гаррисон в одном из своих писем[4]. Как и Толстой, Гаррисон уверен, что государство – это временная форма устройства жизни людей, но считает, что это крест, который дан за «невыполнение людьми божественных установлений». Гаррисон не шел ни на какие компромиссы с государством и прислушивался толь-

---

[3] *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3 т. М.: Изд-во иностр. лит., 1962–1963. Т. 2. С. 464.

[4] *Garrison W. Ph., Garrison Fr. J.* William Lloyd Garrison: 1805–1879 / The Story of His Life Told by His Children. New York: The Century, 1885–1889. 4 vols. Vol. 2. 1885. P. 149.

ко к голосу совести, недаром его называли «твердокаменным» и «твердолобым». В биографии Гаррисона, написанной его сыновьями, говорится: «Он должен был немедленно продемонстрировать всем присутствующим его истинное отношение к рабовладельческим законам и действиям государства. Взяв текст закона о беглых рабах, он сжег его дотла»[5].

Закон о беглых рабах вызвал волну возмущения у многих мыслящих людей Америки, для Бичер-Стоу, например, он послужил поводом для написания книги «Хижина дяди Тома», огромное значение которой для антирабовладельческого движения признавали и У. Л. Гаррисон, и его соратник Уэндель Филлипс. Несмотря на максимализм и целеустремленность в борьбе за освобождение негров или благодаря им, Гаррисон был почти забыт в Америке, хотя имя его полноправно вошло в историю Соединенных Штатов. В отечественном литературоведении тема «Толстой и Гаррисон», за исключением статьи Г. В. Аникина «Гаррисон и Толстой»[6], почти не исследовалась, информация о Гаррисоне в комментариях к 90-томному собранию сочинений далеко не исчерпывающа, а подчас и неверна. В личной библиотеке Л. Н. Толстого имеется целый ряд книг о Гаррисоне, присланных писателю в разное время.

Первой информацией об американском аболиционисте была четырехтомная биография, написанная его детьми и присланная ими русскому писателю; по ней Толстой и составил первое представление о Гаррисоне[7]. В письме к Толстому от 1 марта 1905 года дети Гаррисона благодарили его за предисловие к книге В. Г. Черткова о У. Л. Гаррисоне, вышедшей в юбилейный год: «Ваш гений

---

[5] Ibid. Vol. 3. 1889. P. 412.

[6] *Аникин Г. В.* Гаррисон и Толстой // Толстой и наше время. М.: Наука, 1978.

[7] К столетнему юбилею У. Л. Гаррисона в 1905 году его детьми, У. Ф. Гаррисоном и Ф. Дж. Гаррисоном, была выпущена еще одна книга о Гаррисоне, подготовленная на основе четырехтомной биографии: Garrison W. L. The Words of Garrison / A Centennial Selection (1805–1905) of Characteristic Sentiments from the Writings of William Lloyd Garrison; With a Bibliographical Sketch... Boston; New York; Cambridge: Houghton, Mifflin & Co: The Riverside press, 1905.

придает особый блеск той дани уважения, которой Вы почтили память отца, если он вообще в чем-то нуждается после того, как Вы вдохнули новую жизнь в доктрину непротивления как в Ваших трудах, так и личным примером»[8]. На страницах книги – многочисленные отчеркивания простым карандашом, сделанные, вероятно, В. Г. Чертковым в пору его совместной с Ф. Хола работы над краткой биографией Гаррисона, к которой Толстой в 1903 году написал предисловие. В нем говорится: «Очень благодарю вас за присылку мне биографии Гаррисона. Читая ее, я вновь пережил свою весну пробуждения к истинной жизни. Читая речи и статьи Гаррисона, я живо вспомнил ту духовную радость, которую испытал 20 лет тому назад, узнав о том, что тот закон непротивления, к которому я был неизбежно приведен признанием христианства во всем его значении и который открыл мне великий, радостный идеал осуществления христианской жизни, был еще в сороковых годах не только признан и провозглашен Гаррисоном (о Баллу я узнал после), но и поставлен им в основу его практической деятельности освобождения рабов». И далее он пишет: «Гаррисон навсегда останется одним из величайших деятелей и двигателей истинного человеческого прогресса» (36, 95, 99).

Но кроме помет В. Г. Черткова в томе втором биографии обнаружены пометы, сделанные, по-видимому, рукой Л. Н. Толстого. И если отчеркивания Черткова находятся почти во всех томах, то пометы Толстого («NB», правка в тексте, выделение части текста в рамочку) – только в томе втором и в своем абсолютном большинстве сконцентрированы на тексте «Декларации», а также в тех местах биографии, где речь идет об обществе «Непротивление». Толстого особенно интересовала деятельность этого общества, и в главе, посвященной обществу «Непротивление», он отчеркивает: «Человечество будет отмечать 20 сентября с большим ликованием и благодарностью, чем американцы сейчас отмечают 4 июля. Сегодня это может звучать слишком напыщенно, но это

[8] Отдел рукописей ГМТ. Т. С. 216/ 38.

пророчество непременно осуществится»[9]. Против отчеркнутого Толстой ставит на полях «NB».

5 мая 1886 года Уэндель Гаррисон писал Толстому об истории общества «Непротивление»: «"Непротивление" прекратилось за недостатком денежной поддержки зимою 1842 года. Общество "Непротивление" устраивало ежегодные митинги в Бостоне до 1848 года, после которого оно было, по всей вероятности, закрыто. Подобного общества на смену ему не возникало, хотя непротивленческая "Коммуна" в Хоупдейле, Массачусеттс, пережила его на много лет. Многие единомышленники моего отца коренным образом изменили свои взгляды во время нашей большой гражданской войны, поведшей к уничтожению рабства. У моего отца принципы не расходились с делом» (63, 345).

В июле–октябре 1890 года Толстой, согласно его дневниковым записям, работал над переводом «Декларации» Гаррисона. Так, 28 июля 1890 года он записывает: «Поправил перевод Гарисона и Балу и написал краткое предисловие, так, чтобы в таком виде можно б[ыло] передать людям» (51, 68); 2 августа 1890 года: «После обеда дописал заключен[ие] к Балу и Гарисону» (51, 71); 22 сентября 1890 года: «Поправлял снача[ла] декларацию и Баллу» (51, 91); в октябре 1890 года Толстой возобновил работу над «заключением» к «Декларации» Гаррисона. Видимо, примерно в эти месяцы или несколько ранее Толстой оставляет характерные пометы на тексте «Декларации», в томе втором биографии У. Л. Гаррисона: некоторые отрывки обводит и зачеркивает; стремясь придать переводу «Декларации» более универсальный, общечеловеческий характер, делает правку в тексте. Так, на с. 230, в строке: «Интересы, права, свободы американских граждан для нас не дороже, чем интересы, права и свободы всего человечества» – он исправляет «американских» на «всех». В строке: «Владыка мира, под чьим незапятнанным знаменем мы собираемся вместе, пришел не разрушить,

---

[9] *Garrison W. Ph., Garrison F. J.* William Lloyd Garrison: 1805–1879: The Story of His Life Told by His Children. New York: The Century, 1885–1889. 4 vols. 1885. Vol. 2. P. 229.

но спасти, даже самых худших из врагов» – он исправляет «Prince of Peace» («Владыка мира») на «J. C.», что означает – Иисус Христос. Далее, на этой же странице, Толстой выделяет текст: «Бог завещает нам свою любовь, а мы все еще грешники, хотя Христос умер за нас». На с. 231, в строке: «Ничто не обязывает американцев относиться к иностранцам как персонам более священным, чем они сами» – исправляет «американцев» на «нас», а «они сами» на «мы сами». Этим утверждением Гаррисон воспитывает чувство собственного достоинства в американцах, Толстой, исправляя для своего перевода, – в людях всего мира. На с. 232, в строке: «Мы не защищаем никаких якобинских доктрин» – исправляет «якобинских» на «революционных»; на с. 230, в строке: «Дух якобинства – это дух возмездия, насилия и убийства» – исправляет «якобинства» на «революции», полагая, вероятно, что слова «революция», «революционный» – более универсального значения. Так творчески переосмысливаются Толстым многие положения «Декларации». В таком виде декларация американских непротивленцев, переведенная и отредактированная Толстым, звучит как манифест граждан мира. Так он выполнил свою миссию «передать людям» весть о возможности установления всеобщего мира.

В своем прочтении «Декларации», в ее переводе Толстой ведет диалог с Гаррисоном, в котором кристаллизуются важнейшие стороны его мировоззрения, не случайно ведь «Декларацией» открывается трактат «Царство Божие внутри вас». Внимание Толстого останавливается не только на тексте «Декларации», его интересует и переписка Гаррисона периода существования общества «Непротивление». На с. 237, в письме У. Л. Гаррисона к Дж. У. Бенсону, Толстой подчеркивает: «Я совсем не ожидаю бурного притока в наши ряды! В этой стране, в этом мире совсем немного тех, которые останутся верны принципам, провозглашенным нами; хотя может быть много тех, чья совесть должна согласиться с их правильностью. Я вижу перед нами много испытаний, на которые мы несомненно будем призваны...»; против подчеркнутого Толстой ставит «NB». Эти и другие отчеркнутые и подчеркнутые части текста

биографии Гаррисона перекликаются с собственными размышлениями писателя в его статьях, письмах, дневниках. На с. 242, в отрывке, где говорится о возникновении общества «Непротивление», Толстой отчеркивает строки: «Между тем новая организация получила почти полное проклятие религиозной прессы, а также обществу было отказано в признании Американским обществом мира», против них ставит «NB». На с. 253, в письме У. Л. Гаррисона к Мэри Бенсон от 23 декабря 1838 года, Толстой отчеркивает строки и ставит на полях «NB» в отрывке, где говорится об антихристианских по сути национальных организациях. Возможно, ему также небезынтересно было отметить, что в подтверждение правоты слов Гаррисона авторы дважды ссылались на трактат «В чем моя вера?» (*My Religion*. New York, 1885). Шел процесс взаимного духовного обогащения: потомки Гаррисона открывали в наследии Толстого идеи, созвучные идеям их отца, Толстой же в свою очередь находил в наследии Гаррисона подтверждение своим духовным прозрениям и устремлениям и еще больше укреплялся в собственных выводах.

Личность У. Л. Гаррисона вызывала уважение у многих его современников. Один из них, наш соотечественник, Николай Тургенев[10], называл Гаррисона истинным аболиционистом; его письмо к госпоже М. У. Чэпмэн, секретарю общества «Непротивление», от 29 сентября 1855 года проникнуто восхищением перед благородной деятельностью этого человека[11].

---

[10] Книга Н. И. Тургенева (*Turgenev N. I.* La Russie et les Russes / Par N. Tourgueneff. Bruxelles; Livourne; Leipzig: Meline, Cans et Compagnie: J. P. Meline, 1847. 3 t.), хранящаяся в библиотеке Толстого, является, как известно, одним из источников неоконченного романа «Декабристы». В 1857 году Толстой встретился с ним в Париже; в начале 1860-х годов, работая над «Декабристами», заносил в примечания к материалам романа страницы из книги Тургенева, где говорится о пропаганде идеи освобождения крестьян от крепостной зависимости, о выдаче «вольной» своим крестьянам.

[11] *Garrison W. Ph., Garrison F. J.* William Lloyd Garrison: 1805–1879/ The Story of His Life Told by His Children. New York: The Century, 1885–1889. 4 vols. Vol. 3. P. 421.

Тургеневу удалось встретиться с ним в июне 1867 года в Париже, когда Гаррисон присутствовал при встрече Наполеона III, Александра II, Вильгельма Прусского и Бисмарка.

В последние десятилетия жизни Толстой встречался со многими американцами, приезжавшими к русскому писателю в Ясную Поляну, беседовал с ними, переписывался и вполне отдавал себе отчет в том, что Гаррисон с его идеями непротивления, протеста против института рабовладения почти забыт в Америке; тем более ему было радостно узнавать, что некоторые американцы все-таки помнили о Гаррисоне: «Для меня было большой радостью узнать, что в Америке есть люди, которые так хорошо понимают, как вы, значение дела духоборов. Оно и не могло быть иначе в стране, которая дала миру одного из величайших людей – Вильяма Ллойда Гаррисона, который не понят и не оценен в полной мере и который был и есть не только борец против рабства в Америке, но и великий пророк человечества. Я рад узнать, что вы внук друга этого великого человека», – писал Толстой одному из своих американских корреспондентов (74, 205–206).

Переводом «Декларации чувств» Гаррисона, его редактированием и включением его в первую главу трактата «Царство Божие внутри вас» Толстой как бы преодолевает преграды географические, национальные, политические на пути объединения людей во всем мире на принципах любви, ненасилия, свободы личности. В справедливости этих принципов Толстой ни минуты не сомневался, а только все более утверждался в их важности, встречая родственные взгляды хоть и в стране столь отдаленной, но, по его собственному признанию, «самой сочувственной» ему (87, 4). Толстой преклонялся перед деятельностью Гаррисона, называя его «одним из величайших людей не только Америки, но и всего мира».

Параллели между ситуацией в России накануне отмены крепостного права и положением в Америке перед Гражданской войной появлялись у Толстого, как свидетельствует его английский биограф и переводчик Э. Моод, передавая слова писателя,

неоднократно: «Великая литература возникает тогда, когда пробуждается высокое нравственное чувство. Возьмите, к примеру, освободительный период, когда в России шла борьба за отмену крепостного права и когда развилось антирабовладельческое движение в Соединенных Штатах. Посмотрите, какие появились писатели: Гарриет Бичер-Стоу, Торо, Эмерсон, Лоуэлл, Уитьер, Лонгфелло, Уильям Ллойд Гаррисон, Теодор Паркер и другие – в Америке; Достоевский, Тургенев, Герцен, Гоголь, Некрасов, Надсон и другие – в России. Последующий период, когда люди уже не проявляли готовности жертвовать материальными соображениями во имя нравственных целей, был бы бесплодным временем, если бы некоторые писатели, воспитанные и сформировавшиеся в героический период, не продолжили бы его традиции»[12]. Следует отметить, что подобные параллели возникали не только у Толстого. Американский писатель Джон У. Дефорест писал Л. Н. Толстому 30 апреля 1887 года: «Возможно, я пошлю вам <...> "Kate Beaumont", мою повесть, <...>. Думаю, что она может быть интересна для русского, поскольку там описано наше старое рабовладельческое общество, сходное с тем, которое существовало и затем исчезло в России»[13].

Имя Гаррисона упоминается Толстым во многих его произведениях. В статье «Наше жизнепонимание» он пишет: «В 1838 году в Америке было обнародовано Вильямом Ллойдом Гаррисоном заявление, в котором он и его единомышленники оглашали свое исповедание. Сущность этого заявления сводится к следующим положениям: Признание одного только царя и законодателя – Бога, а потому отрицание всякого человеческого правительства.

---

[12] *Maude A.* Tolstoy and His Problems. London: Grant Richards, 1901. P. 38.

[13] Толстой и зарубежный мир: В 2 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Ред. С. А. Макашин. М.: Наука, 1965. Кн. 1–2. (Лит. наследство; Т. 75). Кн. 1. М., 1965. С. 344. В яснополянской библиотеке имеется книга: *De Forest J. W.* Miss Ravenel's Conversion from Secession to Loyalty. New York: Harper & Brothers, 1867.

Отечеством Гаррисон признает весь мир, соотечественниками – все человечество» (37, 23). В недельное чтение «Круга чтения» Толстой включает отрывок «Гаррисон и его "провозглашение"»: «Гаррисон понимал то, что не понимали самые передовые борцы против рабства: что единственным неопровержимым доводом против рабства было отрицание права одного человека на свободу другого при каких бы то ни было условиях» (42, 344). Толстой особенно подчеркивал, что в борьбе с рабством Гаррисон поднимался над сиюминутностью ситуации и ставил общечеловеческие, гуманистические цели: «Для борьбы с рабством он выставил принцип борьбы со всем злом мира» (42, 344). Общечеловеческую направленность идей и принципов – вот что искал Толстой во всех литературах и философиях мира. Ф. М. Достоевский очень верно высказался о таких людях: «...чем более человек способен откликаться на историческое и общечеловеческое, тем шире его природа, тем богаче его жизнь и тем способнее такой человек к прогрессу и развитию»[14].

Среди книг о Гаррисоне в собрании Толстого есть книга Э. Кросби «Гаррисон-непротивленец» (*Crosby E. H.* Garrison, Non-Resistant. Chicago: The Public Publ. Co, 1905). На книге имеется дарственная надпись: «Count Tolstoy with affectionate regards of E. H. Crosby. N. Y. Jan. 23, 1906» («Графу Толстому с сердечным приветом от Э. Х. Кросби. Н.-Й., 23 янв. 1906 г.»). Над этой книгой Кросби, американский последователь Л. Н. Толстого, работал в период первой русской революции. События Гражданской войны в Америке и революционные действия русского народа казались созвучными, и он писал Толстому 23 января 1905 года: «Весь американский народ и печать сочувствуют революционерам. Хоть я и не являюсь сторонником насилия, но, как и Гаррисон во время нашей Гражданской войны, считаю: если уж приверженцы насилия сражаются между собой, то пусть лучше победит та сторона, чьи идеалы благородней»[15]. Толстой, словно

---

[14] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 99.

[15] Литературное наследство. Т. 75: Толстой и зарубежный мир: В 2 кн. Кн. 1. М., 1965. Кн. 1. С. 400.

в ответ Кросби, пишет в недельном чтении о Гаррисоне, имея в виду его отход от принципа ненасилия в пору Гражданской войны: «Если он тогда и не достиг мирного освобождения рабов в Америке, он указал на путь освобождения всех людей вообще от грубой силы» (42, 344).

Книга Кросби основывается на четырехтомной биографии, написанной сыновьями американского аболициониста. В экземпляре, хранящемся в яснополянской библиотеке, разрезаны две главы – «Гаррисон-непротивленец» и «Недостатки идеи непротивления», что наводит на мысли о возможном их прочтении Толстым. Для Кросби Гаррисон – это прежде всего непротивленец, а потом уже – аболиционист. Он уверен, что Гаррисон обратил свой взор к проблеме отмены рабства только вследствие врожденной неприязни к насилию, ведь принуждение человека человеком является источником не только рабства, но и всех прочих зол. По мнению Кросби, Гаррисон неизвестен как непротивленец лишь потому, что мир был не готов к непротивлению, но был готов к отмене рабства, и поэтому слава Гаррисона покоится на его аболиционистской деятельности. Размышляя о деятельности Гаррисона-аболициониста, в которую он ушел всем сердцем и душой, Кросби усматривает аномалию в том, что дело освобождения рабов, порожденное идеей непротивления, было осуществлено величайшей в истории войной, то есть насилием. Не является ли физическая сила подлинным средством для таких зол, как рабство? – задается вопросом Кросби, и сам себе отвечает: «Я думаю, что не является. У Гаррисона было одно дело, которое он завершил, – сделать институт рабства невыносимым, и в этом он преуспел»[16]. Кросби хорошо знал, что Гаррисона за его деятельность во время Гражданской войны серьезно критиковали с позиций учения о непротивлении злу насилием, но Кросби уверен, что освобождение рабов было важным шагом человечества к свободе и миру. По его

[16] *Crosby E. H.* Garrison, the Non-Resistant. Chicago: The Public Publ. Co, 1905. P. 85.

мнению, несмотря на компромисс во время Гражданской войны, Гаррисон в учении о непротивлении злу насилием выступает теоретически более радикальной фигурой, чем даже Эйдин Баллу, что, естественно, не могло не импонировать Толстому. Кросби пишет: «Гаррисон выражал суть непротивления сильнейшим образом, не признавая никаких исключений. Он заявлял, что не будет защищать свою жену путем применения силы в случае нападения на нее, и за такие крайности его много критиковали»[17]. За это критиковали и Толстого. Называя Гаррисона пионером непротивления, Кросби так заканчивает свою книгу: «Гаррисон был истинным проповедником этого мирного метода. Он обладал настоящим духом реформаторства, что помогло бы и нам, если бы мы приняли его наследие. Он был впереди своего времени...»[18].

16 декабря 1905 года Толстой с некоторым сожалением записал в дневнике: «Смотрел, одеваясь, на портрет Гарисона и подумал о том, как он был велик, когда издавал свой "Non-Resistant" и как потом – не то что опустился, а стал незначащим, когда ездил в Англию и говорил речи и занимался женским вопросом» (55, 173). В этой записи звучит очевидный упрек Гаррисону последнего периода его жизни, но тем не менее свою миссию борца с рабством он выполнил (и Толстой это хорошо понимал), оставаясь лидером аболиционистов вплоть до вступления в силу XIII поправки к конституции об уничтожении рабства в конце 1865 года. Перевод Толстым «Декларации» У. Л. Гаррисона – это попытка сохранить память о предшественниках на пути установления всеобщего мира. А сохранение памяти, по словам Ю. Лотмана, это «непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества»[19].

---

[17] Ibid. P. 74.
[18] Ibid. P. 141.
[19] *Лотман Ю.* Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994. С. 8.

Глава 3
Эйдин Баллу

> Непротивление злу насилием – не предписание, а открытый, сознанный закон жизни для каждого отдельного человека и для всего человечества. <...> Закон этот кажется неверным только тогда, когда он представляется требованием полного осуществления его, а не (как он должен пониматься) как всегдашнее, неперестающее, бессознательное и сознательное стремление к осуществлению его.
>
> *Л. Н. Толстой (56, 75–76)*

В первую главу трактата «Царство Божие внутри вас» Толстой включил не только «Декларацию чувств» У. Л. Гаррисона, но и «Катехизис» Эйдина Баллу, всю свою жизнь посвятившего проповеди непротивления и осуществлению правды практического христианства. Его Толстой называет одним из истинных апостолов нового времени.

В июне 1889 года Льюис Уилсон, унитарианский пастор и ученик Баллу, убедившись в близости религиозных взглядов Толстого и Баллу, отважился послать яснополянскому мыслителю некоторые из книг и брошюр американского проповедника. Он был уверен, что известие о существовании на другом конце света человека, разделявшего его взгляды и в течение многих лет воплощавшего их в жизнь, укрепит и вдохновит Толстого. Это послужило началом переписки Толстого и Баллу. В своем дневнике 21 июня 1889 года Толстой заносит черновик письма к Уилсону, отправленного на следующий день: «Я редко испытывал такую чистую радость, как при чтении статей и трактатов Баллу. А также редко чувствовал я такую любовь и уважение, как к г. Б[аллу], так и к его трудам» (50, 209).

В личной библиотеке Толстого сохранились почти все присланные Уилсоном книги и брошюры. «Автобиографию» Баллу Толстой получил уже после смерти американского проповедника в 1896 году. На книгах нет помет Толстого, но то, что они им прочитаны, просмотрены, несомненно.

Толстой щедро цитирует Баллу в своих произведениях, упоминает о нем в дневнике и письмах. Книги и брошюры из личной библиотеки Толстого позволяют нам составить представление о масштабе личности Баллу, размахе религиозно-общественной деятельности и, конечно, в первую очередь – осмыслить интерес Толстого к его духовному пути и проповеди непротивления.

«Автобиография» Баллу дает возможность установить, что с религиозными сочинениями Толстого Эйдин Баллу познакомился еще в 1886 году, о чем свидетельствуют дневниковые записи американского пацифиста, включенные в последние главы его «Автобиографии». Как только в Соединенных Штатах появились первые переводы произведений русского писателя и серии статей о нем как новом толкователе Евангелий Христа, стремящемся восстановить истинное христианство, Баллу постарался в числе первых читателей познакомиться со взглядами Толстого, на основе которых строились столь необычные утверждения. Легко представить, насколько радостно было Баллу увидеть в Толстом человека, близкого себе по убеждениям, последовательного и радикального защитника мира, реформатора, мудрого советчика в работе по установлению в мире такого порядка, при котором исключается всякое пагубное применение силы и все основывается на духе чистой любви к Богу и человеку. Насколько оправдались его надежды, мы увидим далее.

Первое упоминание о Толстом появилось в дневнике Баллу 16 февраля 1886 года: «Начал читать недавно купленную книгу графа Толстого "В чем моя вера?". Нашел в ней много хороших мыслей об этике наряду с экстремизмом в применении заповеди Христа о непротивлении злу». Дальше он пишет о несогласии с утверждениями Толстого богословского характера. Запись закан-

чивается следующими словами: «...буду читать далее и обдумаю все как следует»[1].

Но сосредоточенное прочтение и размышления по поводу книги «В чем моя вера?» привели его к выводу о буквальном понимании Толстым заповеди Христа о непротивлении злу. В этом утверждении американский писатель не был оригинален. Многие как в России, так и на Западе писали о буквальном восприятии яснополянским мудрецом христианских заповедей, поэтому, прежде чем перейти к диалогу Толстого и Баллу, хотелось бы привести высказывание русского религиозного философа Н. А. Бердяева: «Смысл толстовского непротивления насилиям был более глубоким, чем обычно думают. Если человек перестанет противиться Злу насилием, то есть перестанет следовать Закону этого мира, то будет непосредственное вмешательство Бога, то вступит в свои права божественная природа. Добро побеждает при условии действия самого Божества»[2].

Но для Эйдина Баллу, последовательного непротивленца, восприятие заповеди о непротивлении злу в понимании Толстого означало сведение учения Христа к крайности, не оправданной ни учением Христа, ни истинной заботой о благе того, кто это зло совершает. Он относился к учению о непротивлении злу насилием как к заповеди высшего порядка, пришедшей с небес, рожденной не человеческой, а божественной природой, – совершенной мудростью и любовью Бога. Человеческая природа располагает способностью к пониманию, воплощению этой заповеди, но не без самопожертвования и помощи свыше.

Хотя Толстой с его трактовкой учения о непротивлении злу насилием в книге «В чем моя вера?» не совсем оправдал надежды Баллу, он, спустя три года, с помощью своего ученика и последо-

---

[1] *Ballou A.* Autobiography of Adin Ballou: (1803–1890): Containing an Elaborate Record and Narrative of His Life from Infancy to Old Age: With Appendixes/ Completed and Edited by W. S. Heywood. Lowell (Mass.): The Vox Populi: Thompson & Hill, 1896. P. 509.

[2] *Бердяев Н. А.* Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 99.

вателя пастора Уилсона, вступил в переписку с русским писателем, окончательно прояснившую позиции обоих.

Для лучшего проникновения в суть взаимоотношений Толстого и Баллу следует сказать несколько слов о самом Эйдине Баллу и его пути.

В 1838 году учение о непротивлении злу насилием раскрылось Баллу во всей своей гармонии и полноте. Он становится христианским непротивленцем, но не слепым и иррациональным, а с твердым убеждением в том, что истинное христианское непротивление – не пассивность, не безразличие к тем, кто делает зло, а воздержание от любого применения вредной, неблаготворной силы, как и от любого действия, слова, чувства по отношению к делающим зло, если все это может нанести вред их телу, разуму или духу. В том же году был принят и опубликован Баллу «Образец практического христианства», а в 1841 году Баллу с тридцатью последователями организовал общину в Хоупдейле, неподалеку от Бостона. «Это было строго практическое христианское движение, – пишет Л. Уилсон, – вдохновленное учением Нового Завета. Они стремились осуществить на практике такие заповеди Христа, как – не противься злому, возлюби врагов своих и т. д.»[3].

В течение первых четырнадцати лет община процветала, ее численность увеличилась до трехсот человек. Все они размещались в пятидесяти домах, на пятидесяти акрах земли, с часовней, библиотекой, школой, магазинами. По словам членов общины, это была удивительно живописная деревня с хорошими, аккуратными улицами и домами. Капитал общины составлял девяносто тысяч долларов. Но к 1856 году община была распущена. Не вдаваясь в подробности, надо отметить, что произошло это из-за финансовых и моральных трудностей. Собственность общины была приобретена наиболее богатыми членами, и с тех пор община

---

[3] The Christian Doctrine of Non-Resistance. / By Leo Tolstoy and Adin Ballou; Unpublished Correspondence Compiled by L. G. Wilson // Arena. Boston. 1890. № 13. P. 2.

в Хоупдейле стала обыкновенной деревней. Но основатель общины выдержал все невзгоды и потрясения, продолжая в течение многих лет с немногими последователями осуществлять на практике те великие идеи, на которых и была основана община. Из-под пера Баллу вышел целый ряд книг и брошюр, список опубликованных работ насчитывает пятьдесят названий, среди них – «Христианское непротивление», «Практический христианский социализм» и другие.

В последние годы жизни Баллу был сосредоточен на писании заключительного труда жизни – «Автобиографии», в предисловии к которой сказано: «Я не был человеком, жизнь которого сопровождает успех, а скорее во многих отношениях – неудачником. И не потому, что мои усилия, принципы, идеалы и планы были предосудительны и недостойны, а потому, что они предвосхищали условия и средства, необходимые для их достижения. Мои надежды были слишком настойчивы и оптимистичны, моя цель была слишком высока для немедленной реализации, <...> и мой путь был омрачен разочарованием и печалью»[4].

В письме к Уилсону от 22 июня 1889 года, как бы в ответ на это заявление Баллу, Толстой пишет: «По-моему, как один из первых истинных провозвестников "новых времен", он будет признан в будущем одним из величайших благодетелей человечества. Если в течение своей долгой и с виду не успешной жизни г. Баллу испытывал периоды уныния, думая, что все его усилия напрасны, то в этом отношении он только разделил участь своего и нашего Учителя. Передайте ему, пожалуйста, что усилия его не были напрасны; они придают силы другим людям, насколько могу судить по себе. В этих писаниях, кроме изложения истинных основ учения, блестяще опровергнуты все возражения, которые обыкновенно делаются против непротивления» (64, 272). Это письмо было первой реакцией Толстого на присылку Уилсоном книг

---

[4] *Ballou A.* Autobiography: 1803-1890 / Completed and Edited by W. S. Heywood. Lowell (Mass.): The Vox Populi: Thompson & Hill, 1896. P. VII.

Баллу. В этом же письме говорится: «Я постараюсь перевести произведения г. Баллу и распространить их, насколько могу, и я не только надеюсь, но убежден, что настало время, когда мертвые услышат глас сына Божия и, услышавши, оживут».

С присланной Уилсоном книгой Э. Баллу «Христианское непротивление» и брошюрами Толстой немедленно ознакомился, а к переведенному Н. Н. Страховым «Катехизису непротивления» написал предисловие, о чем свидетельствует запись в дневнике Толстого от 8 июля 1890 года. В трактате «Царство Божие внутри вас» «Катехизис» Эйдина Баллу следует за «Декларацией» У. Л. Гаррисона, провозглашенной в Бостоне в 1838 году. Баллу был одним из тех, кто подписал текст «Декларации», объявившей, что учение о непротивлении злу злом выражает волю Бога и должно восторжествовать над всеми злыми силами. Сетуя, что «Декларация» Гаррисона почти неизвестна американцам, Толстой замечает в «Царстве Божием внутри вас»: «Та же неизвестность постигла и другого борца за непротивление злу, недавно умершего, в продолжение 50 лет проповедавшего это учение, американца Адина Баллу» (28, 8). И действительно, оказалось, что Толстой со своей религиозно-нравственной проповедью в Америке был гораздо более известен, чем Баллу, взгляды которого были во многом близки толстовским. По этому поводу пишет Льюис Уилсон: «Для тех, кто, возможно, полагает, что у такого видного человека, как русский писатель и реформатор Толстой, нет прототипа, следует сказать, что такой человек, перешагнувший свое 87-летие, есть среди нас»[5].

На страницах американского журнала *Arena* за 1890 год, хранящегося в яснополянской библиотеке, Л. Уилсон опубликовал почти полностью переписку Толстого и Баллу, дав возможность читателю сравнить взгляды двух последователей учения о непротивлении злу насилием.

После чтения письма Толстого с размышлениями о заповеди непротивления злу Баллу показалось, что оно превосходит преде-

---

[5] Arena. 1890. № 13. P. I.

лы здравого смысла. Находясь в сомнении относительно правильности понимания точки зрения Толстого, а также желая задать ему вопросы по трактату «В чем моя вера?», 14 января 1890 года он обратился к Толстому с письмом, обозначив шесть пунктов, по которым он расходился с Толстым. Предварительно он заметил, что он совершенно спокойно относится к тому, что Толстой с ним далеко не во всем согласен, – Баллу считал, что такие разногласия допустимы среди свободно и независимо мыслящих людей.

Толстой не согласен с Баллу по поводу уступки, допускаемой им для употребления насилия против пьяниц и сумасшедших. Баллу в своем письме отстаивает эту позицию, полагая, что применение совершенно безвредной и даже благотворной силы против пьяниц и сумасшедших пойдет всем во благо.

На замечание Толстого: «Учитель не делал уступок, и мы не должны делать ни одной» (64, 272), Баллу пишет: «Разве Христос когда-нибудь запрещал противление злу силами благотворными, не приносящими вреда, независимо физическими или моральными? Никогда! И толковать заповедь "Не противься злому" в значении абсолютной пассивности к любому проявлению зла только потому, что Он не сделал никаких специальных оговорок, значит игнорировать дух Нового Завета...»[6].

На положение Толстого: «...компромисс, неизбежный на практике, не может быть допускаем в теории» (65, 30), Баллу резко замечает, что у людей, исповедующих учение непротивления, не должно быть разрыва в теории и практике.

Толстой утверждает: «Истинный христианин не только не может считать что-либо своим, но даже само понятие "собственность" не может иметь для него какое-либо значение» (64, 272). «Но еда, одежда, кров – необходимые условия существования христиан», – парирует Баллу и далее развивает свою мысль: «Иисус сказал: "Отец ваш Небесный знает, что имеете нужду во всем этом". Если все это – жилище, одежда, еда – необходимые условия

---

[6] Ibid. P. 6.

смертной жизни, то они, конечно, имеют очень важное "значение". Иисус сказал: "Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам". И когда все это "приложится" истинным христианам по воле Бога, чье все это? Не законная ли это собственность тех, кому все это "приложилось"?»[7]

На утверждение Толстого о том, что «истинный христианин всегда предпочтет быть убитым сумасшедшим человеком, нежели лишить его свободы» (64, 272), Баллу заявляет, что, если следовать мысли Толстого, то «истинный христианин предпочтет лучше увидеть, как сумасшедший убьет его жену, детей, лучших друзей, чем лишить его безумной свободы, применив безвредную для него физическую силу». Дальше он пишет: «Какая заповедь Христа делает безумную свободу священной?»[8] Здесь, вероятно, следует отметить, что в своем понимании учения о непротивлении злу Баллу более статичен, в отличие от Толстого, находящегося в своем движении к идеалу в вечном поиске. Так, уже 9 мая 1891 года в письме к В. В. Рахманову Толстой размышляет: «Я не живу насилием в том смысле, ч[то] знаю, ч[то] всякий раз, как мне представится вопрос, употребить насилие или нет, я не пожелаю насилия и не употреблю его сознательно... – Но сказать, что я никогда не употреблю насилия или незаметно для себя не воспользуюсь им – не могу, п[отому] ч[то] сказать это значит сказать, что я свят» (65, 294).

Толстой пишет: «Для христианина правительство есть только узаконенное насилие. Слова: правительства, государства, нации, собственность, церкви, – все это для истинного христианина не имеет никакого смысла...» (64, 273). Баллу резюмирует: «Но все это реальность, которую мы не можем игнорировать как фикцию»[9]. Далее следует: «Человек – существо социальное по своей природе, он не есть и не может быть одиноким, независимым индивидуумом. Семьи, правительства, государства, нации, церкви и общины

---

[7] Ibid. P. 7.
[8] Ibid. P. 16.
[9] Ibid. P. 8.

всегда существовали и будут существовать. Христос пришел, чтобы установить правительство высшего порядка, совершенно братское общество – Церковь, "которой не одолеют врата ада". Ради этого Он жил и был распят. Отсутствие правительства, организаций, чистый индивидуализм, все это – не истинное христианство. Это невозможно, неестественно, иррационально, это – хаос»[10]. Кроме всего сказанного выше, у Э. Баллу возникают вопросы по некоторым позициям, изложенным Толстым в трактате «В чем моя вера?». К примеру, Толстой пишет в главе VIII: «О своем же личном воскресении, как это ни покажется странным всем, кто не изучал сам Евангелий, Христос никогда нигде не говорит» (23, 393). «Я усердно изучал Евангелия, – замечает Баллу, – в течение более семидесяти пяти лет, и эти утверждения крайне противоположны тому смыслу, который я вкладывал в эти отрывки». И далее он проясняет свою позицию: «Будет ли у человечества, как вы выражаетесь, объединенного с Богом, сознание этого после физической смерти? И если большинство человечества, уверенное в духовной смерти, разъединено с Богом и не имеет возможности для совершенствования после смерти, то какой смысл имеет их личное существование?»[11] Здесь нельзя не отметить, что Баллу воспринимал Толстого главным образом по книге «В чем моя вера?» и не подозревал, что к началу 1890-х годов Толстой в своем духовном развитии уходит от многих положений этого трактата. В письме к В. В. Рахманову от 28 февраля 1891 года он замечает: «Не думайте, что я защищаю прежнюю точку зрения в Ч[ем] М[оя] В[ера]. Я не только не защищаю, но радуюсь тому, что мы пережили ее. Вступив на новый путь, нельзя не обрадоваться тому, что первое увидал впереди себя. И простительно принять то, что на начале дороги, за цель пути. Но, подойдя ближе и только благодаря тому, что видел сначала, нельзя не радоваться тому, что увидал впереди бесконечную светлую даль» (65, 261).

---

[10] Ibid.
[11] Ibid. P. 9.

Но вот что отвечает Толстой Баллу в феврале 1890 года: «Позвольте мне не возражать на некоторые догматические разногласия в наших мнениях о смысле слов "Сын Божий", о личной жизни после смерти, о воскресении. Я написал большую книгу – перевод, соединение и толкование Евангелий, – в которой я изложил все, что думаю по этим вопросам. Положив в то время – десять лет тому назад – всю силу моей души на познание этих вопросов, я теперь не могу ничего изменить, не проверив всего заново. Но различие взглядов на эти понятия представляются мне малозначительными. Я твердо верю, что если я посвящу все мои силы на исполнение воли Бога, так ясно выраженной в его словах и в моей совести, – хотя я и не вполне верно представлял себе цели и намерения Бога, которому я служу, – он меня не оставит и устроит все к моему благу» (65, 37).

А в письме к Д. А. Хилкову от 21 февраля 1890 года Толстой пишет о Баллу: «К сожалению, он держится некот[орых] церковн[ых] догматов и в практике защищает собственность, но спорить с ним бесполезно» (65, 29).

В предсмертном письме к Толстому Баллу четко сформулировал свое отношение к его учению: «...Ваше учение божественно, грандиозно, подобно учению Христа, но оно неосуществимо, так как существует общество. Мы должны иметь правительство, содержать учреждения, делать деньги. Итак, церковь, государство, политика надежно сплетены в принудительной цивилизации до Золотого века!»[12] Подводя итог всему сказанному, он уверенно пишет, «что христианство никогда не войдет в свою обетованную землю, пока божественная истина принципа непротивления не получит признания»[13].

Несмотря на некоторые расхождения во взглядах, оба с глубоким уважением относились друг к другу, и только смерть Эйдина Баллу помешала дальнейшему развитию их духовного общения.

---

[12] Ibid. P. 12.
[13] Ibid.

Что же касается разногласий по целому ряду позиций, то уместно вспомнить слова Л. Уилсона: «Два человека незаурядного ума обсуждают проблему непротивления. Один из них, воспитанный и выросший в традициях Новой Англии, другой – в духе традиций и обычаев России. Господин Баллу – потомок многих поколений <...>, боровшихся за политическую и религиозную независимость. Граф Толстой – выразитель крайней реакции на угнетение масс военной и гражданской системой подавления»[14].

После смерти Баллу Толстой, не считая их разногласия принципиальными, поднимаясь над ними и видя лишь то главное, что их объединяло в едином стремлении практического осуществления христианского учения, настойчиво пропагандировал труды Баллу, хлопотал о переводе и издании одной из самых важных его книг – «Христианское непротивление» – в издательстве «Посредник», что и было предпринято в 1908 году.

В «Воспоминаниях графини А. А. Толстой» есть упоминание об американском пасторе N. N. (из контекста записи совершенно очевидно, что она имеет в виду Эйдина Баллу), которого Толстой чрезвычайно высоко ценил: «В одном из наших tete-a-tete он спрашивает меня, знаю ли я проповеди американца пастора N. N. (фамилию его я забыла). Я сказала, что нет. "...хотя мы друг друга никогда не видали, но во всех наших суждениях о жизни, религии, обязанностях человека, мы так сходны, как будто всегда жили вместе; я считаю его вполне своим другом. Ему было бы теперь 80 лет; к сожалению, он умер в прошедшем году".

Книжку американца я унесла вечером с собою, имея дурную привычку читать по ночам. Она начиналась письмами Льва и сокращенным изложением его известных теорий.

Не останавливаясь долго на том, что знала наизусть, я спешила ознакомиться с престарелым пастором. Каково же было мое не удивление, а изумление! Пастор писал все то, что вы, и я, и всякий православный и непосредственный человек, не зараженный

---

[14] Ibid. P. 2.

теориями Толстого, тысячу раз думал и говорил»[15]. По всей вероятности, Александра Андреевна Толстая читала американский журнал *Arena* (1890. № 13), экземпляр которого с пометами, видимо ее рукой, хранится в книжном собрании Толстого. Проповедь Эйдина Баллу не могла не тронуть графиню А. А. Толстую, судившую, как становится ясно из сказанного выше, не совсем так, как ее великий племянник.

Несомненно, Толстого привлек прежде всего общечеловеческий характер религиозных взглядов Баллу. Десять лет спустя Толстой в своем обращении к американскому народу называет его в числе американских писателей, особенно повлиявших на него. А 25 апреля 1906 года в ответ на несохранившееся письмо Э. Кросби он пишет: «Я жалею не Адина Баллу, а американцев, которые не знали его имени и трудов» (76, 138).

В религиозно-философском сборнике «Путь жизни», созданном в последний год жизни Толстого и явившемся итогом многолетних исканий и раздумий, Толстой включает отрывки из произведений Баллу в главы «Насилие», «Наказание», «Суеверие государства». В «Недельное чтение» «Круга чтения» он помещает «Непротивление злу насилием» Э. Баллу. «Христос учит тому, чтобы не противиться злу. Учение это истинно, потому что оно вырывает с корнем зло из сердца и обиженного и обижающего. Учение это запрещает делать то, от чего умножается, а не прекращается зло в мире. Когда один человек нападает на другого, обижает его, он этим зажигает в другом чувство ненависти, корень всякого зла. Что же нам сделать, чтобы потушить это чувство зла? Неужели сделать то самое, что вызывает это чувство зла, – обидеть другого, т. е. повторить дурное дело? Поступить так – значит вместо того, чтобы изгнать дьявола, усилить его. Сатану нельзя изгнать сатаною, неправду нельзя очистить неправдою, и зло нельзя победить злом», – пишет американский

---

[15] Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой: 1857–1903 / Толстовский музей. Т. 1. СПб., 1911. С. 64.

писатель (41, 174). Д. П. Маковицкий в «Записках» отмечает, что 17 марта 1909 года Толстой, прочитав еще раз в «Круге чтения» «Непротивление злу насилием», сказал: «Все мои сочинения не имеют одной десятой той силы, что эти три странички Баллу»[16]. Все это позволяет говорить об определенной общности, близости религиозных и этических взглядов, которые предопределили глубочайший интерес и уважение Толстого к Эйдину Баллу на протяжении последних двух десятилетий его жизни. «Дорогой друг и брат, – так начинает Толстой свое последнее письмо Баллу, которое он, вероятно, уже не успел получить, – я редко испытывал такое истинное и большое удовольствие, как при чтении вашего истинно братского и христианского письма» (65, 113). Безусловно, Толстого больше волновали не возникавшие у него с Баллу расхождения в вопросе о теории и практике непротивления, а то большой важности «огромное движение христианское, практическое, которое короче всего определить – стремлением ко всеобщему братству» (65, 144).

Толстой и Баллу в своем диалоге, дискутируя относительно закона мира и закона Бога, находя точки соприкосновения и вновь расходясь, ставят величайшие проблемы, требующие серьезного осмысления и на современном этапе.

---

[16] *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 2. С. 216.

Глава 4
Генри Дэвид Торо и Ралф Уолдо Эмерсон

Единственное средство передавать истину – это говорить любовно. Только слова любящего человека бывают услышаны.

Г. Д. Торо

Духовная сторона человека – такая же реальность, как и материальная; подобно тому, как материя воздействует на материю, дух может воздействовать на дух.

Р. У. Эмерсон

Тема обращения русского писателя к литературному и философскому наследию американских писателей-трансценденталистов вызывает пристальный интерес исследователей. Во Введении уже назывались работы ученых, затронувших серьезнейшие проблемы темы «Толстой и американские трансценденталисты»*. Работа по научно-библиографическому описанию иностранного отдела личной библиотеки Л. Н. Толстого позволила привлечь к исследованию больше фактического материала и в этой связи более четко определить орбиту читательских интересов писателя, круг источников, питавших творческую мысль художника и философа в 1880–1900-е годы.

Наблюдая за развитием американской литературы, Толстой проявлял огромный интерес к творчеству знаменитых писателей Новой Англии, начиная с «Хижины дяди Тома» Г. Бичер-Стоу и проповедей Уильяма Э. Ченнинга и кончая философской поэзией

---

*См.: Гл. 1.

Уолта Уитмена. Но особое внимание у него вызывали произведения Г. Д. Торо и Р. У. Эмерсона. В учении новоанглийских философов яснополянский писатель увидел то, к чему пришел сам в начале 1880-х годов, сформулировав суть своей проповеди в трактате «В чем моя вера?». Толстой, как и трансценденталисты, испытал на себе влияние философии Платона, классического немецкого идеализма, произведений Кольриджа и Карлейля, а также философских систем Востока. Несмотря на общность источников, основанную на общности интересов и способов разрешения волнующих проблем, религиозно-нравственное учение Толстого носило специфически российский характер, а трансцендентализм американских писателей имел отпечаток новоанглийской идеологии. Но в годы повсеместного охлаждения к религии трансценденталисты в Америке и Толстой в России утверждали веру в божественное начало как в природе, так и в душе человека, считая достижение нравственного идеала реальной возможностью. Трансценденталисты отводили писателю высокую роль провидца, равную миссии ученого-богослова, философа. Толстой на практике осуществил эту миссию, став голосом совести не только России, но и всего мира.

23 августа 1906 г. Д. П. Маковицкий записал рассуждение Толстого о трансценденталистах: «Эта плеяда удивительная была: за освобождение рабов; унитарство – отрицание божества Христа, требование разумной религии, вот прекрасная тема для писателя: написать об этом книжку. Я постоянно говорю об этом американцам. Это были удивительные писатели, но аудитория плоха»[1]. А 3 сентября 1906 года Д. П. Маковицкий передает разговор Толстого со Снегиревым о религиозном движении за границей: «У американцев была плеяда замечательных писателей, начиная с Чаннинга, основателя унитаризма, – Баллу, Торо, Эмерсон... Не могу простить Тургеневу, что он просмотрел (это движение). В “Вестнике Европы” утверждал, что в Америке ничего нет»[2].

---

[1] *Маковицкий Д. П.* Кн. 2. С. 216.
[2] Там же. С. 227.

Толстой обращает свой взор к писателям, чье творчество, органично переработав европейские и восточные заимствования, подняло американскую литературу на мировой уровень. Трансценденталисты, как и Толстой, затрагивали глобальные проблемы человеческого бытия, касающиеся природы добра и зла, человеческого опыта, они ставили в центр своего творчества человека универсального, оставаясь при этом типично американскими писателями.

Глубочайший интерес к Генри Дэвиду Торо у Толстого появился в первой половине 1890-х годов, хотя, по свидетельству некоторых современников Толстого, в частности религиозного писателя У. Ньютона, посетившего Толстого в начале 1889 года, в это время он уже был знаком с творчеством Торо. Яснополянская библиотека дает возможность наблюдать укрепление интереса, сосредоточенного внимания к жизни и творчеству американского писателя. Среди периодических изданий в библиотеке хранится экземпляр английского журнала *Labour Prophet* (1893. № 24. Dec.) со статьей о Торо. 3 сентября 1894 г. Толстой пишет В. Г. Черткову из Ясной Поляны: «Из Англии тоже хорошие вести. Прислали мне год журнала "Labour Prophet" – прекрасно. Я некоторые вещи отметил там перевести. Издатель John Trevor, его статьи хороши. Прекрасна там статья Thoreau. Есть книга Thor[eau] On Civil Disobedience. Надо выписать» (87, 287). Об этой же статье Тревора Толстой упоминал в письме Э. Кросби от 2 сентября 1894 г. В журнале Толстой отчеркивает два абзаца, где Тревор цитирует статью Торо «О гражданском неповиновении»: «Должен ли гражданин хоть на мгновение поступиться своей совестью ради законодателя? Зачем тогда человек имеет совесть? Я думаю, что прежде всего мы должны быть людьми, а потом уже субъектами закона. <...> Закон никогда не делал людей хоть на йоту справедливее, и, уважая его, даже самые благожелательные становились инструментами несправедливости. <...> Как человеку вести себя по отношению к американскому правительству сегодня? Я отвечаю, что он не может без позора быть связанным с ним. Я не могу и на мгновение признать

эту политическую организацию в качестве *моего* правительства, которое еще и *рабовладельческое*. <...> При таком правительстве, которое любого заключает в тюрьму несправедливо, настоящим местом для честного человека является тюрьма. <...> единственное место, которое штат Массачусетс предоставляет для своего свободного, но подавленного духа, это тюрьма <...>. Это то место, куда беглый раб и мексиканец, освобожденный под честное слово, и индеец приходят умолять о несправедливостях по отношению к их расам».

Так Торо отказался быть вовлеченным в грехи своей страны по отношению к индейцам, мексиканцам и неграм. Он выразил свой протест отказом платить подушный налог. «Я не плачу никаких налогов в течение шести лет. Однажды меня посадили в тюрьму из-за этого на одну ночь; и когда я стоял, рассматривая стены из прочного камня в два или три фута толщиной, дверь из дерева и железа в фут толщиной и железную решетку, сквозь которую просачивался свет, я просто не мог не быть потрясенным глупостью этого института, который воспринимал меня неким предметом из костей, плоти и крови, считая, что поместить меня сюда было наилучшим использованием тюрьмы... Я видел, что государство было слабоумным, робким, как старая дева с ее серебряными ложками, что оно не отличало друзей от врагов, и я потерял все остатки уважения к нему, испытывая жалость»[3]. Следующие три строки отчеркнуты и отмечены «NB»: «Все это из статьи Торо "Гражданское неповиновение". Восторженный биографический очерк господина Солта дает полное представление об обстоятельствах, при которых создавалась статья»[4]. Толстой подчеркивает название статьи дважды, отчеркивает его и ставит «NB». Следующий абзац также отчеркнут и отмечен «NB»: «Торо ничего не демонстрировал, не жестикулировал и не делал сцен. Он решил, что самообладания достаточно. Более того, следует отметить, что

[3] Thoreau / By the Editor // The Labour Prophet. Manchester; London: John Heywood, 1898–1900. 1893. Vol. 2. № 23. № V. P. 109.

[4] Ibid.

в нем была подлинная скромность. – “Это моя позиция сейчас”. Но в таком случае нельзя быть слишком настороже, если только его действия не продиктованы упрямством и не зависят от мнения людей. Пусть он видит, что делает именно то, что должен сейчас делать»[5]. Далее Толстой отчеркивает следующие четыре абзаца: «Я хочу, чтобы молодые люди в лейбористском движении жили с этими великими идеалами. Это Божье направление. Среди нас достаточно людей, чьи идеалы так же воодушевят на то, чтобы быть людьми. Увы, в толпе их жизни незаметны. До могилы они усердно топчут землю, а потом – конец. Миру всегда нужны люди, которые могут овладеть толпой, которые отказываются следовать безумствам толпы. Человечество главнее, чем законы, законодатели, парламенты, городские советы. Все это просто аппарат. Такова жизнь. Вы думаете, что при социализме живой нон-конформист уже не будет нужен? – Что сыновей почивших нон-конформистов будет достаточно? Вы напоминаете мне друга, который весело сказал, что, когда земля будет национализирована, не будет больше проституции. Для спокойствия души я желал бы быть тоже таким наивным. И все-таки не можешь позавидовать такой простоте. Когда все будет сделано, о чем мы сейчас шумим, люди все-таки будут нужны. Когда мы национализируем средства производства, любовь, порок, стремление, желание, доверие к себе и тщеславие, война все равно останется в сердце человека, и все условия жизни будут казаться неадекватными жизни, которой мы хотим жить. Не думайте, что есть конец жизни, что когда-нибудь будет предпринят шаг, который сделает следующий шаг ненужным». Заканчивается этот отчеркнутый отрывок следующим высказыванием: «Читайте живое слово Уитмена»[6].

28 августа 1894 года, в свой день рождения, Толстой размышляет о только что прочитанном в *Labour Prophet* и делает заключение: «Прекрасны мысли Торо...» (52, 136).

---

[5] Ibid.
[6] Ibid.

В 1903 году в издательстве «Посредник» вышла книга «Философия естественной жизни», переведенная с английского языка Ильей Накашидзе и содержащая двести тринадцать отрывков из сочинений Генри Торо. Более девяноста из них отмечены Толстым. Он с большим воодушевлением читал высказывания американского философа – страницы книги испещрены пометами Толстого простым карандашом: «NB», восклицательные знаки, отчеркивания целых абзацев, страниц. Можно предположить, что запись в дневнике от 14 апреля 1903 г. была сделана во время чтения «Философии естественной жизни»: «Третий день нездоров: насморк, кашель. И нынче, слабый, читал Торо и духовно поднялся» (54, 168).

13 июня 1904 года Толстой делает запись в своем дневнике: «Паскаль говорит где-то, что христиан[ин] находится в положении темного человека, к[оторый] узнает вдруг свое царское происхождение» (55, 51). В комментариях к 55-му тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого говорится, что подобного изречения в книге Паскаля нет. Возможно, Толстой, делая эту запись, имел в виду переведенный Ильей Накашидзе рассказ о царевиче из «Философии естественной жизни», отчеркнутый Толстым с большим одобрением (на полях – «NB»): «Я прочел в одной индийской книге рассказ о царевиче, которого в детстве изгнали из его родного города, и он попал к местному сторожу, был воспитан им и до самого зрелого возраста считал себя членом крестьянской семьи, в которой он жил. Один из министров его отца разыскал его и открыл ему, кто он такой. Заблуждение юноши изчезло, и он узнал, что он царской крови. "Так и душа наша, – продолжает индийский философ, – под влиянием тех условий, среди которых она живет, находится в заблуждении относительно своей природы, пока какой-нибудь святой учитель не откроет ей истину, и тогда она познает, что она Брама"»[7].

---

[7] *Торо Г. Д.* Философия естественной жизни: Избранные мысли / С англ. пер. И. Накашидзе. М.: Посредник, 1903. С. 81.

Несомненно, сильнейшее впечатление произвела на Толстого статья Торо «О гражданском неповиновении». Она была переведена на русский язык и издана в Англии в 1898 году в издательстве «Свободное слово» по инициативе Толстого. В этой статье Торо, поэт и натуралист, далекий от государственных и политических проблем, убедительно показывает, что привело его на путь пассивного сопротивления. Философский анархизм Торо, его представления об идеальной государственной власти перекликаются с учением просветителей о нравственной политике и экономике.

Публицистика Толстого 1890–1900-х годов проникнута идеями «Гражданского неповиновения». В статье «Рабство нашего времени» Толстой, описывая все бедствия, порожденные капитализмом, говорит: «Рабство рабочих нашего времени только начинает сознаваться передовыми людьми нашего общества; большинство же еще вполне уверено, что среди нас нет никакого рабства. Людей нашего времени поддерживает в этом непонимании своего положения еще и то обстоятельство, что мы только отменили в России и Америке рабство» (34, 169). Десятилетия назад в Америке рабство не просто возмущало и оскорбляло Генри Торо как гражданина: он старался активно помогать неграм, укрывал их от агентов рабовладельцев[8] и готов был самым действенным образом выступить против произвола государственной власти, в основе которой – узаконенное насилие. Таким образом, Торо на деле доказал, что против насилия государства он был готов бороться не только пассивным сопротивлением, но и действуя активно во имя высокой цели.

Интерес к проблемам темнокожего населения Америки Толстой сохранил до конца жизни. В мае 1908 года он обсуждал эту проблему

---

[8] Как это произошло в случае с Джоном Брауном, борцом за свободу негров, который произвел на Торо очень сильное впечатление; скептически относившийся ко всякого рода героям-фанатикам, Торо понимал, что фанатизм Брауна мог быть оправдан благородством его цели, об этом он говорил в своей страстной речи, посвященной последним дням Джона Брауна; его речь впоследствии была опубликована в газете У. Л. Гаррисона *Liberator*.

с американским социологом Джеромом Реймондом. В «Яснополянских записках» отмечено: «Л. Н. разговаривал с ними про негров (которые не имеют ни одного представителя в Конгрессе вашингтонском. Если бы кто из них выступил кандидатом, его застрелили бы. Такое презрение и ненависть к ним)... Разговаривая о положении в Америке, Л. Н. сказал: – Как оно в Америке и в России почти одинаково»[9]. В октябре 1908 года Толстой получил от Букера Вашингтона, темнокожего писателя и общественного деятеля Америки, книгу *Up from Slavery* (New York: Doubleday, Page & Co, 1907) с дарственной надписью. Через много лет после юридической отмены рабства в России и Америке Толстой писал о ее фиктивности, считая причиной бедственности положения трудящихся рабство: «Причина рабства – узаконения. Узаконения же основаны на организованном насилии» (34, 181). Торо был уверен, что закон никогда не сделает людей свободными; Толстой считал, что силой, способной заставить людей исполнять закон, может быть только «организованное насилие», и сущность закона состоит в том, что «есть люди, которые, распоряжаясь организованным насилием, имеют возможность заставлять людей исполнять свою волю» (34, 181).

В «Рабстве в Массачусетсе» Торо пишет: «Мне хочется напомнить моим согражданам, что прежде всего они должны быть людьми, а потом уже – при соответствующих условиях – американцами...»[10]. В «Рабстве нашего времени» Толстой призывает: «...ни добровольно, ни принудительно не принимать участие в правительственных деятельностях и потому не принимать на себя звание ни солдата, ни фельдмаршала, ни министра, ни сборщика податей, ни понятого, ни старосты, ни присяжного, ни губернатора, ни члена парламента, и вообще никакой должности, связанной с насилием» (34, 193). Так философский анархизм Торо находил отзвук в страстной публицистике великого

[9] *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 3. С. 96–97.

[10] Цит. по кн.: *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3 т. М.: Изд-во иностр. лит., 1962–1963. Т. 2. С. 479.

русского гуманиста. И Торо, и Толстой сходились в утверждении аболиционистов, что свобода народа является даром, идущим от Бога и от природы. Называя свои статьи «Неужели это так надо?», «Как освободиться русскому народу?», «Где выход?», Толстой не считал сложившееся в России и во всем мире положение дел безнадежным: «Выход не в том, чтобы насилием разрушать насилие, не в том, чтобы захватывать орудия производства или в парламентах бороться с правительством, а в том, чтобы каждому человеку самому для себя сознать истину, исповедовать ее и поступать сообразно с ней. Истина же в том, что человек не должен убивать ближнего, уже настолько сознана человечеством, что она известна каждому» (34, 215).

Толстой, хорошо знавший русскую деревню, психологию русского крестьянина, видел много общего в мудрости русского мужика и философском анархизме Торо: «Помню мудрое слово русского мужика, религиозного и потому истинно свободомыслящего. Он так же, как и Торо, считал справедливым не давать подати на дела, не одобряемые его совестью...» (34, 225). Торо писал: «Если тысяча человек не заплатили бы свои налоги в этом году, это не была бы какая-то воинственная и кровавая мера, как в случае, когда они платят их, а невозможность правительству творить насилие и проливать невинную кровь. Это и есть фактически определение мирной революции, если такая вообще возможна»[11].

Обращаясь к государственным деятелям с призывом служить народу, не участвуя в политической деятельности, Толстой не преминул упомянуть имя американского писателя, считая его опыт универсальным: «Мало известный американский писатель Торо в своем трактате о том, почему человек обязан не повиноваться правительству, рассказывает, как он отказался заплатить американскому правительству 1 доллар подати, объясняя свой отказ тем, что не хочет своим долларом участвовать

---

[11] Peace: Mir. An Anthology of Historic Alternatives to War / Vol. Ed. Ch. Chatfield & Rusanna Ilukhina. New York: Cyracuse University Press, 1994 cop. P. 132.

в делах правительства, разрешающего рабство негров» (35, 208–209)[12].

Толстой был убежден в справедливости идей новоанглийского философа, поэтому вполне естественным было его желание довести их до как можно большего числа людей. Беседы о Торо велись среди друзей писателя, членов его семьи. Э. Моод, английский биограф и переводчик Толстого, зная о его отношении к Торо, писал ему 30 мая н. с. 1900 года: «У меня есть вопрос, по которому я давно хотел спросить вашего мнения, – вопрос о неплатеже налогов. Я вполне согласен с необходимостью и правильностью поступка Торо. Но мне кажется, что он был необходим и правилен потому, что Торо считал необходимым объявить протест в той обстановке, в которой он находился. Другие люди могут выступать с подобным протестом против войны или суда» (72, 367). А. К. Черткова 7 января 1905 года отзывалась из Англии: «Западная конституция нехороша, правда, но как вы сами и Торо говорите, "чем меньше правительство управляет, тем лучше"» (55, 491). Своему брату Сергею Николаевичу Толстой отправил «превосходную книгу Thoreau».

С большим пристрастием он расспрашивал приезжавших к нему американцев о Торо, Эмерсоне, других американских писателях. Д. П. Маковицкий отметил в своих «Записках» 24 февраля 1905 года: «*Л. Н.*: Был у меня корреспондент "North American (Newspaper)", расфранченный, жилет какой, перстень, цепочка. Ограниченный, необразованный человек. Ничего не понимал. Спросил его, есть ли у него Торо? – Да. – Что вы его читали? – Он пробормотал, что не помнит»[13]. А 20 января 1905 года Д. П. Маковицкий передает разговор Толстого с англичанином

---

[12] На идеи Торо о гражданском неповиновении и ненасильственном сопротивлении успешно опирались в своей деятельности руководитель и идеолог национально-освободительного движения Индии Махатма Ганди, американский чернокожий проповедник Мартин Лютер Кинг, лидеры молодежного студенческого движения конца 1960-х гг. (*Goldston R.* The Negro Revolution. New York: New American Library, 1969).

[13] *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 1. С. 190.

Гарольдом Уильямсом, корреспондентом *Manchester Guardian*: «*Вильямс*: В парламенте можно служить народу, есть же такие члены парламента. *Л. Н.*: Они портятся, создавая законы, проводимые насилием, собирая подати и распределяя деньги от податей. Торо сказал: "Не буду платить податей, а то мой доллар пойдет на поддерживание рабства, на войну с бурами"»[14]. Не только в устных беседах, статьях, но и в дневниковых записях Толстой часто ссылался на высказывания Торо. Так, 10 августа 1904 года в дневнике он размышляет: «Так справедливо замечание, кажется, Торо, что в суеверия[х] содержится часто более истины, чем в самой строгой науке» (55, 75). Джеремайя Кёртин, ученый-языковед, побывавший в Ясной Поляне летом 1900 года, вспоминал, что Толстой особенно горячо говорил о Торо и его «Уолдене».

20 марта 1905 года Толстой, как свидетельствует Д. П. Маковицкий, читал в журнале *Review of Reviews* заметку «Индуизм против иудаизма», в которой приводится отрывок из дневника Торо, где он сравнивает индуизм и иудаизм не в пользу последнего. Д. П. Маковицкий пишет: «Когда я дал это прочесть Л. Н., он прочел все очень медленно и внимательно, некоторые же строки, особенно понравившиеся ему, – вслух. – Очень хорошо, – похвалил он. – Я журнала (дневника) Торо не читал, надо бы выписать его»[15]. Экземпляры журналов *Review of Reviews*, а также *Crank* (1908. № 6), в котором Толстой читал отрывок из «Гражданского неповиновения», хранятся в яснополянской библиотеке. По всей вероятности, Толстому так и не удалось прочитать дневники Торо, которые, как он сам это понимал, могли послужить ему хорошим источником для большего постижения духовного становления американского писателя.

Насколько высоко оценил Толстой «Гражданское неповиновение», настолько, на первый взгляд, он не воспринял, не понял «Уолден». Об этом упоминает в своем дневнике его секретарь

---

[14] Там же С. 144.
[15] Там же. С. 216–217.

В. Ф. Булгаков. Об этом же пишет Д. П. Маковицкий 25 мая 1910 года: «Л. Н. вечером читал Торо (“Вальден”), вчера получил только что появившийся в “Посреднике” экземпляр. Перевод П. А. Буланже. *Л. Н.*: Неинтересно, я никогда его (Торо) не любил. Умышленно задорно, оригинально»[16]. Авторы некоторых статей о Толстом и Торо, обращая внимание на неприятие Толстым «Уолдена», упускают из внимания тот факт, что на страницах этой книги он оставляет пометы, свидетельствующие об обратном. В книжном собрании писателя имеются три зкземпляра книги Г. Д. Торо, два из них – на английском языке (Walden: My Life in the Woods. London: A. Fifield, 1904), третий, который читал Толстой, на русском (*Торо Г.* Вальден / С биограф. очерком, написанным Р. У. Эмерсоном; Перевод с англ. П. А. Буланже. М.: Посредник, 1910. 339 с. (Великие мыслители Америки; кн. 1)). В этом экземпляре, полностью не разрезанном, имеются пометы Л. Н. Толстого[17]. Несмотря на общее неодобрительное отношение к этому сочинению Торо (которое, как многие справедливо отмечают, можно объяснить невысоким качеством перевода, нарочитой оригинальностью стиля и т. п.), его внимание приковывают многие мысли американского писателя: на полях видны отчеркивания, «NB», сделанные простым карандашом. К сожалению, мы не можем пока установить, когда в 1910 году были сделаны эти пометы: до 25 мая или после. На страницах «Уолдена» он отчеркивает мысли, удивительным образом совпадающие с его собственными. «Я вижу молодых людей, моих сограждан, все несчастье которых заключается в том, что они получили в наследство фермы, дома, житницы, скот и сельскохозяйственные орудия: все это гораздо легче приобрести, чем отделаться, когда уже имеешь. В тысячу раз было бы лучше для них, если бы они родились в открытом поле», – отчеркнуто на с. 33. Кто лучше Толстого мог понять и оценить это высказы-

---

[16] Там же. Кн. 4. С. 262.

[17] На это также обращает внимание Э. Ф. Осипова в своей книге о Торо: *Осипова Э. Ф.* Генри Торо. Л.: ЛГУ, 1985.

вание Торо? На этой же странице он отчеркивает дальнейшее размышление Торо по поводу негативных последствий наследственного владения собственностью: «Кто создавал их рабами земли? Зачем непременно им питаться этими двадцатью десятинами земли, когда человеку для существования достаточно съесть всего только горсть какой-нибудь гадости? Зачем они должны начинать рыть себе могилу, как только родятся?» На с. 333 Толстой отчеркивает рассуждение Торо о жизни и ставит на полях «NB»: «Как бы посредственна ни была ваша жизнь, идите ей навстречу, живите ею, не бегайте от нее, не называйте ее скверным именем. Не так она дурна, как дурны вы. Она бывает самой бедной, когда вы богаты. Тот, кто старается находить везде ошибки, найдет их и в раю. Любите вашу жизнь, любите ее такою бедною, какою она есть». И далее Толстой отчеркивает следующую мысль, поставив на полях «NB»: «И я думаю, что уравновешенная душа может так же удовлетворенно жить в хижине, иметь такие же бодрые мысли, как живя во дворце». На этой же странице подобным же образом (отчеркивание и «NB») он отмечает призыв Торо: «Нет, храните, поддерживайте свою бедность, как душистый сад, как мудрые люди. Не волнуйтесь только лишь, чтобы приобрести себе что-нибудь новое: платье или друзей»[18]. Высказывания Толстого о Торо В. Ф. Булгаков и Д. П. Маковицкий записали 25 мая 1910 года. Откроем дневник Толстого на этот день: «Немного походил. Мысль слабо работает. Старательно поправлял и просматривал книжки и недурно. Свез к И[вану] Ив[ановичу]. Написал одно письмо. Получил письмо от Гусева и книгу Christenthum и Monistische Religion. Все к одному. Не хочу думать. Чувствую себя очень плохим, слава Богу. От Саши письмо. Приехал Сережа. Нечего записывать, признак слабости мысли. Да, был утром юноша учитель, угрожавший самоубийством. Дурно вел себя с ним» (58, 57). Вот фон, на котором прозвучал отзыв об «Уолдене», возможно

---

[18] *Торо Г. Д.* Вальден / С биографическом очерком, написанным Р. У. Эмерсоном; Пер. с англ. П. А. Буланже. М.: Посредник, 1910.

случайный, особенно если принять во внимание запись Д. П. Маковицкого, сделанную им за полтора месяца до негативного высказывания Толстого о Торо: «Буланже удивлялся тому, что одновременно на Дальнем Востоке учили Лао-тзе, Конфуций, Будда, а в Греции – Сократ. В 50-х годах XIX века в Индии Рамакришна, а на крайнем Западе – Торо, Эмерсон, Чаннинг, Гаррисон и Баллу. Л. Н. двух первых выделил из всех американских мыслителей: – Чаннинг, он меня не удовлетворяет»[19]. Основываясь на воспоминаниях некоторых американских посетителей Толстого, в частности упомянутого уже Джеремайи Кёртина, можно предположить, что к 1900 году Толстой был знаком с книгой Г. Д. Торо «Уолден»: «Толстой проявляет глубокий интерес к Америке; он говорит, что идеям таких писателей, как Чаннинг, Теодор Паркер, Эмерсон, Гаррисон, Лоуэл, Торо, он обязан более, чем кому-либо другому. Он с уважением и восхищением говорил об этих людях. <...> Однако самые восторженные отзывы относились к Торо, и он говорил об Уолденском озере с таким же чувством, какое испытывает пылкий студент, изучающий Древнюю Грецию... Когда я сказал Толстому, что в бытность мою студентом в Гарварде я провел несколько каникулярных дней в Конкорде и общался с Торо и даже обедал с ним и его сестрой в его доме, он сказал: “Как бы мне хотелось увидеть этого человека и поговорить с ним. Я удивляюсь, что американцы недостаточно думают о Торо, недостаточно обращаются к нему, как и к другим своим великим соотечественникам, которые жили и мыслили до войны”», – пишет американский ученый[20].

Вполне очевидно, что Толстой, подвергавший беспощадной критике пороки современной цивилизации, не мог не оценить эксперимента Торо в лесах Уолдена, куда привело его отвращение к цивилизации, буржуазной морали, стремление жить просто, до минимума сократив свои потребности, что отвечало представле-

---

[19] *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 4. С. 262.

[20] Memoirs of Jeremiah Curtin / Ed. with Notes and Introduction by Joseph Schafer. Madison, 1940. (Wisconsin Biography Ser.; Vol. 2). Vol. 2. P. 784–785.

ниям Торо об образе жизни настоящего художника. Как последователь Жан-Жака Руссо, этот, по выражению Эмерсона, «бакалавр природы» считал, что обдумывать такой предмет, как истинная жизнь, можно только среди лугов и полей. В «Уолдене» он писал, что поселился в лесу, потому что хотел жить осмысленно, полнокровно и ради этой высокой миссии он готов был пожертвовать комфортом. Уолден для Торо – это вселенная в миниатюре; такой вселенной, Россией в миниатюре для Толстого оставалась Ясная Поляна.

Размышляя о вере западных людей в цивилизацию, Толстой писал: «Такова общая большинству западных народов вера, влекущая их к погибели. И влечение это так сильно, что голоса живших среди них людей, как Руссо, Ламенэ, Карлейль, Рескин, Чаннинг, Гаррисон, Эмерсон, Герцен, Карпентер, не оставляют никакого следа в сознании людей, бегущих к погибели и не хотящих видеть и признавать этого» (36, 331). Некоторые из перечисленных выше имен писателей были знакомы Толстому еще с молодости, в том числе – имя Ральфа Уолдо Эмерсона. Материалы, хранящиеся в яснополянской библиотеке, позволяют с некоторой долей достоверности говорить об этом. Обратимся к дневнику молодого Толстого, к записи от 24 марта 1858 г.: «В Literarisches Centralbl[att]. Поэма о будущем, о соединении Германии, Эмерсон, о Шекспире и Гете...» (48, 11). В немецком журнале *Literarisches Centralblatt* (1858, № 11) молодой Толстой читал заметку о немецком переводе двух статей Эмерсона о Гете и Шекспире из книги «Представители человечества». С определенной долей условности можно предположить, что Толстой обратил внимание на статью в немецком журнале в связи с тем, что Эмерсон был уже знаком ему по книге «Представители человечества» (Representative Men / Seven Lectures by Ralph Waldo Emerson), экземпляр которой (издана в Лейпциге в 1856 году, в серии *Dürr's Collection of Standard American Authors* / Ed. By William E. Drugulin; Vol. 22), имеется в книжном собрании Толстого. Но наверняка мы это утверждать не можем, так как никаких других свидетельств о чтении Толстым Эмерсона

в конце 1850-х годов мы не имеем; кроме того, мы не располагаем информацией, когда появилась в яснополянской библиотеке книга *Representative Men*. Толстой мог знать, слышать об этом американском писателе еще в 1850-е годы, но не быть знакомым с его произведениями.

Прочно и надолго в орбиту интересов яснополянского писателя Эмерсон войдет уже через несколько десятков лет, о чем свидетельствуют дневниковые записи мая–июня 1884 года. Так, 10 мая 1884 года Толстой записывает: «Эмерсон – self-reliеnce прелесть». Далее, 12 мая: «Эмерсон хорош». 15 мая: «Эмерсон сильный человек, но с дурью людей 40-х годов» (49, 92). Все эти записи говорят об увлеченном чтении Толстым сочинений Эмерсона. Вероятно, в это время он читал сборник «Опыты» (*Essays*, 1841), в котором помещен самый известный из «опытов» Эмерсона – «Доверие к себе» (*Self-Relience*). В 1902 году в издательстве «Посредник» вышло эссе «О доверии к себе» на русском языке под редакцией Л. Н. Толстого.

В июне 1884 года Толстой обратился к книге Эмерсона «Представители человечества», в которой Эмерсон предстает не только как философ, эссеист, но и как тонкий психолог. Эдгар Ли Мастерс в своей книге об Эмерсоне пишет об этом сборнике американского философа: «Мы можем судить о мировосприятии Эмерсона по тому, кого он отобрал для этой книги. В ней нет богословов, духовных лиц и реформаторов. В нее входят Платон-философ, Сведенборг-мистик, Монтень-скептик, Шекспир-поэт, Наполеон-человек мира сего и Гете-писатель»[21].

Внимание Толстого особенно привлекает эссе о Наполеоне, «человеке мира сего». «Читал Эмерсона Наполеона – представитель жадного буржуа – эгоиста – прекрасно», – записывает он свое впечатление от прочитанного 30 июня 1884 г. (49, 108). В эссе «Наполеон, или Человек житейских успехов» Эмерсон изобража-

---

[21] Цит. по кн.: «Сделать прекрасным этот день...»: Публицистика американского романтизма. М.: Прогресс, 1990. С. 20.

ет Наполеона как представителя средних классов современного общества, представителя той толпы, «которая наполняет рынки, магазины, конторы, фабрики и корабли всего мира и которая стремится только к тому, чтобы разбогатеть»[22]. Для Эмерсона, в отличие, к примеру, от Карлейля, считавшего Наполеона символом мировой славы, Наполеон – человек, совершенно свободный от какого бы то ни было сердечного порыва, лишенный обычных свойств порядочности и честности. Завершает Эмерсон свое эссе о Наполеоне следующим резюме: «Он делал все, что от него зависело, чтобы жить и иметь успех, не руководствуясь никакими моральными принципами. Таков порядок вещей, вечный закон, управляющий людьми и всем миром, и он привел Наполеона к гибели; к тому же результату приведет и миллион других подобных опытов»[23]. Автор «Войны и мира», критически осмысливший в романе-эпопее образ Наполеона, с удовлетворением читал очерк американского писателя. В яснополянской библиотеке имеется экземпляр этой книги в переводе на русский язык.

Вера Эмерсона в силы человека, его волю, способности, разум беспредельна. «Всякий истинный человек является причиной всего сущего, – пишет американский философ, – воплощает в себе целую страну, целый век; ему нужна беспредельность пространств, времен и чисел для того, чтобы выполнить свои предначертания»[24]. Безусловно, это находило отклик в душе Толстого. Особенное восхищение вызвал у него ответ Эмерсона, о котором Толстой упоминает неоднократно и в дневнике, и в записной книжке, и в письме к В. Г. Черткову от 18–19 марта 1891 года: «На замечание адвентиста, верующего в скорое второе пришествие, о том, что мир скоро кончится, Эмерсон отвечал: что ж! я думаю, что уничтожение его (мира) не помешает мне. Well, I think, I can get along without it» (87, 77). И вновь об этом в письме к В. Г. Черткову

---

[22] *Эмерсон Р. У.* Великие люди. СПб.: В. В. Битнер, 1904. С. 108.
[23] Там же.
[24] *Emerson R. W.* Complete Prose Works. London, 1889. P. 19.

от 13 октября 1900 года: «Надо непременно чувствовать, как Эмерс[он]; ч[то] “I can get along without it”. Нынче, гуляя, очень чувствовал это...» (88, 210–211). В этом высказывании Эмерсона, столь восхитившем Толстого, заключается суть теории американского писателя о «доверии к себе». Эмерсон призывал проникнуться уважением к себе и доверять себе во всем, прислушиваясь к внутреннему голосу, велению сердца, а внутренний голос, по Эмерсону, это и есть голос Сверхдуши. Оставаться верным себе, следовать своим чувствам, быть индифферентным к мнению окружающих – вот что необходимо для единства и гармонии мира, считал Эмерсон.

По отдельным высказываниям в дневнике, письмах, размышлениям и призывам в ряде статей можно проследить несомненное сходство воззрений Толстого с теорией Эмерсона доверия к себе (self-relience), она очень естественно вписывается в систему его взглядов на мир и место в нем отдельного человека. Об этом говорится и в письме к Э. Р. Стамо от 28 апреля 1908 года: «...нет никакого расчета копаться в старых книгах, когда, очень может быть, найдешь гораздо более нужные и разумные вещи в книгах новых. Так, например, для меня какой-нибудь Кант, Эмерсон, Лихтенберг во многих местах без всякого сравнения выше тех пророков, которых вы цитируете. <...> Гораздо лучше своим умом думать, своим сердцем чувствовать и выражать, как умеешь, свои мысли, разумеется пользуясь всем тем, что дали люди прежде нас» (78, 128). А в разговоре с американским ученым-славистом Джеремайей Кёртином об американских писателях, вызывавших его восхищение, он заметил: «Вы говорите о Шекспире как о великом человеке, о Данте и Гете, но ваши люди были более великими, чем они, более ясными и истинными мыслителями»[25].

Толстой чрезвычайно высоко ценит Эмерсона, называет его «христианским религиозным писателем». Д. П. Маковицкий

---

[25] Memoirs of Jeremiah Curtin / Ed. with Notes and Introduction by Joseph Schafer. Madison, 1940. (Wisconsin Biography Ser.; Vol. 2). Vol. 2. P. 784–785.

свидетельствует в своих «Записках» 20 января 1905 года: «*Л. Н.*: В Америке в 40–50-х годах была плеяда религиозно-философских поэтов, писателей. Самый глубокий из них – Эмерсон. Это были: Чаннинг, Паркер, Гаррисон, Торо, Баллу, позже Генри Джордж. Но американцы их почти что не знают»[26]. 18 марта 1908 года Д. П. Маковицкий отмечает: «Л. Н. говорил, что сегодня искал изречений у Торо, Hazlitt, Emerson, Carlyle, Ruskin. Эмерсон содержательнее всех»[27]. Толстой прекрасно понимал, что Эмерсон – самый яркий и выдающийся представитель писателей Новой Англии и видел его в числе «новых, серьезных и глубоких мыслителей», таких как Руссо, Паскаль, Кант, Шопенгауэр, Фихте, Вивекананда. Для него Эмерсон – «величайший мудрец», который вместе с величайшими мудрецами прошлого учит «исправлять себя, увеличивать в себе любовь ко всем людям и уничтожать в себе все то, что препятствует этой любви» (81, 181).

В яснополянской библиотеке имеются две книги Эмерсона на русском языке: *Эмерсон Р. У.* Великие люди. / Пер. под ред. В. В. Битнера. СПб.: В. В. Битнер, 1904. 128 с. (Читальня «Вестника знания»); *Эмерсон Р. У.* Высшая душа / Пер. с англ. Ильи Накашидзе. М.: Посредник, 1902. 35 с. На страницах последней есть пометы, принадлежащие С. А. Толстой, что еще раз говорит о том, как своими читательскими предпочтениями Толстой мог увлекать близких ему людей, включая жену, детей, многочисленных друзей и знакомых.

Кроме лейпцигского издания в яснополянской библиотеке хранятся еще две книги на английском языке: 1). *Emerson R. W.* The Ideal Life / Thoughts from Emerson. London: C. W. Daniel, S. A.; 2). Emerson Viewed with an Oriental Eye / Pandita F. K. Lalana. [Lily Dale, (N.Y.)], [1900]. На страницах последней книги, в которой помещены отрывки из произведений Эмерсона «Сверхдуша», «Природа», заметны следы чтения Толстого. Он отчеркивает ключевые

---

[26] *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 1. С. 143.
[27] Там же. Кн. 3. С. 32, 111.

мысли Эмерсона, раскрывающие суть его учения: «Нет преграды между душой человека, Космической душой и Сверхдушой»[28]. Для Эмерсона было важно сознание, что его душа – это только малая часть сверхдуши, или космической, мировой души как воплощения Вселенной. По Эмерсону, сверхдуша проявляется в человеке и в природе как инобытии Божества, освящает процесс самоутверждения личности, ее тождественность космической, мировой душе. Бог для Эмерсона – это мудрость, сила, красота. В этой же книге говорится: «История Эмерсона – это не история одной отдельной нации, расы или народа; это не отдельная цивилизация; это не отдельная эпоха; но это история всех времен, всех людей, всех рас и всех цивилизаций. Его история делает не вероятным, а возможным увидеть целую панораму бесконечного прошлого в настоящем»[29]. Эмерсон пришел к учению, которое до него исповедовали Руссо, Джефферсон, Чаннинг. Эмерсон, как и его предшественники, как и его современник Толстой, отдавал безусловное предпочтение земледельческому укладу жизни. Он воспевал физический труд, который, по его мнению, ведет к познанию окружающего мира, к приобретению истинного знания жизни – образования, данного Богом.

В декабрьской книжке за 1908 год американского журнала *Fellowship* (экземпляры этого журнала хранятся в яснополянской библиотеке) Толстой отчеркнул мысль Эмерсона: «Но наступит день, и все люди будут любить друг друга, и все несчастья изчезнут в свете всеобщей любви»[30]. В более полном виде она вошла в «Круг чтения» (запись 16. XII, 4): «Сила любви в приложении к великим интересам человеческих обществ стала устаревшей и забытой. Раз или два в истории она прилагалась и всегда с великим успехом. Но придет время, и любовь станет общим зако-

---

[28] Emerson Viewed with an Oriental Eye. P. 1.

[29] Ibid.

[30] Fellowship / Ed. by B. F. Mills. Los Angeles (Ca), 1908. Vol. 4. № 12. Dec. P. 29.

ном жизни людей, и исчезнут все бедствия, от которых теперь страдают люди, растают во всеобщем свете солнца» (42, 350). В «Эссе о политике» Эмерсон пишет: «До сих пор люди ни разу еще не пытались положить в основу государственной власти любви... Там, где люди своекорыстны, государственная власть всегда будет строиться на насилии»[31].

В своем учении о государстве Эмерсон излагает взгляды, которые развивали дальше американскую традицию философского анархизма, во многих отношениях совпадавшую с представлением Толстого о функциях государственной власти, но при этом Эмерсон оставался романтиком, представителем политического и философского романтизма XIX века и отрицал рационализм XVIII века. В «Эссе о политике» он выступает как резкий критик существующего положения вещей: «Вся история государства сводится к тому, что один человек постоянно кует цепи для другого... Отсюда следует, что чем меньше нами будут управлять, чем меньше у нас будет законов, чем меньше власти доверим мы правителям – тем лучше»[32]. Эмерсон считает, что государство существует для того, чтобы «взрастить мудрого человека», а с его появлением государство «отомрет за ненадобностью», то есть целью государства для Эмерсона является мудрый человек.

На страницах сборников «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни» Эмерсон и Торо – наиболее часто встречающиеся авторы. Толстой не только сам воодушевлялся, читая сочинения американских писателей, но хотел предоставить эту возможность многим людям в России и других странах. В пору его работы над «Кругом чтения» состояние американской литературы не удовлетворяло Толстого, не отвечало тем высоким нравственным требованиям, которые он предъявлял к произведениям искусства. В 1901 году он с горечью писал в «Предисловии к роману

---

[31] Цит. по кн.: *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3 т. М.: Изд-во иностр. лит., 1962–1963 С. 457.

[32] Там же. С. 458.

В. Фон-Поленца "Крестьянин"»: «То же еще поразительнее в американской литературе: после великой плеяды – Эмерсона, Торо, Лойеля, Уитиера и др. вдруг все обрывается, и появляются прекрасные издания с прекрасными иллюстрациями и с рассказами и романами, которые невозможно читать по отсутствию в них всякого содержания» (34, 275).

Глава 5
Уолт Уитмен

Я помню, было прозрачное летнее утро. Я лежал на траве, и вдруг на меня снизошло такое чувство покоя и мира, такое всеведение, выше всякой человеческой мудрости, и я понял, что Бог – мой брат, и что Его душа мне родная, и что ядро всей вселенной – любовь.

Уолт Уитмен

Уолт Уитмен, по моему мнению, один из двух только наших современников, другой – граф Лев Толстой, к которым слово «апостол» может быть применено.

Г. Сарразин

Для современной компаративистики требуется более обобщенное понимание типологических межлитературных схождений, потому что ее интересует не столько скрупулезное отыскание аналогий, сколько их общая направленность.

Диониз Дюришин

Прямым продолжателем Р. У. Эмерсона в Америке многие считали Уолта Уитмена; книгу его стихов «Листья травы» Эмерсон восторженно приветствовал в 1855 году. В письме к Уитмену от 21 июля 1855 г. он писал: «Я по достоинству ценю то замечательное дарование, с которым написаны "Листья травы", и нахожу, что они – самый удивительный образец живости ума и мудрости из всего того, что до сих пор было создано Америкой»[1]. Г. Д. Торо

[1] «Сделать прекрасным наш день...»: Публицистика американского романтизма. М.: Прогресс, 1990. С. 431.

в письме к Х. Блейку сообщал: «Этот Уолт Уитмен, о котором я писал тебе, в настоящее время представляет для меня наиболее интересное явление. Я только что прочитал второе издание (которое он дал мне), и оно принесло мне больше пользы, чем какое-либо другое чтение за долгое время»[2]. Хотя некоторые черты его жизни и творчества вызывали сомнение у Торо, в целом он, несомненно, признавал его как значительное событие в литературной жизни Америки. В поэзии Уитмена совершенно явно звучали трансценденталистские мотивы. Но, несмотря на это, никто не осмелился бы записать Уитмена в трансценденталисты: слишком индивидуальным, ни на что не похожим было его творчество, в котором гармонично соединялись языческие, мистические, романтические и трансценденталистские традиции, роднившие Уитмена не только с трансценденталистами Новой Англии, но и с немецкими философами-идеалистами, и с мистиками Древней Индии. Источником, питавшим и трансценденталистов, и Уитмена, была, несомненно, эпоха Просвещения. Не случайно Уитмена называли совершенным воплощением духа этой эпохи: демократической философией рационалистического XVIII века проникнуто все его творчество, с учетом, разумеется, реалий современной ему действительности.

Идеалы философов-просветителей были необычайно близки его мироощущению и мировидению, в частности – идеи Томаса Пейна, утверждавшего, что народ имеет «естественное» право освобождаться от правительства, вышедшего из-под его контроля. «Радикалом из радикалов» называл себя Уитмен, одобрявший положения Руссо и Пейна о правительстве как установлении, вызванном к жизни неспособностью добродетели управлять миром. А в одной из своих статей он провозгласил тезис, который восходит к Джефферсону и под которым мог бы подписаться без колебаний и Толстой: «На свете нет более глубокого заблуждения,

---

[2] Correspondence of H. D. Thoreau / Ed. W. Harding and C. Bode. New York, 1958. P. 441–442.

чем использование в государственной практике учения о принуждении силой. <...> Рассудительные люди давно уже заметили, что самое лучшее правительство – это то, которое меньше всего управляет»[3]. Толстой обращался к этому высказыванию, говоря с восторгом о Торо, перед которым преклонялся и Уитмен, откровенно презиравший закон, порядок в том виде, как его понимали американские обыватели. Самобытная, независимая позиция Торо вызывала уважение Уитмена. Таким образом, философский анархизм Пейна и Годвина оказался не чужд и Уитмену, чье творчество посвящено простому и свободному человеку Нового Света. По свидетельству биографа Уитмена Горация Тробеля, поэт искренне заявлял одному русскому анархисту: «Ваше знамя – это мое знамя». Раскрепощенного свободного человека делает Уитмен героем своего творчества: «С того времени, как мои вопрошания и дело моей жизни обрели определенную форму (а как лучше мог выразить я особенность своего времени и места – Америки, демократии?), я понял, что центром, откуда излучается ответ и куда все возвращается на круги своя, должна быть личность – единая душа и плоть, – которой, после долгих размышлений, я решил стать сам – в действительности ей не мог быть никто иной»[4].

Возвеличив простого и свободного человека, Уитмен приходит к идее братства людей, тем самым как бы восстанавливая идеалы эпохи Просвещения в суровое время 1850-х годов. Примерно в это же время, находясь на Кавказе, а затем работая над повестью «Казаки» (которая первоначально была задумана как «поэтический "Казак"»), аналогичные настроения испытывает молодой Толстой. Желание слиться с миром казаков, стать одним из них овладевает сначала самим Толстым, а потом и его героем Олениным.

Уитмен считает, что счастье заключается не в индивидуализме, а в единении с целым, потому что братство, по его мнению, –

---

[3] *Rogers C., Black J.* The Gathering of the Forces. New York; London: G. P. Putnam's Sons, 1920. Vol. 1. P. 57.

[4] Цит. по кн.: Литературная история США. М.: Прогресс, 1977. Т. 1. С. 553.

это любовь, а принадлежность целому – это свобода. В «Казаках» герой Толстого приходит к выводу: «Для того, чтобы быть счастливым, надо одно – любить, и любить с самоотвержением, любить всех и все, раскидывать на все стороны паутину любви...» (6, 105).

Языческое восприятие природы и места человека в ней роднит сборник «Листья травы» и повесть «Казаки». Одним из первых на параллели в творчестве Толстого и Уитмена обратил внимание биограф и секретарь Уитмена Гораций Тробель[5]. Он усматривает «странное сходство» между этими великими художниками современности, столь далекими друг от друга и так мало друг другу известными; в своем дневнике «С Уолтом Уитменом в Кемдене» он передает разговор с Уитменом 19 декабря 1888 года, когда он говорит Уолту о сходстве между ним и Толстым, на что Уитмен замечает: «Я принимаю Толстого, я говорю о нем то, что часто говорю о Викторе Гюго: для своего времени он – человек, благороднее, выше, лучше которого нет»[6]. В этой же беседе Тробель заявляет Уитмену: «*Сущность Толстого, в конце концов, Уолт, это суть "Листьев травы"*» (курсив мой. – *Г. А.*)[7]. С чем Уитмен положительно соглашается.

На сходство между Толстым и Уитменом указывает Тробелю в одном из своих писем Г. Сарразин[8].

Творчество трансценденталистов было слишком аскетичным, чуждым всему плотскому, а Уитмен пел гимны полнокровной жизни, разрушая предрассудки и условности, в полной мере проявляя свою языческую натуру. Сродни ему язычник Ерошка в «Казаках»:

---

[5] Об этом также писал в своей книге о Толстом известный английский врач и писатель Генри Эллис: The New Spirit / By H. Havelock Ellis. Chicago, [1900]): «Книга своими великолепно написанными картинами красоты природной мощи и здоровья напоминает иногда лучшие фрагменты произведений Уитмена» (P. 94).

[6] *Traubel H. L.* With Walt Whitman in Camden. New York: Rowman & Littlefield, 1961. 9 vols. Vol. 3. P. 336.

[7] Ibid.

[8] Ibid. Vol. 5. P. 318.

«Грех? Где грех? – решительно отвечал старик. – На хорошую девку поглядеть грех? Погулять с ней грех? Это у вас так? Нет, отец мой, это не грех, а спасение» (6, 47). Ерошка убежден: «Все Бог сделал на радость человеку. Ни в чем греха нет» (6, 56). Кредо Уитмена: все люди и Бог – братья. Уитмен изображает мужчин и женщин как часть своего «я», и все они – часть природы – растущей травы, воздуха, земли. В «Казаках» Толстой передает размышления Оленина, который отчасти является альтер-эго Толстого: «...люди живут, как живет природа: умирают, родятся, совокупляются, опять родятся, дерутся, пьют, едят, радуются и опять умирают, и никаких условий, исключая тех неизменных, которые положила природа солнцу, траве, зверю, дереву. Других законов у них нет...» (6, 101). В «Песне о себе» Уитмен говорит:

Я славлю себя и воспеваю себя...
Ибо каждый атом, принадлежащий мне, принадлежит и вам...
Я, праздный бродяга, зову свою душу...
Я принимаю природу такою, какова она есть,
Я позволяю ей во всякое время, всегда
Говорить невозбранно с первобытной силой.

(Перевод К. Чуковского)[9]

Великой целью жизни человека Уитмен считает слияние с природой, со всем «материальным, объективно существующим миром», приобщение отдельной личности к целому. В «Казаках» Толстой вместе со своим героем вопрошает себя: «Или я боюсь сделать то, что сам нахожу разумным и справедливым? Разве желание быть простым казаком, жить близко к природе, никому не делать вреда, а еще делать добро людям, разве мечтать об этом глупее, чем мечтать о том, о чем я мечтал прежде, быть, например, министром, быть полковым командиром?» (6, 102).

---

[9] Цит. по кн.: *Чуковский К. И.* Мой Уитмен: Очерки о жизни и творчестве. Избр. переводы из «Листьев травы». Проза. М.: Прогресс, 1966. С. 143.

Но вера Уитмена в цивилизацию, прогресс, «позитивные науки» совершенно чужда Толстому, тяготевшему к патриархальному крестьянскому устройству жизни. Любовь же Уитмена к простому человеку, его убежденность, что все «идет от земли, все идет от народа», а не от людей с университетскими знаниями, просто обезоруживающи. В простом народе он видит порядочность, великодушие, благородство и даже аристократизм. Особенно укрепила его веру в простой народ Гражданская война.

В восприятии феномена войны (войны вообще – не Крымской и не Гражданской!) у Толстого и Уитмена просматриваются некоторые типологические схождения и параллели. Как и Толстой во время Крымской войны, Уитмен во время Гражданской находился рядом с солдатами и в госпитале, и в походе, и даже в бою. К началу Гражданской войны Уолт Уитмен – автор сборника «Листья травы», Толстой к началу Крымской кампании – автор повести «Детство», военных рассказов. У Толстого и Уитмена участие в войне в той или иной степени связано с судьбой их братьев. Толстой отправляется на Кавказ (а оттуда уже через несколько лет – в осажденный Севастополь) именно потому, что там в военных действиях принимал участие его любимый брат Николай. Уитмен отправляется на войну в поисках раненного в армии северян брата Джорджа, которого он и находит в госпитале в Вашингтоне. И Уитмен, и Толстой остаются на войне на несколько лет, они просто не могут покинуть поля сражения, госпиталя, чтобы вернуться в родные края. Гражданская война стала важнейшим событием в жизни Уитмена. Крымская война заставляет Толстого по-новому взглянуть на русский народ, на положение дел в России. Гражданская война особенно укрепила веру Уитмена в простой народ (а на войне это прежде всего солдаты), в котором он видел настоящий аристократизм, благородство и великодушие.

2 ноября 1854 года Толстой после ожесточенной атаки неприятеля записывает в дневнике: «Велика моральная сила русского народа... Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастной России, оставит надолго следы в ней. Те люди,

которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы. Они с большим достоинством и гордостью будут принимать участие в делах общественных, а энтузиазм, возбужденный войной, оставит навсегда в них характер самопожертвования и благородства» (47, 27–28). Уитмен, преклоняясь перед величием и душевным богатством народа, почти на той же ноте, что и Толстой, писал о солдатах, возвращавшихся с войны: «Никогда до этого не сознавал я с такой ясностью великую и прекрасную сущность американского народа en masse, я был поражен и охвачен благоговением»[10]. Как Толстой не мог покинуть четвертый бастион с его постоянной опасностью, ранеными, убитыми, так и Уитмен не смог уехать из лазаретов Вашингтона, продолжая помогать страждущим, несмотря на риск болезней, ранений, смерти. Как и Толстой, Уитмен видел войну вообще в «настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти...» (4, 9), но вера в высокий дух американского народа, в его будущее никогда не оставляла Уитмена.

Первое впечатление по прибытии на фронт – это гора ампутированных ног, рук... Уитмен немедленно захотел быть полезным. Вот что он пишет Р. У. Эмерсону 17 января 1863 г. о своем посещении госпиталей: «Все они пережили только что великое и страшное и лежат теперь в бараках, в дощатых вашингтонских госпитальных бараках, снаружи побеленных, одноэтажных, впрочем, достаточно высоких, просторных и чистых. Так, к примеру, выглядит палата: длинный коридор футов в сто шестьдесят, в середине проход, по обе стороны его лежаки, пятьдесят штук и более. Днем и ночью по проходу разгуливает смерть, то тут, то там осеняя кого-то из несчастных юношей своим легким касанием. И это лишь одна палата, в вашингтонском госпитале таких обычно десять-двенадцать. Здесь изнемогают, горя в жару, изнуренные кровавым поносом *лучшие и благороднейшие* из детей Севера»[11]. Как

---

[10] *Whitman W.* Autobiographia: or, the Story of a Life. New York: C. L. Webster, 1892. P. 73.

[11] «Сделать прекрасным наш день...»: Публицистика американского романтизма. М.: Прогресс, 1990. С. 466–467.

и Толстой, Уитмен именно там, в госпитале, понял, что он должен сказать о войне от имени тех безымянных солдат и офицеров, умирающих в лазаретах. Уитмен лелеял надежду, что бедные и богатые после такого совместного военного опыта станут ближе друг другу, и ему, как и Толстому, претило иерархическое высокомерие офицеров знаменитых американских академий, и он был полностью на стороне безграмотного солдата.

Вот что пишет Толстой в рассказе «Севастополь в декабре месяце» о своем посещении госпиталей: «...зайдите прямо напротив в этот дом, бывший прежде Севастопольским собранием и на крыльце которого стоят солдаты с носилками, – вы увидите там защитников Севастополя, увидите там ужасные и грустные, великие и забавные, но изумительные, возвышающие душу зрелища. Вы входите в большую залу Собрания. Только что вы отворили дверь, вид и запах сорока или пятидесяти ампутационных и самых тяжело раненных больных, одних на койках, большей частью на полу, вдруг поражает вас» (4, 6). Образы войны всегда трагически совпадают. Высокий поэтический стиль писателей в описании увиденного в госпитале органично перемежается с жестким прозаическим повествованием, почти сухой констатацией фактов.

Там, в лазаретах, Уитмен начал знакомиться с солдатами, записывать их рассказы об участии в сражениях. Его брат Джордж участвовал в битве при Антитэме (Antietam), где в сентябре 1862 года были убиты, ранены или пропали без вести 23 000 человек, Уитмен записывает детали этого сражения. Толстой в осажденном Севастополе пишет «Севастопольские рассказы», пытается издавать «Солдатский листок».

Влияние Гражданской войны на Уитмена отразилось в его прозе *Memoranda During the War* (1875) и в его поэме *The Drum-Taps* («Барабанный бой») (1865). Как в свое время потрясли современников «Севастопольские рассказы» Толстого, эти очерки с поля боя, так же наиболее драматические описания Гражданской войны пришли от Уитмена, т. к. в войне никто из крупных американских писателей не участвовал (были, конечно, отдельные эпизо-

ды у Мелвилла, у Луизы Олкотт). Записные книжки Уитмена из его архива хранят записи рассказов раненых, их адреса. Уитмен писал: «Сущность американского характера на войне нужно искать не на полях сражений, а в госпитале. Среди раненых»[12]. Военный опыт Уитмена, в отличие от опыта Толстого, основывался на его работе в лазаретах, на рассказах очевидцев, сам он на передовой был лишь дважды и не принимал участия в военных действиях, но опыт работы в госпитале оказался потрясающим. Уитмен заносит в записную книжку: «Каждый лежащий на этих койках имеет свою историю, и каждый случай – это трагическая поэма, эпос, роман, потрясающая книга, если она когда-либо будет написана»[13].

Толстой записывает в дневнике 13 апреля 1855 года: «Постоянная прелесть опасности, наблюдения над солдатами, с которыми живу, моряками и самым образом войны так приятны, что мне не хочется уходить отсюда, тем более что хотелось бы быть при штурме, ежели он будет» (47, 42).

Уитмен пишет в «Барабанном бое»:

К красоте и учености я не привык – но что-то мне все же привычно, –
Я ходил за ранеными солдатами и утешал умирающих,
А в минуты досуга и посреди бивуака
Складывал эти песни[14].

(Перевод А. Сергеева)

Участие Уитмена в Гражданской войне санитаром было абсолютно добровольным и бескорыстным: он не представлял никакой организации. Временами его появление в лазарете (и даже на передовой!) напоминает появление Пьера Безухова в его гражданском

---

[12] *Grier E. F.* II, 581.4. Matthew F. IgNoffo. What the War Did to Whitman. New York: Vantage Press, 1975. P. 24

[13] Ibid. II, 585.

[14] *Уитмен У.* Не молодость подобает мне // *Уитмен У.* Стихотворения и поэмы. М.: Худож. лит., 1976. (Библиотека всемирной литературы: Серия вторая; Т. 119). С. 359.

платье на Бородинском поле. Гражданская война во многом поколебала веру Уитмена в предназначение его страны, как была поколеблена вера Толстого во многие институты Российской империи («Россия или должна пасть, или совершенно преобразоваться». – 47, 31). Но в общем вера в великое будущее их стран не покидает писателей. По получении известия о смерти императора Николая I в начале марта 1855 года Толстой записал в дневнике: «Великие перемены ожидают Россию. Нужно трудиться и мужаться, чтобы участвовать в этих важных минутах в жизни России» (47, 37).

Невозможно проводить параллели между Крымской войной в России и Гражданской – в Америке: слишком разными были исторические причины этих войн, их характер и завершение. Но в отношении к войне вообще как явлению чуждому человеческому разумению, в преклонении перед подвигом простого солдата, выполняющего свой долг, просматриваются определенные параллели и аналогии. Находясь рядом с простыми солдатами в бою, в походе, в госпитале, на привале, они испытывали бесконечное уважение к простому человеку – солдату, защитнику, патриоту. В рассказе «Севастополь в декабре месяце» говорится: «Вы начинаете понимать защитников Севастополя; вам становится почему-то совестно за самого себя перед этим человеком. Вам хотелось бы сказать ему слишком много, чтобы выразить ему свое сочувствие и удивление; но вы не находите слов или недовольны теми, которые приходят вам в голову, – и вы молча склоняетесь перед этим молчаливым, бессознательным величием и твердостью духа, этой стыдливостью перед собственным достоинством» (4, 7). В вышеупомянутом письме к Эмерсону Уитмен пишет: «Я прихожу сюда на пару часов ежедневно, стараюсь быть желанным и полезным и вижу собственными глазами высокие достоинства простого народа – ни грана вульгарности, неизменное духовное равновесие, ни жадности, ни суетности, ни легкомыслия...»[15].

---

[15] «Сделать прекрасным наш день...»: Публицистика американского романтизма. М.: Прогресс, 1990. С. 467.

Параллели благоговейного восприятия Толстым и Уитменом подвига простого солдата совершенно очевидны. Они оба безусловно верят в «высокие достоинства простого народа», в его «бессознательное величие и твердость духа», в его «стыдливость перед собственным достоинством». Отрывки из художественных и документальных текстов Толстого и Уитмена словно представляют некий цельный текст о страдании и величии простого солдата на войне.

О Крымской войне в Россиии и Гражданской в Америке мы узнаем от Толстого и Уитмена через письма, дневники, очерки, стихи. Соответственно их повествования ориентированы на феномен войны, ее реалии, а также на собственные чувства, мысли, впечатления, полученные на войне. Таким образом, Толстой и Уитмен творят целостную панораму военной действительности. В своих записях они каждый по-своему, в соответствии с национально-культурной традицией, опредмечивают мир страстей и переживаний, связанных с войной. В случае с Толстым и Уитменом документальные материалы (письма, записные книжки и пр.) предшествуют появлению художественных текстов – прозы и поэзии, т. е. реально мы имеем дело с синтезом документального и художественного в военном творчестве писателей.

В широком смысле Толстым в путешествии на Кавказ, а затем в осажденный Севастополь руководила идея поиска себя, «идея свободы» (В. Гуминский), что находит отражение в фиксации военных событий и личных ощущений. Так, в «Севастополе в декабре месяце» он пишет: «...и вы испытаете интересные чувства, услышите и увидите интересные вещи. Часовой <...> закричит: "Маркела!" – и вы услышите равномерное, довольно приятное и такое, с которым с трудом соединяется мысль об ужасном, посвистывание бомбы <...>. При этих звуках вы испытаете странное чувство наслаждения и вместе страха. <...> ...когда снаряд пролетел, не задев вас, вы оживаете, и какое- то отрадное, невыразимо приятное чувство, но только на мгновение, овладевает вами, так что вы находите какую-то особенную прелесть в опасности,

в этой игре жизнью и смертью» (2, 91–92). Повторение эпитетов «интересный», «приятный», определяющих его эмоциональное состояние, уместно скорее в описании обычного приятного путешествия, а не военного действия; метафора «равномерное посвистывание бомбы»; оксюморон «прелесть опасности»; бинарные оппозиции и аксиологические антиподы «наслаждение – страх», «приятное – ужасное», «игра жизнью и смертью» – совокупность всех этих приемов помогает в создании психологического портрета, в познании себя на войне, в продолжении поисков себя в военной стихии.

Письма, дневники, записные книжки – неотъемлемые атрибуты пребывания на войне Толстого и Уитмена. В них отражена панорама пребывания Толстого в осажденном Севастополе и Уитмена в военных лазаретах. Пребывание на войне естественным образом расширяет горизонт восприятия, усиливает, нагнетает эмоции, обостряет чувства, зрение. В своих записях они выстраивают военный контекст, вплетая в него реальные события и конкретных людей. Перед нами в их повествовании – пространство войны и связанные с ней страдания. Пространство войны отличается особой динамичностью, неизбежной агрессивностью, брутальностью, частой непредсказуемостью и непрерывной чередой событий и образов, что находит отражение на страницах записных книжек, писем, очерков у Толстого и Уитмена в их изображении картины войны. У Уитмена и особенно у Толстого восприятие войны во многом определяется дихотомией «добро–зло».

У Толстого военное пространство формируется снаружи и изнутри, из самой гущи военных действий, то же самое происходит у Уитмена, хотя их позиции меняются. Часто их записи напоминают сухие, бесстрастные реляции, хронику, констатацию фактов, сквозь которые все-таки изредка прорываются эмоции, личное отношение, рефлексия: «Со времени десанта англо-французских войск у нас было с ними 3 дела. Первое, Алминское, 8 сентября, в котором атаковал неприятель и разбил нас, 2-е дело Липранди

13 сентября, в котором атаковали мы и остались победителями, и 3-е, ужасное дело Даненберга, в котором снова атаковали мы и снова были разбиты. Дело предательское, возмутительное. 10 и 11 дивизия атаковали левый фланг неприятеля, опрокинули его и заклепали 37 орудий. Тогда неприятель выставил 6000 штуцеров, только 6000 против 30 [тысяч]. И мы отступили, потеряв около 6000 храбрых. И мы должны были отступить, ибо при половине наших войск по непроходимости дорог не было артиллерии и, Бог знает почему, не было стрелковых батальонов. Ужасное убийство. Оно ляжет на душе многих! Господи, прости им», – записывает в дневнике Толстой (47, 27).

В образах войны Толстой и Уитмен разрушают сложившиеся стереотипы, изображая не блеск военного гения, не парад мундиров и эполет, а войну «в настоящем ее выражении», непривычном для современников, писатели заставляют их по-новому осмыслить феномен войны, ее последствия. Они погружаются в пространство войны и своим гением погружают в него читателя. От одного «севастопольского рассказа» к другому Толстой моделирует образ войны вообще и Крымской в частности. Такое же моделирование мы находим в сборнике «Барабанный бой» Уитмена. В стихотворении «На перепаханную войной землю пришли они» Уитмен говорит о значении своего военного опыта:

Во единое слившаяся земля, перенесшая мир и войну,
благодарит безмолвно меня,
Прерии крепко обнимают меня, так отец прижимает
сына к своей груди,
Льды и дожди Севера, зачавшие меня, будут питать
меня до конца,
Но пекло Юга должно наполнить зрелостью мои песни[15].
(Перевод Н. Булгаковой)

[15] *Уитмен У.* На перепаханную войной землю пришли они // *Уитмен У.* Листья травы. М.: Худож. лит., 1982. С. 283.

Зрелостью наполняет пекло Севастополя и творчество Толстого, наполняет настолько мощно, что из него прорастает эпопея «Война и мир», в которой намеченная в «Севастопольских рассказах» дихотомия «добро–зло» становится лейтмотивом.

«Севастопольские рассказы» в переводе Франка Д. Милле, с предисловием У. Д. Хоуэллса, были сразу и безоговорочно приняты Уитменом. В письме к Р. М. Баку от 25–26 декабря 1888 года он пишет: «Я читаю “Севастопольские рассказы” Толстого, переведенные очень хорошо на английский язык Франком Милле с французского перевода. Я нашел рассказы очень увлекательными, острыми и сильными, с панегирическим предисловием У. Д. Хоуэллса»[16]. А в дневнике Г. Тробеля от 24 декабря 1888 года есть запись о впечатлении, произведенном «Севастопольскими рассказами» на Уитмена: «Уитмен считал, что Толстому не повезло с переводчиками, делая исключение для “Севастопольских рассказов”». Далее Уитмен продолжает, в передаче Тробеля: «Стиль книги – четкий, ясный, книга чудесно правдива, она поразила меня своей честностью, прямотой, реализмом»[17].

Амплитуда восприятия творчества американского поэта Толстым колебалась от: «стихи нелепые» (50, 93) до: «Он <...> значительнее всех»[18]. Как отмечают исследователи этой темы, и среди них К. И. Чуковский, Толстой познакомился со стихами Уитмена в 1889 году благодаря книге стихов поэта, присланной англичанином Д. Стюартом. В это же время, в январе 1889 года, Уитмен читает «Исповедь» Толстого, причем большого восторга при этом не испытывает; вот что пишет он Р. М. Баку 2 января 1889 года: «...я нахожу в себе достаточно любопытства, возможно, интереса, чтобы пройти через “Исповедь” Толстого – странный продукт нашего времени, оттуда, из России, конечно, это правдиво, но бо-

---

[16] *Walt Whitman*: The Correspondence / Ed. by Edwin Havilland Miller. Vol. 4. New York: University press, 1969. P. 256.

[17] *Traubel H. L.* With Walt Whitman in Camden. New York: Rowman and Littlefield, 1961. 9 vols. Vol. 3. P. 371.

[18] *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 2. С. 587.

лезненно...»[19]. Книгу «Исповедь» принес Уитмену Тробель, стараясь вызвать интерес к русскому писателю. Тробель пытается спорить с Уитменом: «Это было бы болезненно для нас здесь, в Америке, – заметил я, – но это не болезненно для него в России»[20]. Для Уитмена непонятно, как Толстой мог оказаться в таком состоянии ума, чтобы поставить вопросы, которые он ставит в «Исповеди». Тем не менее он прекрасно понимает, что «Толстой – большой настоящий человек, факт действительности, сила»[21], но «факт», по его мнению, совершенно другой, чем, к примеру, Шекспир. Тробель замечает в своем дневнике, что «это была первая встреча Уитмена с тайной Толстого»[22].

По свидетельству Тробеля, в Толстом Уитмена сильнее всего впечатляло то, что он «человек с убеждениями, на которых он "взрастил" себя»[23]. В сентябре 1890 года, как отмечает Уитмен в одном из своих писем, он просматривает «Крейцерову сонату» и критическую статью Р. Г. Ингерсола об этой повести в журнале *North American Review*[24].

О посещении Д. Стюарта Толстой записывает в дневнике 1 февраля 1889 г.: «Потом англичанин, кавалерийский офицер, охотник до horse-flesh*. Дикий вполне англичанин. На все у него

---

[19] Walt Whitman: The Correspondence/ Ed. by Edwin Havilland Miller. Vol. 4. New York: University press, 1969. Vol. 4. P. 261.

[20] *Traubel H. L.* With Walt Whitman in Camden. Vol. 3. P. 443.

[21] Ibid.

[22] Ibid.

[23] Ibid.

[24] В библиотеке Толстого есть книга Р. Г. Ингерсолла: Lectures of Col. R. Ingersoll: Including His Letters on the Chinese God. Chicago: Rhodes & McClure Publ. Co., 1897. 2 vols. Vol. 2: Latest. (Standard Library; № 115) с дарственной надписью одного из почитатателей таланта русского писателя. Джеймс Крилмен, американский журналист, в своей книге *On the Great Highway* (Boston, 1901) передает весьма неодобрительный отзыв Толстого об Ингерсолле: «Он утверждает, что Нагорная проповедь Христа практически неосуществима в наш индустриальный век. У меня большой соблазн написать книгу по поводу поверхностной доктрины этого человека. Он – невежда» (P. 144–145).

* Конины (*англ.*).

готовы evasiv'ные* шутки и слова» (50, 32)[25]. Толстой, как это часто с ним случалось во время встреч с иностранными посетителями, «экзаменовал» англичанина по вопросам, его волнующим, – о мире, о вере; ответами явно остался недоволен. Заканчивается запись следующими словами: «Красота тела есть душа. Whitman ему сказал это. Это его поэт» (50, 32). Имя поэта, по всей видимости, Толстому было известно: в 1887 году Толстой был избран почетным членом общества Уолта Уитмена, о чем его уведомил К. С. Хартман, председатель этого общества, в письме из Филадельфии от 4 июля 1887 года. В это общество входили друзья и поклонники таланта американского поэта, которые старались способствовать изучению в мире творчества Уитмена. Президентом общества, согласно информации, присланной Толстому Г. Тробелем, был избран Сэмуэль Джоунс, известный Толстому мэр города Толедо, а среди директоров значился и Эрнест Кросби[26].

После встречи с Толстым Стюарту захотелось продолжить с ним разговор об Уитмене, и 3 февраля 1889 года из гостиницы в Москве он пишет Толстому, вспоминая их беседу: «Мне кажется, мы заговорили о Венере Милосской потому, что я спросил вас, читали ли Уолта Уитмена, который сказал: "Я говорю, что тело – есть душа", а вы упоминули еще о ком-то (не помню, кого вы назвали), говорившем то же самое. По приезде в Англию тотчас же вышлю вам сочинения Уолта Уитмена, потому что уверен, что они вам понравятся. <...> Я считаю его величайшим из наших современников. Он был участником Гражданской войны в Америке, ухаживал за больными и ранеными в госпиталях. <...> Он очень беден. Живет в маленькой, очень опрятной комнатке, где стоит кровать, умывальник и стол, на котором две книги: Библия и Шекспир. <...>

* Уклончивые (*англ. evasive*).

[25] В дневниковой записи от 2 февраля 1889 г. Толстой замечает, что «пропустил день и записал на 1-е то, что было 2-го» (50, 32), из чего следует, что Джон Стюарт был у Толстого 2 февраля. На это обращает внимание в своей книге «Взаимосвязи литератур России и США» А. Н. Николюкин.

[26] Отдел рукописей ГМТ. 2/9/26.

Он одевается, как рабочий, и все рабочие его любят»[27]. Все письмо Стюарта проникнуто одним желанием — заинтересовать великого русского писателя поэзией У. Уитмена, привлечь его внимание к личности поэта. Вполне возможно предположить, что об Уитмене Толстому мог рассказать и И. С. Тургенев, который 12 ноября 1872 года писал П. В. Анненкову: «Рагозину я вместо отрывка из "Записок охотника" пошлю несколько переведенных лирических стихотворений удивительного американского поэта Уальта Уитмена (слыхали вы о нем?) с небольшим предисловием. Ничего более поразительного себе представить нельзя»[28].

Книги Уитмена, посланные Стюартом, Толстой получил в июне 1889 года. Поначалу ожидания Стюарта не оправдались: в дневнике Толстого от 11 июня 1889 года появляется запись: «Получил книги: Whitman, стихи нелепые...» (50, 93). Процесс чтения и осмысления Толстым поэзии Уитмена можно разделить на несколько этапов. Первый – это полное неприятие творчества поэта. Через несколько месяцев, в октябре 1889 года, Толстой вновь обращается к стихам американского поэта, и это можно назвать вторым этапом прочтения Уолта Уитмена: «Читал опять присланного мне Walt Whitman'a. Много напыщенного пустого; но кое-что уже я нашел хорошего, н[а]п[ример], "Биография писателя". Биограф знает писателя и описывает его. Да я сам не знаю себя, понятия не имею. Во всю длинную жизнь свою, только изредка, изредка кое-что из меня виднело[сь] мне» (50, 165). Вероятно, в это время, читая лондонское издание «Листьев травы», Толстой оставляет пометы в виде отчеркиваний фиолетовым и простым карандашами на страницах сборника, сохранившегося в яснополянской библиотеке: *Whitman W.* Leaves of Grass / The Poems of Walt Whitman: [Selected]; With Introduction by Ernest Rhys. London: Walter Scott, 1887.

---

[27] Толстой и зарубежный мир: В 2 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Ред. С. А. Макашин. М.: Наука, 1965. Кн. 1–2. (Лит. наследство; Т. 75). Кн. 1. С. 436–437.

[28] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Т. 10. М.; Л.: Наука, 1965. С. 32.

Сосредоточенное прочтение стихов Уитмена позволяет Толстому открыть философский мир поэта, такой, на первый взгляд, сложный из-за столь нового, по выражению самого Уитмена, идиоматического стиля и столь простой и мудрый по сути, открывающийся при внимательном прочтении. Лафкадио Хеарн, американский писатель, знакомый Толстому по его книге о Японии, хранящейся в библиотеке, так писал о «Листьях травы» Уитмена: «Прочти его книгу внимательно, вдумчиво с начала до конца, и только тогда ты постигнешь ее красоту. В ней античный какой-то пантеизм, но только выше и шире: что-то звездное и даже надзвездное, хотя мне, признаться, в ней любо наиболее земное, земляное»[29]. Некоторые стихи Уитмена совершенно откровенно переходят в проповедь, балансируют на грани прозы. Толстому, весьма скептически относившемуся к поэзии вообще, трудно было сразу принять творчество американского поэта по книге «Листья травы». Некоторые исследователи (К. И. Чуковский) связывают первое неприятие Толстым стихов Уитмена с личностью Стюарта: стихи были присланы Толстому совершенно чуждым ему человеком. На самом деле первое издание «Листьев травы» 1855 года было принято даже и американской критикой далеко не сразу. Своеобразный стиль писателя, с многочисленными повторами, изобилием деталей, подчас эксцентричными поэтическими приемами, шокировал американскую публику, привыкшую к классическим образцам английской поэзии. От издания к изданию книга разрасталась, в ней нарушался хронологический порядок. Издание, попавшее в руки Толстому, отличалось к тому же и необычной композицией.

В статье «Уолт Уитмен» Генри Сейдл Кэнби писал: «Ни одному крупному мастеру, как Уитмену, не нужна столь тщательная редактура, наподобие той, которую проделал для Вордсворта Арнольд. Уитмен сопротивлялся этому при жизни, так как чувствовал, что

[29] Цит. по кн.: *Чуковский К. И.* Мой Уитмен. С. 85.

в столь "учтивое" время, каким был его собственный век, его уроки должны усваиваться в том "грубом" виде, в каком преподаются»[30]. Так что первая реакция Толстого («стихи нелепые») была вполне естественной (даже У. Д. Хоуэллс не считал Уитмена поэтом!). Но уже при втором прочтении среди «напыщенного пустого» Толстой находит «хорошее», упоминая «Биографию писателя». Он так называет стихотворение «Читая книгу» (*When I Read the Book*), которое он отчеркивает простым карандашом на с. 5:

Читая книгу, биографию прославленную,
И это (говорю я) зовется у автора человеческой жизнью?
Так, когда я умру, кто-нибудь и мою опишет жизнь?
(Будто кто по-настоящему знает что-нибудь о жизни моей...)

(Перевод К. Чуковского)

В этом единственном упомянутом в дневнике стихотворении Толстой полностью соглашается с его автором. Но читать «Листья» Толстой начинает с предисловия Эрнеста Риса, в котором на с. XXXIV отчеркивает фиолетовым карандашом стихотворение «Приснился мне город»:

Приснился мне город, который нельзя одолеть,
хотя бы напали на него все страны вселенной,
Мне снилось, что это был город Друзей,
какого еще никогда не бывало,
И превыше всего в этом городе крепкая ценилась любовь,
И каждый час она сказывалась в каждом поступке
жителей этого города,
В каждом их слове и взгляде.

(Перевод К. Чуковского)

---

[30] Цит. по кн.: Литературная история США М.: Прогресс, 1977. Т. 1. С. 563.

Против этого стихотворения, на полях, Толстой делает запись, которая в шкале его оценок является наиважнейшей: «любовь». Как и Уитмен, Толстой уверен, что только любовь может связать, соединить людей в таком идеальном городе мечты. В этом стихотворении особенно ярко звучит приверженность поэта идеалам эпохи Просвещения, и это вызывает понимание у Толстого; в этом стихотворении как бы завязывается его диалог с американским поэтом. На с. 7 Толстой отчеркивает семь строк стихотворения «Я не доступен тревогам» (*Me Imperturbe*):

Где бы ни шла моя жизнь, – о, быть мне всегда в равновесии,
готовым ко всяким случайностям,
Чтобы встретить лицом к лицу ночь, ураганы, голод,
насмешки, удары, несчастья,
Как встречают их деревья и животные.

(Перевод К. Чуковского)

В этом стихотворении звучат пантеистические мотивы Уитмена, его стремление к слиянию с природой, к гармонии с ней. И это, вероятно, было особенно понятно Толстому, автору «Казаков», «Войны и мира», рассказа «Три смерти» и других произведений, где звучат аналогичные мотивы. Один английский критик очень образно писал об Уитмене, подчеркивая его особенность и непохожесть в мире людей и его органичную принадлежность миру дикой природы: «Уитмен – это чудище-бегемот: грозно он прет напролом сквозь заросли джунглей, ломая бамбуки и лианы, погружаясь в могучие реки, и сладострастно ревет в упоении от знойного дня. Уитмен – огромное дерево, сказочное Древо Игдразиль, его корни в подземном царстве, а ветви его волшебной вершины закрыли собою все небо. Это – лось, это буйвол, властительно настигающий самку, всюду за нею следующий в пустынной безмерности прерий»[31].

---

[31] Цит. по кн.: *Чуковский К. И.* Мой Уитмен. С. 36.

Внимание Толстого привлекает стихотворение «Европа» (*Europe*), которое он отчеркивает на с. 137. Написанное в 1850 году, через два года после революции во Франции, оно звучит как реквием потерпевшему поражение народу: революционная победа была столь мимолетной и жестоко подавленной не только во Франции, но и в Италии, Германии, Австрии. Толстого, возможно, поразила универсальность картины поражения народа, нарисованной так ярко и убедительно этим апостолом демократии и любви. Уитмен преклоняется перед народом, который

захватив власть,
не отомстил никому
и дворянских голов не рубил:
он презирал жестокость королей.

(Перевод К. Чуковского)

Но, несмотря на изображенную им картину скорби и печали, стихотворение несет большой оптимистический заряд:

Что, этот дом заколочен? хозяин куда-то исчез?
Ничего, приговьтесь для встречи, ждите его неустанно.
Он скоро вернется, вот уже спешат его гонцы.

(Перевод К. Чуковского)

На отчеркнутое на с. 139 стихотворение «Когда я слушал ученого астронома» (*When I Heard the Learn'd Astronomer*) Толстой не мог не обратить внимание. Весьма критически настроенный по отношению к современной науке и достижениям цивилизации, Толстой, по-видимому, почувствовал тонкую иронию Уитмена в этом стихотворении:

Я сидел в аудитории и слушал его, и все рукоплескали ему,
Но скоро – я сам не пойму отчего –
мне стало так нудно и скучно,

И как я был счастлив, когда выскользнул прочь
и в полном молчании зашагал одинокий
Среди влажной таинственной ночи
И взглядывал порою на звезды.

(Перевод К. Чуковского).

Безмерность, космичность природы Уитмена подчас сталкивается с ограниченными возможностями науки, хотя его вера в научный прогресс, силу знаний непоколебима.

Следующее стихотворение, отчеркнутое Толстым на с. 143 «Мысли» (*Thought*), из цикла «У дороги». Философская созерцательность автора оказывается поразительно созвучной мировидению и мировосприятию Толстого:

О вере, о покорности;
Я стою в стороне и смотрю, и меня глубоко изумляет,
что тысячи тысяч людей идут за такими людьми,
которые не верят в людей.

(Перевод К. Чуковского)

Толстой, читатель Уитмена, из всего поэтического многообразия «Листьев травы» главным образом сосредотачивает свое внимание на нравственно-этических аспектах творчества поэта. На этой же странице Толстой отчеркивает еще одно стихотворение «Мысль» (*Thought*): «О справедливости, как будто справедливость может быть чем-то иным, кроме самого пространного закона, / истолкованного обычными судьями и радетелями, / Как будто она могла бы измениться в соответствии с их решениями»[32].

Письмо Толстого к Л. П. Никифорову от 21–22 июля 1890 г. (известному переводчику, сотрудничавшему в «Посреднике») позволяет предположить, что отмеченные им стихотворения он

---

[32] *Whitman W.* Leaves of Grass / With Introduction by Ernest Rhys. London: Walter Scott, 1887. P. 143.

намеревался рекомендовать Никифорову для перевода; кроме того, письмо содержит достаточно высокую оценку поэта и свидетельствует о новом этапе в освоении его творчества: «Книжечка весьма оригинального и смелого поэта Walt Whitman. Он в Европе очень известен, у нас его почти не знают. И статья о нем с выборкой переведенных его стихотворений будет, я думаю, принята всяким журналом (Р[усской] М[ыслью], я уверен, – тоже могу написать). Переводить его стихи не трудно, т[ак] к[ак] и подлинник без размера и рифмы» (65, 130). Толстой не только признает явные достоинства поэта, но и выступает его популяризатором в России. Но уже в 1897–1898 годах в одном из вариантов трактата «Что такое искусство?» Толстой упоминает Уитмена в совершенно негативном контексте, вместе с именами Бодлера, Верлена, Золя, Киплинга, Ибсена и других (30, 394).

Широко известен отзыв Толстого об Уитмене, приведенный Э. Моодом в его книге «Толстой и его проблемы» (*Tolstoy and His Problems*), что главный недостаток Уитмена состоит в том, что со всем своим энтузиазмом он тем не менее не обладает ясной философией жизни и не показывает, по какому пути следует идти. По мнению К. И. Чуковского, Э. Моод некоторым образом, возможно, усилил отрицательный отзыв Толстого о поэте, особенно учитывая факт, что сам он совсем не принадлежал к почитателям творчества Уитмена. С предположением Чуковского трудно не согласиться, принимая во внимание порой весьма субъективный характер работ Моода о Толстом. Восприятие Толстым поэзии было весьма неоднозначным, он был уверен, что в стихах содержание всегда страдает из-за причудливостей формы, хотя в отношении Уитмена он сразу отметил, как положительный момент для перевода, что его стихи «без размера и рифмы».

В обращении к американскому народу 1900 года Толстой упоминает Уитмена среди «блестящей плеяды» американских писателей. 1900-е годы — это, пожалуй, третий этап в прочтении Толстым Уитмена, этап окончательного признания им американского поэта. В обращении к издателям 31 августа 1903 г. Толстой

с большой теплотой пишет о статье крестьянина-самоучки Александра Никитича Соколова «Сорокалетие крестьян в России после уничтожения крепостного права»: «Если бы я был издателем, я бы напечатал и стишки, несмотря на отсутствие в них размера рифмы. Они напоминают стихи Walt Witman'a и некоторые очень сильны» (74, 168–169). 10 января 1907 года Д. П. Маковицкий записал: «Просил найти ему "Leaves of Grass" by Walt Whitman и в словаре Брокгауза об Уитмене»[33]. В записной книжке Толстой делает запись 7 января 1907 года: «Читаю Whitman'a. Нехорошо. Надо искать». И далее: «Почти ничего не делал, кроме пересмотра Кр[уга] чт[ения]. Нездоровье тоже» (56, 178). Интерес к творчеству поэта не исчезает, и через неделю, 14 января 1907 года, он записывает в дневнике: «То, что многие люди, огромное большинство людей, называют поэзией, это только неясное, неточное выражение глубоких мыслей (Walt Whitman и др.)» (56, 4). Запись звучит как настоящая похвала поэту. Через месяц, 16 февраля 1907 года, Д. П. Маковицкий отметил: «Речь о Кросби. Л. Н. вспомнил его псалмы. Кросби пишет подобно Уолту Уитмену религиозно-философское в стихах с неровными, длинными строками, без рифмы»[34]. Запись Д. П. Маковицкого, сделанная 12 декабря 1907 года, свидетельствует о полном и окончательном признании Толстым американского поэта: «Вечером читал Марии Александровне, Александре Львовне, Юлии Ивановне немного вслух Уолта Уитмена из его "The Leaves of Grass", переводя по-русски. – Волт Витман – американский поэт, *очень интересный; он философский поэт.* Он был разбит параличом и, несмотря на это, жизнерадостен. Он малоизвестен в России, а *значительнее всех*, – сказал Л. Н.»[35] (курсив мой. – *Г. А.*).

Вполне вероятно, что Толстой знакомился с творчеством Уитмена не только по сборнику «Листья травы», но и по некоторым

[33] *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 2. С. 347.
[34] Там же. С. 377.
[35] Там же. С. 587.

другим книгам, хранящимся в его библиотеке, в частности – по сборнику-календарю изречений *The Earth-For-All Calendar* (New York: Geo. P. Hampton, [1900?]), составленному Э. Кросби, на страницах календаря он отчеркивает отрывки из «Листьев травы», из поэмы «Песня о себе» о несправедливости присвоения плодов чужого труда. Уже после смерти Уитмена, в 1894 году, Толстой получил из Бостона рукописную книгу *Gems from Walt Whitman* (Selected by Elizabeth Porte Gould. Philadelphia: David McKay, 1889) с дарственной надписью составителя – Элизабет Портер Гоулд. Книга открывается стихотворением самой Э. Гоулд, посвященным Уитмену. Подборку стихов поэта предваряет биографический очерк, составленный, вероятно, также Э. Гоулд. Завершается книга ее статьей «Уолт Уитмен среди солдат», ранее опубликованной в *New York Critic*. На страницах книги, а также на листах форзаца Э. Гоулд делает многочисленные дополнения, в частности своим посланием к семидесятилетию поэта, а также двумя стихотворениями Уитмена.

Из других источников, хранящихся в библиотеке, следут назвать том 12 энциклопедического словаря Брокгауза-Эфрона (но следов чтения писателя в статье об Уитмене нет), а также книгу Г. Тробеля: *Traubel H. L.* Good-bye and Hail Walt Whitman: At the Graveside of Walt Whitman: Harleigh, Camden, New Jersy, March 30th: And Sprigs of Lilac / Edited by Horace L. Traubel. Philadelphia: Billstein & Son, 1892. Эта книга также оставалась вне внимания исследователей. Биограф Уитмена Г. Тробель опубликовал в ней все речи и посвящения, произнесенные в день похорон поэта, а также отклики на его смерть, пришедшие из других стран. Среди них – высказывания Э. Карпентера, Т. Ролстона, Х. Гарленда и других известных английских и американских современников поэта. На некоторых страницах книги – отчеркивания, сделанные, по всей видимости, рукой Толстого. Толстой проявил интерес к свидетельствам глубочайшего уважения и почтения американского народа Уолту Уитмену. На с. 15 Толстой отчеркивает: «Его сила поддерживает меня гораздо больше, чем моя собственная. Не зная его, я просто любил и изучал его в течение четверти

столетия». Далее, на с. 16, отчеркнуто: «Я не собираюсь в одно мгновение признать, что Время, Смерть или любая другая сила или влияние может забрать от нас то, что мы однажды имели. Старое доброе время все еще живо и всегда будет жить равно с добрыми днями настоящего и будущего. Оно не умирает, оно не умерло, оно впитывается, превращается, растет и никогда не исчезает». На с. 17 он вновь отчеркивает: «Вы не были обыкновенным человеком, когда жили с нами на земле, а теперь, когда вы стоите в неисчислимом множестве перед престолом Бога, вы – обыкновенный дух». Высокий и искренний тон этого панегирика, видимо, тронул Толстого, и на с. 17–18 он отчеркивает: «Я счастлив сознавать, что вы и ваше учение наполняет меня и сегодня безмерным чувством триумфа; я рад думать и верить, что есть другие, кто знает вас и чья память поможет донести это знание будущим поколениям. Всем лучшим во мне я обязан вам, и пока я жив, я буду почитать, благодарить вас и служить вам». Помет Толстого в этой книге не так много, но сам факт обращения к материалам об Уолте Уитмене примечателен и свидетельствует о его внимании не только к творчеству, но и к жизни американского поэта.

Подобно тому как Толстой в 1900 году обратился к американскому народу, Уитмен в 1881 году написал «Письмо к русскому» (к предполагавшемуся переводу «Листьев травы» на русский язык). В нем Уитмен делится своими сокровенными желаниями: «Так как заветнейшая мечта моя заключается в том, чтобы поэмы и поэты стали интернациональны и объединяли все страны, какие только есть на земле, теснее и крепче, чем любые договоры и дипломатия, так как подспудная идея моей книги – задушевное содружество людей (сначала отдельных людей, а потом, в итоге, всех народов земли), я буду счастлив, что меня услышат, что со мной войдут в эмоциональный контакт великие народы России»[36].

---

[36] Цит. по кн.: *Чуковский К. И.* Мой Уитмен. С. 205–206.

Глава 6
Генри Джордж

...не знаю, как выразить Вам свое глубокое желание как можно ближе общаться с Вами, иметь хотя бы возможность поблагодарить Вас за те добрые слова, что Вы сказали обо мне, исполненные столь доброй признательности.

Г. Джордж – Л. Н. Толстому, 15 (3) марта 1896 г.

Чтение каждой Вашей книги уясняет мне то, что прежде было не вполне ясно, и открывает новые горизонты.

Л. Н. Толстой – Г. Джорджу, 8 апреля 1896 г.

Толстой считал, что настоящее освобождение человечества – это прежде всего уничтожение частной собственности на землю, и придавал особое значение экономическим реформам Генри Джорджа (1839–1897), называя его идеи экономической основой своего нравственно-философского учения. Еще в возрасте 36 лет, 13 августа 1865 года, он занес в записную книжку: «Всемирнонародная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности» (48, 85). Через двадцать лет, в письме к С. А. Толстой от 22 февраля 1885 года, Толстой пишет: «читаю своего George'a <...>. Это важная книга. Это тот важный шаг на пути общей жизни, как освобождение крестьян – освобождение от частной собственности земли <...>. И надо прочесть Georg'a, к[оторый] поставил этот вопрос ясно и определенно» (83, 479). Толстой хорошо понимал, что само по себе освобождение крестьян от крепостного права в России, как и отмена рабства в Америке, ничего не давали при сохранявшейся частной собственности на землю, и чтение книг оригинального

американского политэконома «Прогресс и бедность» и «Общественные задачи» в феврале 1885 года еще более укрепили его в этом мнении, хотя он сознавал, что его собственные «требования гораздо дальше его <Джорджа>; но это шаг на первую ступень той лестницы, по которой я иду» (83, 481).

Толстой знакомится с сочинениями Г. Джорджа в период написания трактата «Так что же нам делать?». Экономические идеи Джорджа увлекают его настолько сильно, что он на какое-то время прекращает работу над трактатом, пытаясь осмыслить решение, предложенное американским экономистом, но поначалу проект единого налога с ценности земли его не привлекает, и в трактате он пишет: «Джордж предлагает признать всю землю государственной собственностью и поэтому все налоги, как прямые, так и косвенные, заменить земельной рентой. То есть, чтобы всякий, пользующийся землею, платил государству стоимость ее ренты. Что же было бы? Рабство земельное было бы все уничтожено в пределах государства, т. е. земля принадлежала бы государству <...>, т. е. было бы рабство, определяемое количеством пользования землею» (25, 290). С позицией Г. Джорджа, что «частная собственность на землю есть грабеж», Толстой соглашается без всяких сомнений со времени прочтения сочинений «Прогресс и бедность» и «Общественные задачи», но для осмысления и принятия следующей позиции Джорджа о едином налоге на землю понадобилось время. Шаг за шагом Толстой последовательно выстраивает смысл проекта Генри Джорджа применительно к России. 14 июня 1894 года Толстой записывает в дневнике: «Писал изложение проекта Генри Джорджа» (52, 120), а в конце августа – начале сентября вместе с дочерью Татьяной Львовной провел в ее имении Овсянникове передачу земли крестьянам на основе реформ Г. Джорджа.

Подобно Толстому, пытавшемуся в 1880-е годы распознать причины городской нищеты в Москве, Джордж в конце 1860-х годов задался целью разобраться в причинах ужасающих контрастов бедности и богатства в Нью-Йорке. Оставаясь приверженцем идей

эпохи Просвещения, возвращаясь к принципам Джефферсона и развивая положения учений Джона Локка, Томаса Пейна, Джона Стюарта Милля, Уильяма Эллери Чаннинга, Джордж исходил из того, что в основе права собственности лежит право человека распоряжаться собой. По его мнению, ценности, производимые общественным путем, должны возвращаться обществу в виде уравнивающего налога. Таков, по Джорджу, закон справедливости. Экономические идеи Джорджа совершенно естественно перекликаются с идеями американских писателей-трансценденталистов (Г. Торо, Р. Эмерсона и др.) о священном праве личности на неприкосновенность. Во многих отношениях совершенно очевидна общность истоков, питавших экономическую мысль Джорджа и этическую позицию Толстого. Идея естественного права, порожденная мыслителями XVIII века, лежит в основе экономических трудов Г. Джорджа.

Не являясь кабинетным ученым-политэкономом и не принадлежа к классической школе политэкономии, Джордж пытался тем не менее поставить ее на службу социальным нуждам, считая, что политэкономия должна согласовываться с законами морали. В книге «Прогресс и бедность» Джордж старается решить методами политэкономии величайшую проблему по установлению логической связи бедности с прогрессом. Он пришел к выводу, что все зло состоит в спекуляции землей, в существовании ренты. Средством борьбы считал обложение земельной ренты 100-процентным единым земельным налогом. Это отсутствие «Спенсеро-Миллевской паутины научной» особенно импонировало Толстому в учении Джорджа, хотя он понимал, что американский реформатор хорошо изучил труды предшественников – Смита, Рикардо, Спенсера, Милля – и многое у них заимствовал, создав собственный сплав радикализма и консерватизма.

27 апреля 1894 года Толстой пишет Б. Эйленштейну: «Я знаю Генри Джорджа со времени его "Social Problems". Я прочел их и был поражен верностью его основной мысли и исключительной, не имеющей себе подобной в ученой литературе ясностью,

популярностью и силой изложения и, в особенности, тем, тоже исключительным в ученой литературе, христианским духом, которым проникнута вся книга» (67, 103). В яснополянской библиотеке сохраняются десять книг Г. Джорджа на английском и немецком языках. «Общественные задачи» (*Social Problems*) была одной из первых книг Джорджа, прочитанных Толстым. Страницы книги испещрены его пометами. Джордж в этом сочинении подвергает резкой критике все общественные институты, виновные в нищете народных масс, отвергая утверждение, что существующее положение вещей есть выражение Божьего промысла. По его мнению, естественным законом природы являются слова Апостола Павла: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (Второе Послание к Фессалоникийцам, гл. 3). Все эти места в книге отчеркнуты Толстым. Джордж изображает те же самые контрасты роскоши и нищеты, что и Толстой в трактате «Так что же нам делать?». Он обращается к картинам нищеты и убожества, мимо которых большинство людей проходит, не замечая. Бесстрастные исследования бедности как «социальной болезни» перекликаются с картинами нищеты, которые Толстой обнажает в своем трактате. Как и Толстой, Джордж убежден, что в природе не существует причин для бедности. Толстой отчеркивает размышления Джорджа, заключающие и его собственную точку зрения, высказанную в целом ряде публицистических статей: «Если некоторые люди не имеют достаточно средств, чтобы жить прилично, не имеют ли другие гораздо больше, чем им необходимо?»[1] Толстой соглашается с Джорджем, что нужно привести общественные законы в соответствие с законами природы. Он убедительно различает собственность на землю как дар Природы, Бога и собственность на предметы человеческого труда. Джордж с горечью пишет, что «мы так привыкли к бедности, что даже в наиболее развитых странах относимся к ней как к естественному жребию огромных масс людей»[2]. «Есть

[1] *George H.* Social Problems. London: Kegan Paul, Trench & Co., 1884. P. 70.
[2] Ibid. P. 69.

профессора политэкономии, которые учат нас, что это положение вещей является результатом социальных законов, на которые не стоит жаловаться!» – отчеркивает и подчеркивает Толстой и ставит на полях «NB»[3]. В своей книге Джордж касается и проблем милитаризации, которые всегда были в центре внимания Толстого.

Книгу «Общественные задачи» Толстой называет лучшей «и по краткости и ясности и строгой логичности изложения, и по неотразимости научных доводов, и по красоте языка, и по искреннему и глубокому чувству любви к истине, добру и людям...» (36, 303). На основе работ американского реформатора Толстой смог предложить практический механизм решения вопроса земельной собственности в России.

До конца своих дней Толстой оставался сторонником и популяризатором проекта Генри Джорджа: он развивал его учение в своих статьях, упоминал о нем в художественных произведениях, написал предисловие к русскому переводу книги «Общественные задачи», рекомендовал П. А. Столыпину и великому князю Николаю Михайловичу читать книгу «Прогресс и бедность»; подобно Генри Джорджу, пытавшемуся ввести единый налог через Конгресс Соединенных Штатов, Толстой обращался к В. А. Маклакову с просьбой поднять в Государственной думе вопрос о проекте земельной реформы по системе Г. Джорджа, обсудить «мудрое учение Генри Джорджа» (78, 215), а своего героя Дмитрия Нехлюдова в романе «Воскресение» сделал не только последователем учения Генри Джорджа, но заставил его, в сущности, повторить свой собственный путь освоения и принятия теории единого земельного налога. 26 мая 1895 года, возвратившись после длительного перерыва к работе над романом, Толстой записал в дневнике в Никольском-Обольянинове: «...нужно, чтобы Нехлюдов был последователем Генри Джорджа и вводил это...» (53, 33). Молодой Нехлюдов «отречься от тех ясных и неопровержимых доводов о незаконности владения землею, которые он тогда почерпнул

[3] Ibid.

из "Социальной статики" Спенсера и блестящее подтверждение которым он нашел потом, уже много после, в сочинениях Генри Джорджа, <...> не мог» (32, 16). Для Нехлюдова, проповедовавшего «со времен студенчества» учение Генри Джорджа и отдавшего «отцовскую землю крестьянам» (32, 199), владение землей было «таким же грехом <...>, каким было владение крепостными пятьдесят лет тому назад» (32, 199). Но в вариантах отдельных редакций (№ 52, рукопись № 14) с «отцовской землей» все обстояло сложнее: «вступив в университет, из аристократа сделался последователем Генри Джорджа и, получив небольшое наследство своего отца, отдал его крестьянам, а дядя, его попечитель, не утвердил эту его передачу земли до совершеннолетия» (33, 137). В варианте 34 (рукопись № 8) ситуация складывалась иначе: «Он тогда даже несколько поссорился с своей матерью, объявив ей, что он не хочет жить произведениями труда, отнимаемыми у народа за незаконное наше владение землей, и отдаст небольшое имение, принадлежащее ему, как наследство отца, крестьянам. Мать не позволила ему сделать это, так как он был еще несовершеннолетний. Из-за этого была почти ссора, и он, очень огорченный этим, уехал от матери к своим неаристократическим, сравнительно бедным тетушкам» (33, 115–116).

Во второй редакции (рукопись № 6) Толстой пишет о студенческом периоде жизни Нехлюдова: «Профессора самые либеральные, социалистически настроенные, проповедывали 8-часовой рабочий день <...>, презрительно относились об учении Генри Джорджа, очень неосновательно доказывая его несостоятельность. Это так рассердило Нехлюдова, что он тогда же объяснил матери, что выйдет из университета. И действительно вышел из университета с намерением посвятить все свои силы на распространение этого учения» (33, 100). В вариантах редакций Толстой отправляет Нехлюдова за границу, чтобы обрисовать картину неприятия теории Генри Джорджа в Европе, о которой он уже знал: «Он не встретил и там, в Германии, сочувствия своим идеям. Генри Джорджа там почти не знали, а если знали, то очень реши-

тельно опровергали, считая его учение неосновательным» (33, 105). Отчасти это напоминает пребывание молодого Толстого за границей и разочарование в деле постановки там образования и воспитания. В вариантах редакций (№ 34, рукопись № 8) Толстой называет книги Джорджа, которые читает Нехлюдов, причем в том же порядке, в каком он их сам прочитал, и очень ярко, эмоционально описывает впечатление, произведенное ими на Нехлюдова: «Еще на первом курсе, прочтя книгу Генри Джорджа "Social Problems", а потом его большое сочинение "Progress and Poverty", он в первый раз с необыкновенной ясностью понял весь ужас несправедливости земельной собственности, был поражен, ослеплен мыслию Генри Джорджа, и с горячей способностью самоотвержения молодости он решил посвятить свою жизнь на разъяснение и распространение этого учения и на уничтожение земельного рабства, как он называл тогда зависимость земледельцев от владетелей земли. Мысль эта казалась ему до такой степени простой, ясной, неопровержимой и удобоисполнимой, что он не мог понять, каким образом люди, имея этот проект Генри Джорджа, до сих пор не осуществили его. Нехлюдов тогда всеми средствами пропагандировал это учение: он проповедовал его устно и своим знакомым, и матери, и товарищам и написал профессору сочинение об этом учении и переводил Progress and Poverty по-русски» (33, 115).

После смерти матери Нехлюдов вернулся к учению Генри Джорджа и «решил не обрабатывать землю самому, а, отдав ее по недорогой цене крестьянам, дать им возможность быть независимыми от землевладельцев вообще» (32, 199). Дмитрий Нехлюдов прекрасно понимал, как нужна земля крестьянам, «что люди мрут от отсутствия ее» (32, 218), но плодами их тяжелого труда по ее обработке пользуются другие люди – землевладельцы. Нехлюдову стала ясна причина бедности народа: «...он живо вспомнил основные положения Генри Джорджа и свое увлечение им и удивлялся на то, как он мог забыть все это. – Не может земля быть предметом собственности, не может она быть предметом купли и продажи, как вода, как воздух, как лучи солнца» (32, 218).

В первой законченной редакции романа Нехлюдов, подобно автору романа, написал письмо Генри Джорджу и «занялся изложением его учения по-русски и своим сочинением по этому предмету. Это было радостное, светлое, чистое время» (33, 43). В окончательном тексте романа Нехлюдов наконец переходит к практическим действиям: «И он составил в голове своей проект, состоящий в том, чтобы отдать землю крестьянам внаем за ренту, а ренту признавать собственностью этих же крестьян, с тем чтобы они платили эти деньги и употребляли их на подати и на дела общественные. Это не было Single-tax*, но было наиболее возможное при теперешнем порядке приближение к ней» (32, 218–219). В первой законченной редакции Толстой пишет: «Он не отказывался от основных принципов Генри Джорджа, но теперь считал, что надо еще погодить прилагать их к делу, что он сам еще не годится для проведения их в жизнь» (33, 46).

В отличие от своего литературного предшественника и тезки, героя «Утра помещика», который в ответ на свои усилия сделать жизнь крестьян лучше видел только «ложную рутину, порок, недоверие, беспомощность» (4, 166), герой «Воскресения» встречает среди крестьян все-таки некоторое сочувствие и одобрение теории Джорджа: «– И голова же был этот Жоржа, – сказал представительный старец с завитками» (32, 231). В первой законченной редакции романа Нехлюдов, понимая, что надо ехать с Масловой в Сибирь, особенно ясно осознает, что «грех владения землей весь окружает меня, и он-то запутал меня. Не было бы этого, я бы не жил так, как жил, не жила бы так и моя мать. И это мне надо распутать. Это будет Single Tax Генри Джорджа» (33, 76).

Толстой значительно редуцирует тему Генри Джорджа в связи с изменением замысла романа, и в окончательный текст описание увлечения Нехлюдова теорией Генри Джорджа входит в общих чертах, без тех подробностей, конкретных деталей, эмоций, которые остаются в предыдущих редакциях, – возможно, чтобы сде-

* Единый земельный налог (*англ.*)

лать джорджевский мотив более лапидарным, динамичным, убедительным. Толстой развивает эту конкретику, идеи, оставшиеся за рамками окончательного текста, в целом ряде статей, писем, предисловий 1900-х годов.

16 января 1902 года Толстой обращается с большим, обстоятельным письмом к Николаю II; в нем среди важнейших тем затрагивает и земельную реформу, не называя при этом имени Генри Джорджа: «...в наше время земельная собственность есть столь же вопиющая и очевидная несправедливость, какою было крепостное право 50 лет тому назад. Думаю, что уничтожение ее поставит русский народ на высокую степень независимости, благоденствия и довольства» (73, 190). То есть в письме к государю он повторяет то, о чем упоминает в многочисленных статьях об американском экономисте.

Являясь несомненным противником насильственной национализации земли, Толстой после письма к Николаю II обратился 5 апреля 1902 года с письмом к великому князю Николаю Михайловичу: «...для спасения самодержавия от полного крушения есть только одно средство: усвоение правительством тех передовых целей, к которым стремится человечество, и ведение с помощью своей власти к этим целям своего народа. Передовая же цель, к которой всегда стремился и стремится русский народ, по моему убеждению, есть освобождение земли от права частной собственности. Об этом предмете было много писано и теперь пишется, но разработан этот вопрос самым основательным образом Henry George'ем в его большом сочинении "Progress and Poverty" и более сжатом "Social Problems". <...> Так что разрешение вопроса возможно только в России при самодержавной власти, и в России же особенно нужно и важно, так как большая часть русского народа занята земледельческим трудом». Далее Толстой описывает теорию земельного налога Джорджа, а в заключение восклицает: «А какое бы величайшее благо сделал не только своему народу, но и всему миру тот русский царь, который предпринял бы такое дело. И как обеспечен бы был такой царь от всяких социалистических

волнений и революционных козней!» (73, 228–229). Время показало правоту Толстого в отношении земельной реформы: вопрос о земле был острейшим во время революций 1905 и 1917 годов.

Увлечение Генри Джорджем у Толстого проходило во всей полноте и многоаспектности[4]: он использовал, развивал идеи американского реформатора о земельной собственности теоретически и практически, на своем личном опыте и на опыте других последователей, он адаптировал это учение применительно к российским условиям, он пытался их осмыслить на уровне художественных и публицистических текстов, органично вплетая джорджевскую тему в роман «Воскресение», он обращался по этому поводу к простому народу и к сильным мира сего; пожалуй, безусловность позитивного отношения к американскому реформатору можно сравнить лишь с отношением Толстого к Чарльзу Диккенсу, о чем заметил известный канадский ученый, профессор политической экономии Джеймс Мэйвор, лично знавший и Толстого, и Генри Джорджа: «Главным, что привлекало Толстого в Джордже, было тем не менее то же, что и в Диккенсе, а именно: его энтузиазм и сочувствие человечеству»[5].

---

[4] Учение Генри Джорджа делает образ толстовской утопии – установление «Царства Божия на земле», устроение «земного града» – почти завершенным; вот что писал об этом русский религиозный философ С. Н. Булгаков: «Религиозный проповедник превращается в социального утописта, однако эта социальная утопия проповедуется одновременно во имя как спасения души, так и наипрактичнейшего социального устройства» (Лев Толстой: Pro et contra. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000. С. 294).

[5] *Mavor J.* My Windows on the Street of the World. London; Toronto: J. M. Dent & Sons; New York: E. P. Dutton & Co, 1923. 2 vols. Vol. 2. P. 75.

Глава 7
Джордж Кеннан

В наших газетах появилось много отзывов на Ваши книги, а позавчера один из самых выдающихся проповедников Нью-Йорка посвятил значительную часть своей проповеди Вашим сочинениям и Вашим мыслям.

Дж. Кеннан – Л. Н. Толстому 21 декабря 1886 г.

Одним из источников романа «Воскресение» является книга «Сибирь и ссылка», написанная известным американским исследователем России Джорджем Кеннаном[1]. Начав в 1865 году карьеру специалиста по русским вопросам 21-летним инженером-телеграфистом в Русско-американской телеграфной экспедиции, Кеннан к 1886 году, ко времени встречи с Толстым, имел репутацию крупнейшего знатока России. Примерно к этому же времени, после двадцатилетних экспедиций по бескрайним просторам России, Кеннан из страстного апологета российского государства превратился в непримиримого антагониста царского правительства;

---

[1] В комментариях Н. Н. Гусева к роману «Воскресение» говорится о совпадениях, которые роман «Воскресение» имеет с книгой Кеннана *Siberia and Excile System*. Почти точно совпадают описание сибирского полуэтапа и количество размещенных в его тюрьме арестантов. Набатов в романе «Воскресение» был сослан в Якутскую область за отказ присягать Александру III, за что и один из ссыльных, которого Кеннан встречает в Томске. Сходно описываются сибирские тюрьмы, теснота, царившая в них. При описании Иркутска у Кеннана упоминаются те же гостиницы, что и в романе «Воскресение», в той главе, где говорится о прибытии Нехлюдова с партией в город (33, 391–392). По мнению канадского ученого А. Фодора, «без книги Кеннана многие описания тюремной жизни в романе "Воскресение" были бы менее убедительны и реалистичны, возможно, они никогда и не были бы написаны» (*Fodor A.* A Quest for Non-violent Russia: The Partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Lanham; New York; London: University Press, 1989. P. 177).

впоследствии он разочаровался и в советской власти, установившейся в стране, которую он так хорошо знал и так сильно любил и Февральскую революцию в которой так радостно приветствовал.

В одном из писем 1882 года Кеннан признавался своему корреспонденту: «Я так тесно связан с русскими естественной симпатией, что больше чувствую теперь себя *дома* в России, чем в любой части Англии, хотя Англия для американцев – родная страна»[2]. Во время своих русских экспедиций Кеннан досконально изучил сибирский край, традиции и обычаи проживавших там народов. Письма Кеннана хранят планы, зарисовки тюрем, острогов и казарм, разбросанных по Сибири и Дальнему Востоку.

Поводом для встречи Кеннана с Толстым послужили просьбы политзаключенных, с которыми Кеннан встречался во время путешествий по Сибири. Многие из них знали русского писателя лично или находились с ним в переписке. Именно они убедили Кеннана повидаться с Толстым и рассказать ему все, что было ему известно об их ужасающем положении, более того – они передали ему документы о голодовках и других акциях протеста политических заключенных с просьбой вручить их великому писателю.

Встреча Толстого и Кеннана произошла в июне 1886 года в Ясной Поляне, куда Кеннан прибыл поездом из Москвы. В это время он работал в Сибири по заданию журнала *Century*, президент которого поручил ему сделать очерк о сибирских тюрьмах. Кеннан готовился к встрече с Толстым, читал его произведения. Одна из записей в блокноте № 22 свидетельствует о том, что А. С. Пругавин[3], московский знакомый Кеннана, показал ему последнюю фотографию Толстого в крестьянской блузе[4]. В записной книжке № 21 содержатся записи о Толстом, сделанные в Петербурге, в гостинице «Англетер», в апреле 1886 года. Записи наводят

---

[2] Library of Congress. Manuscript Division. George Kennan Papers. Box 6.

[3] А. С. Пругавин, автор трудов по истории русского крестьянства, вместе с Л. Н. Толстым принимал участие в помощи голодающим в 1898–1899 гг.

[4] Library of Congress. Manuscript Division. George Kennan Papers. Box 20.

на мысль о некотором предубеждении, о заранее сформулированном отношении к личности Толстого. Не занимаясь специально русской литературой, Кеннан тем не менее был усердным читателем и даже переводчиком некоторых русских авторов. Так, в его архиве хранятся машинописные копии его перевода фрагмента романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, чей талант он особенно высоко ценил. Материалы фонда свидетельствуют, что Кеннан был неплохо знаком и с творчеством других русских писателей, включая Тургенева, Писемского и Гончарова.

При встрече в Ясной Поляне Толстой прежде всего поинтересовался, читал ли Кеннан его последние сочинения. Узнав, что, кроме романов и повестей, он ни с каким из последних произведений знаком не был, Толстой заявил: «Тогда вы совсем меня не знаете»[5]. На вопросы Толстого о Сибири Кеннан начал страстно повествовать о произволе тюремной администрации, о крайне тяжелом положении заключенных. Но реакция Толстого была неожиданной для американского журналиста: «По всей видимости, он был в целом осведомлен по этой теме и имел сформировавшиеся взгляды, которые невозможно было поколебать некоторыми дополнительными фактами, мало отличавшимися от того, что он уже знал»[6].

В ответ на ремарку Кеннана о справедливости противления подобному злу, Толстой начал излагать взгляды, провозглашенные в недавно написанном трактате «В чем моя вера?»: «Он делал особенный упор на учение о непротивлении злу насилием, которое, как он сказал, находится в соответствии с учением Христа и человеческим опытом. <...> “Революционеры, которых вы видели в Сибири, – говорил Толстой, – решили противиться злу силой, и каков результат? Горечь, отчаяние, ненависть и кровопролитие! Зло, против которого они подняли руку, по-прежнему существует, а себе они принесли неведомые ранее страдания”»[7].

---

[5] Century Magazine. 1887. № 34. P. 255.
[6] Ibid. P. 256.
[7] Ibid.

Кеннана потрясли не столько идеи яснополянского писателя, сколько его личность. Идеи ему были уже знакомы по дискуссиям в литературных кругах Петербурга, Москвы, Казани, но только в устах этого «честного, эмоционального человека» они становились реальной силой. Впечатление, произведенное Толстым, было столь ошеломляющим, что Кеннан не сразу вступил в дискуссию. Наконец он решился заметить, что одно дело – в общем признавать непротивление злу насилием, другое – конкретно отреагировать на попытку разбойника перерезать горло твоей матери. Кеннан считал, что многие апологеты непротивления не удержались бы от сомнения в подобном случае. Но Толстой оказался последовательным приверженцем доктрины.

Несмотря на многочисленные примеры жестокостей и произвола, известные Кеннану из опыта путешествий по Сибири, Толстой оставался непоколебимым в своих убеждениях: «Если я увижу, что медведь в лесу готов убить человека, я запущу топор в голову зверя, но я не трону человека, готового сделать то же самое»[8]. Даже самые страшные случаи жестокости, поведанные Толстому Кеннаном, не могли повлиять на него. Он был непреклонен: «Одно зло, помноженное на другое, не приносит добра, а только увеличивает пространство зла», – повторял он[9]. «До вашего противодействия злу существует один полюс зла и страдания, после вашего противодействия вы сотворите полдюжины таких полюсов», – убежденно говорил Толстой[10].

Любопытство Кеннана относительно предела применения принципов Толстого было удовлетворено. Выполняя наказ политзаключенных, Кеннан передал Толстому рукопись материалов о шестнадцатидневной голодовке заключенных женщин. Ознакомившись с документами, Толстой заметил: «Я не сомневаюсь, что мужество и стойкость этих людей представляют настоящий геро-

---

[8] Ibid.
[9] Ibid. P. 257.
[10] Ibid.

изм, но их методы – иррациональны, и я не могу им симпатизировать. <...> Я не могу представить ада мрачнее, чем положение некоторых из этих несчастных людей в Сибири, чьи сердца полны горечи и ненависти. Но они абсолютно бессильны, чтобы ответить злом на зло»[11]. Далее Толстой продолжил: «Мой метод – истинно революционный. Если люди в нашей стране откажутся (а я верю, что они должны это сделать) нести воинскую повинность, если они откажутся платить налоги на поддержание инструмента власти – армии, настоящая система управления не устоит. Правильный путь противостояния злу – это абсолютный отказ делать зло себе или другим»[12].

Кеннан, удивленный проповедью такого, по его мнению, совершенно нереального «революционного» метода, заметил, что правительство *заставляет* людей исполнять воинскую повинность и платить налоги: «...они *должны* служить или идти в тюрьму»[13]. Но, по мнению Толстого, лучше попасть в тюрьму, учитывая, что правительство не может посадить в тюрьму все население России. Кеннан никак не может согласиться с подобным утверждением Толстого, и с позиции отстаивания прав человека он заявляет: «...первое, что нужно сделать, – получить свободу действия; если возможно, то мирным путем, а если нет, то силой»[14].

Для Толстого важно показать своим поведением, что человечество руководствуется не варварским законом возмездия. Оно продвигается вперед не благодаря тем, кто порождает страдание, а благодаря тем, кто страдает. С точки зрения американского гражданина Джорджа Кеннана, движению человечества вперед во многом способствуют протесты людей, часто даже кровавые, против несправедливости и преступлений, а те, кто покорно несут угнетение, не получают ни свободы, ни счастья. Толстой замечает, что вся история мира является историей насилия, и Кеннан

---

[11] Ibid. P. 258–259.
[12] Ibid. P. 259.
[13] Ibid.
[14] Ibid.

определенно, с его точки зрения, обращается к вопросу о насилии в поддержку самой идеи насилия. Американский путешественник пытается убедить Толстого, что непротивление злу насилием просто разделит общество на два класса: тиранов, для которых тирания выгодна, и рабов, которые рассматривают противление как зло и покорно ему подчиняются. Толстой же утверждает, что политика пассивного противостояния злу, которую он рассматривает как истинно революционный метод, находится в полной гармонии с характером русского крестьянина.

Прогулка Толстого и Кеннана по яснополянской деревне предоставила им еще одну тему для дискуссии – о пользе физического труда в помощь бедным. «В этом случае вы не только помогаете людям в нужде, но вы показываете бедным и ленивым пример, показываете, что не может быть никакая, даже самая простая работа ниже вашего достоинства, и таким образом вы учите их достоинству, труду и смирению», – страстно говорил Толстой[15].

Частые обращения Толстого к Новому Завету как единственному руководству для человеческого поведения, по мнению Кеннана, могут создать впечатление о Толстом как глубоко православном христианине, но, исходя из его доктринерских постулатов, это далеко не так. Его религия, в понимании Кеннана, это религия этого мира, учение Христа для него – это лучшая и благороднейшая философия жизни, он не хочет признавать никакого смягчения или трактовки заповедей путем интерпретаций.

Толстой показал Кеннану некоторые письма из Америки, одно было из глухой деревни в Пенсильвании, в нем говорилось об американцах, исповедовавших те же самые принципы, что и провозглашенные Толстым в «Исповеди» и «В чем моя вера?». Впрочем, далее в письме сообщалось еще и об организации в деревне церкви, что Толстого ввело в некоторое недоумение.

Наблюдение за Толстым в повседневной жизни приводит американского журналиста к мысли о том, что он больше гордится

---

[15] Ibid. P. 260.

умением тачать сапоги, чем писать романы. Правда, Кеннан замечает, что он скорее прочитал бы один из его романов, чем согласился бы носить пару сшитых им сапог.

В ходе дискуссии Толстой в конце концов перевел разговор на чисто американскую тему. Он весьма высоко отозвался о У. Л. Гаррисоне как об одном из наиболее замечательных людей Америки[16]. С большим восхищением он говорил о Теодоре Паркере и его сочинении *Discourse of Matters Pertaining to Religion*. Но после замечания Толстого о преследовании американцами китайцев и мормонов, разговор вновь принял характер полемики. Кеннан пытался отстаивать американскую точку зрения, рассказывая Толстому, как дешевый труд китайских эмигрантов разрушил процветавший когда-то штат на тихоокеанском побережье. Но, по убеждению Толстого, китайцы в Калифорнии имеют такие же права, как и американцы, для него все люди – братья. Любопытно отметить, что Кеннан, как и Толстой, интересовался Г. Д. Торо, в его архиве хранится подборка газетных вырезок об американском поэте и философе.

Беседуя с Толстым, Кеннан непрестанно думал о том, как кратко выразить наиболее заметную черту мировоззрения Толстого, типичную для русского характера в целом. Он характеризует ее как «детскость», хотя это слово, с его точки зрения, имеет некоторое умаляющее значение, что в данном случае он отрицает. «Я имею в виду, что русский, как правило, имеет детскую веру в быструю реализацию планов, надежд, которые американец при аналогичных обстоятельствах рассмотрит как нереальные и отбросит как не имеющие никакого влияния на его настоящее положение. Когда эта черта соединяется с безграничной способностью к самопожертвованию, то это приносит, на взгляд американца, странные результаты», – рассуждает Кеннан[17].

---

[16] В яснополянской библиотеке хранится экземпляр биографии У. Л. Гаррисона, присланный Кеннаном после встречи с Толстым, со следами чтения писателя: *Garrison W. Ph., Garrison Fr. J.* William Lloyd Garrison: 1805–1879 / The Story of His Life Told by His Children. New York: The Century, 1885–1889. 4 Vols.

[17] Ibid. P. 264.

По мнению Кеннана, в Толстом есть характерная русская черта – стремление добиваться желаемого неадекватными и непрактичными методами.

Не обнаружил Кеннан и точек соприкосновения с Толстым при обсуждении проблем современной науки. Так, Толстой отрицал фактор наследственности и относился к теории Дарвина как к «большому обману»[18]. Выяснив, что Толстой не имеет адекватного представления об этой теории, Кеннан прекратил дискуссию. Подводя итог своей полемики с Толстым, Кеннан признает: «Несомненно, его взгляды находятся в гармонии с характером русского крестьянина, и он говорит совершенно искренне, что мужик не агрессивен от природы и способен в огромной степени к пассивному противостоянию»[19].

Довольно горячий диалог в течение дня с перерывами заставил Толстого и Кеннана уже в переписке продолжить общение, начавшееся в Ясной Поляне. В фонде Кеннана, в Библиотеке Конгресса, хранятся три письма Толстого, два из которых были впервые опубликованы в 1989 году[20]. Третье письмо, рекомендательное, адресовано Толстым его старинному приятелю, московскому губернатору Василию Степановичу Перфильеву, на Тверскую улицу, в дом губернатора: «Любезный друг Василий Степанович и любезная другиня Прасковья Федоровна, письмо это Вам передаст американский путешественник, объехавший Сибирь, Mr. Cennan (Кенен). (Не знаю, на карточке увидите.) Он *очень* приятный и умный джентлемен. Васинька может сделать ему одолжение позволить осмотреть тюрьму. Он во всей Сибири слышал один общий отзыв о доброте и гуманности московского губернатора. Так как мне это явно очень приятно слышать, думаю, что и вам будет не неприятно»[21]. Письмо

---

[18] Ibid.

[19] Ibid. P. 265

[20] Новый мир. 1989. № 7. С. 236–239. См. также о Л. Н. Толстом и Дж. Кеннане: *Меламед Е. И.* Лев Толстой и Джордж Кеннан (по новым материалам) // Русская литература. 1981. № 3. С. 153–157.

[21] Library of Congress. Manuscript Division. George Kennan Papers. Box 1.

содержит первые свидетельства положительного отношения Толстого к американскому журналисту.

В письме к В. Г. Черткову от 28–29 июня 1886 года Толстой пишет о Кеннане: «Да, еще посетитель у меня был, американец, путешественник, которому я дал письмо к вам в Лондон, – очень милый – приятный и искренний человек, хотя с разделенной перегородками душой и головой – перегородками, о которых мы, русские, не имеем понятия, и я всегда недоумевал, встречая их» (85, 363–364). Рекомендательное письмо, которое Толстой упоминает, хранится в фонде Кеннана, в Библиотеке Конгресса. Там же находится и остававшееся неизвестным до 1989 года письмо Толстого к Кеннану от 1 января 1887 года. В нем Толстой пишет, как бы в завершение начатой в 1886 году полемики: «...мне бы очень желательно было, чтобы вы прочли "My Religion" и еще следующую за этим статью "Что же нам делать". Вообще же ключ к моим взглядам находится только в Евангелии, которое у каждого под рукой и выше которого я ничего не знаю и не утверждаю»[22]. Это письмо было ответом на письмо Кеннана из Вашингтона от 21 декабря 1886 года, в котором Кеннан благодарил Толстого за гостеприимство и сердечность, оказанные ему в Ясной Поляне. В конце письма Кеннан сообщал Толстому: «Если вы не возражаете, я напишу статью для нашего журнала "Century" о моей поездке к вам нынешним летом и о нашем разговоре относительно ваших религиозных убеждений. Это было бы интересно широкому кругу ваших читателей и друзей в Америке. Но я не хочу писать эту статью, не испросив у вас на то разрешения»[23]. В статье о Кеннане, опубликованной в «Литературном наследстве» (т. 75, с. 418), говорится, что Толстой на это письмо Кеннана не ответил. Оказалось, что ответ все-таки был написан. Интересно, что на вопрос Янжула, верно ли Кеннан изобразил свое посещение, Толстой ответил: «Конечно

[22] Новый мир. 1989. № 7. С. 238.

[23] Толстой и зарубежный мир: В 2 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Ред. С. А. Макашин. М.: Наука, 1965. Кн. 1–2. (Лит. наследство; Т. 75). Кн. 1. С. 418.

верно. Ведь Кеннан не какой-нибудь корреспондент русской газеты, который четверть часа проболтает, а потом сообщит три короба разного вздора из головы. Кеннан – истинный джентльмен и человек своего слова»[24].

Статья Кеннана *A Visit to Count Tolstoi* была опубликована в американском журнале *Century* (Century Illustrated Monthly Magazine. New York. 1887. Vol. 34. June. P. 253–265) и имела самый широкий резонанс по обе стороны Атлантики.

Спустя два года, 26 ноября 1888 года, имя Кеннана появляется на страницах дневника Толстого: «Суждения о русском правительстве Kennan'а поучительны: Мне стыдно бы было быть царем в таком государстве, где для моей безопасности нет другого средства, как ссылать в Сибирь тысячи, и в том числе 16-летних девушек» (50, 5). В ноябре 1888 года Толстой читает в журнале *Century* работу Кеннана *Political Exiles and Common Convicts in Tomsk.*

25 декабря 1888 года по просьбе Толстого его старшая дочь Татьяна Львовна пишет Кеннану по поводу присланной им статьи известного богослова Ф. Фаррара[25]: «My father is acquainted with the Forum and is very much interested in its success. It is an essay of international edition, which has also been my father's idea – once he supposed it to be edited in Liepzig in three or four languages and to contain articles of universal interest free from confessional, national and political exclusiveness and addressed to the masses.

My father has received the article you mention and in answer to it he can only say that a man who is in face of the Gospel can quote such rhymes in defence of war as those in the end of the article can only be answered by Christ's words to the Pharisees [St. Matthew 23]. As to his arguments against Non-Resistance there is in Russia a whole literature about it and the arguments Mr Farrar brings fourth are of the weakest kind and have been answered long ago. Any one who had read "My Re-

---

[24] Там же.

[25] В списке писем, написанных по поручению Л. Н. Толстого в 1887–1889 гг., это письмо не значится.

ligion" would have found them refuted in it. My father thanks you very much for "The Cossacks" the translation of which is very much superior to the previous one.

With many good wishes for 1889, I am, Sir,

Yours truly,

Tatiana Tolstoi.

P. S. I forgot to tell you that my Father would be very glad of contributing to the Forum and I will ask advice of his friends as to what he should send»*.

Говоря о «Казаках», Т. Л. Толстая, по всей видимости, благодарила Кеннана за перевод Натана Хаскелла Доула (The Cossacks: A Tale of the Caucasus in the Year 1852 / By Lyof N. Tolstoï; From the Russian by Nathan Haskell Dole; Authorized translation. New York: Thomas Y. Crowell & Co., 1888 cop. [3], 350 p. (Count Tolstoï's Works)). Эта книга хранится в библиотеке писателя. В книжном собрании Толстого есть еще два издания «Казаков» на английском языке в переводе Юджина Скайлера, но ввиду крайне негативного отношения Кеннана к качеству этого перевода он прислал скорее всего издание перевода Н. Х. Доула. Что же касается Фаррара, то впервые имя английского богослова встречается в записях Толстого периода 1879–1880-х годов. Толстой резко отозвался

* Мой отец знаком с журналом «Форум» и заинтересован в его успехе. Это международное издание, о подобном которому отец также мечтает, однажды он даже хотел издавать нечто подобное в Лейпциге на трех или четырех языках, со статьями всеобщего характера, свободное от конфессиональной, национальной и политической направленности, адресованное широким массам. Отец получил статью, о которой Вы упоминаете, в ответ он может сказать только, что человеку, говорящему в защиту войны с Евангелием в руках, можно привести слова Христа фарисеям из Евангелия от Матфея, 23. Что же касается аргументов против непротивления злу насилием, то в России существует целая литература на эту тему, а доводы господина Фаррара очень слабы, и на них ответили уже давно. Все, кто читал «В чем моя вера?», найдет им опровержение там. Отец благодарит Вас за «Казаков», перевод которых намного превосходит все предшествующие. С наилучшими пожеланиями в 1889 году. (*англ.*) (Library of Congress. Manuscript Division. George Kennan Papers. Box 20).

о статье Фаррара, посвященной ему, в журнале *Forum* (1888. № 2. Oct.)[27]: «...вырезка из Forum'а с статьей Farrar'а – пустая из пустых. Возражение против Христа во имя Христа. Ужасно. Отвечал через Таню» (50, 13). Эту статью Толстой подвергает критике в трактате «Царство Божие внутри вас». Тем не менее отрывок из сочинений Фаррара он включил в сборники «Круг чтения» и «На каждый день». Вероятно, в 1900-е годы отношение к этому проповеднику несколько изменилось.

5 ноября 1889 года в дневнике Толстого – вновь запись о Кеннане: «Дома читал Кеннана, и страшное негодование и ужас при чтении о Петропавловской крепости» (51, 20). 11 ноября Толстой дочитывает статью о Петропавловской крепости и сибирской ссылке. Впоследствии материалы этой статьи Толстой будет использовать в романе «Воскресение» и в рассказе «Божеское и человеческое». В описании заключения революционера Меженецкого в рассказе «Божеское и человеческое» мы читаем: «Когда его в Петропавловской крепости поместили в маленькую, с темным стеклом в высоком окне, сырую камеру, он понял, что это не на месяцы, а на годы, – и на него нашел ужас» (42, 216). Описание трагической жизни Меженецкого в тюрьме и ссылке является своеобразной иллюстрацией мыслей, высказанных Толстым в беседе с Кеннаном в 1886 году: «Я не могу представить ада мрачнее, чем положение некоторых из этих несчастных людей в Сибири, чьи сердца полны горечи и ненависти, в то же время они абсолютно бессильны, чтобы ответить злом на зло». В рассказе Толстой очень убедительно изображает это «увеличение пространства зла», захватывающее сердце и душу человека, в данном случае – революционера Меженецкого: «И в душе его поднималась злоба на всех людей и в особенности на тех, которые были причиной его заключения. Злоба эта требовала присутствия предметов злобы,

---

[27] В личной библиотеке Л. Н. Толстого хранится экземпляр декабрьского выпуска журнала «Форум» со статьей Ф. Фаррара: *Farrar F. W.* Count Tolstoi's Religious Views // Forum. New York. 1888. Vol. 6. № 4. Dec.

требовала присутствия движения, шума. <...> И злоба, не находя себе выхода, разъедала его сердце» (42, 216).

В романе «Воскресение» ужасы заключения в Петропавловской крепости Толстой перечисляет при изображении старого генерала – коменданта крепости, а также подробно описывая быт, занятия заключенных, круг их чтения. Толстой, возможно, изобразил самого Кеннана в третьей части романа «Воскресение». На обеде у генерала присутствует англичанин – «здоровый, румяный человек, очень дурно говоривший по-французски, но замечательно хорошо и ораторски внушительно по-английски, очень многое видел и был интересен своими рассказами об Америке, Индии, Японии и Сибири» (32, 427), который занимался описанием ссылки и мест заключения в Сибири. Англичанин, посетивший в этом городе «собор и завод», собирался побывать и в «большой пересыльной тюрьме» (32, 428), чем обыкновенно занимался Кеннан, путешествуя по сибирским просторам. Генерал в романе не возражает: «А, он хочет видеть во всей прелести? Пускай видит. Я писал, меня не слушают. Так пускай узнают из иностранной печати» (32, 429). При осмотре острога англичанин, с записной книжкой в руках, задавал многочисленные вопросы, как это обычно делал Кеннан в своих поездках, и о чем свидетельствуют его дневниковые записи. В романе мы наблюдаем, как профессионально расспрашивает англичанин тюремного смотрителя: «На сколько человек построен замок? <...> Сколько заключенных? Сколько мужчин, сколько женщин, детей? Сколько каторжных, ссыльных, добровольно следующих, сколько больных?» (32, 431).

Толстой воспринял американского журналиста определенно положительно, что не всегда случалось при встречах с иностранными посетителями. Так, 8 августа 1890 года он очень тепло пишет Кеннану: «С тех пор как я с вами познакомился, я много и много раз был в духовном общении с вами, читая ваши прекрасные статьи в "Century"» (65, 138). Как бы в противовес заявлению Кеннана о том, что Толстой оставался равнодушным к его рассказам об ужасах сибирской ссылки, Толстой к серии подобных историй

добавляет еще одну – «историю повешения в Пензе двух крестьян из 7, приговоренных к этому за то, что они убили управляющего, убившего одного из них» (65, 138). Далее в письме он вторит Кеннану: «Об ужасах, совершаемых над политическими, и говорить нечего. Мы ничего здесь не знаем. Знаем только, что тысячи людей подвергаются страшным мучениям одиночного заключения, каторге, смерти и что все это скрыто от всех, кроме участников в этих жестокостях» (65, 138).

Толстой не пускается ни в какие рассуждения об «увеличении пространства зла» и о непротивлении злу насилием в отношении крестьян и политических, упоминаемых им в письме. Возможно, случай вопиющей жестокости по отношению именно к *крестьянам*, а возможно, и эволюция его учения о непротивлении злу за последние четыре года заставили Толстого по-иному взглянуть на положение вещей. В связи с вышеупомянутым письмом нельзя не вспомнить и письма Толстого к В. В. Рахманову от 9 мая 1891 года, свидетельствующего о некотором изменении отношения Толстого к заповеди непротивления: «Я не живу насилием в том смысле, что знаю, что всякий раз, как мне представится вопрос, употребить ли насилие или нет, я не пожелаю насилия и не употреблю его сознательно. <...> Но сказать, что я никогда не употреблю насилия или незаметно для себя не воспользуюсь им – не могу, потому что сказать это значит сказать, что я свят» (65, 294)[28].

В записной книжке Кеннана № 22 за июнь 1886 года сохраняются карандашные зарисовки дома Л. Н. Толстого, сделанные им, вероятно, в поезде по дороге из Ясной Поляны в Москву, а также многочисленные записи о Толстом – «заготовки» будущей статьи; некоторые из них весьма неодобрительного характера: Толстой кажется Кеннану неискренним, даже лицемерным в своем стремлении трудиться наравне с крестьянами, одеваться подобно им, тачать сапоги и т. п. Но, встретившись с Толстым в 1886 году, Кеннан уже больше никогда не перестанет интересоваться этим

---

[28] См. главу 3 «Эйдин Баллу».

человеком. Во многих письмах, дневниках разных периодов появляются записи, связанные с Толстым. 13 июня 1887 года Кеннан пишет матери по случаю выхода его статьи о Толстом: «Моя статья о Толстом получает хорошие отзывы в наших газетах, о ней говорят как о самой стоящей статье, напечатанной в наших журналах за последнее время»[29].

Письма из архива Кеннана свидетельствуют о его желании вновь встретиться с Толстым. 3 августа 1901 года он пишет своей жене из Лондона: «Получил вчера очень хорошее письмо от графа Толстого, написанное под диктовку. В нем говорится, что он выздоравливает и будет очень рад видеть меня в Ясной Поляне в любое время. Письмо было отправлено из гостиницы "Англетер". Как жаль, что я не смогу заехать в этот раз! Но сделаю это в следующий»[30]. Накануне он отправил в Ясную Поляну короткое письмо Толстому с объяснением причин, по которым он не мог навестить писателя: «Глубоко сожалею, что таким образом я был лишен возможности Вас увидеть и лично выразить Вам свою искреннюю любовь и уважение. Мне о многом хотелось поговорить с Вами и передать приветствия и наилучшие пожелания сотен американцев, которые давно уже Вас знают и любят»[31].

Во время болезни Толстого в 1901 году Кеннан с тревогой наблюдал за состоянием здоровья писателя. В одном из писем он с грустью замечал: «Граф Толстой вновь серьезно болен»[32]. В круг общения Кеннана в Петербурге в 1901 году входили главным образом люди либеральных взглядов, среди них – Станюковичи, А. М. Калмыкова, граф Ростовцев, профессор Батюшков, баронесса Икскуль, некоторые из них были знакомы с Толстым.

---

[29] Library of Congress. Manuscript Division. Box 13.

[30] Ibid. Box 15.

[31] Толстой и зарубежный мир: В 2 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Ред. С. А. Макашин. М.: Наука, 1965. Кн. 1–2. (Лит. наследство; Т. 75). Кн. 1. С. 419.

[32] Library of Congress. Manuscript Division. George Kennan Papers. Box 15.

Кеннану потребовались годы, чтобы философски осмыслить религиозно-нравственную доктрину Толстого, чтобы внешнее опрощение не воспринимать как «барский каприз», позу[33].

В 1909 году для журнала *Outlook* Кеннан написал статью *Count Tolstoy and the First Russian Duma*, которая вышла в сентябрьской книжке журнала. Поводом для написания статьи явилась публикация Теодора Рузвельта, в которой он в очередной раз нападал на Толстого с резкой критикой, обвиняя его, а заодно и Первую думу в отсутствии здравого смысла. Кеннан, хоть и не разделял социально-политических взглядов Толстого, счел своим долгом вступиться за русского писателя: «Я думаю, что господин Рузвельт несправедлив к Толстому, назвав его учение "страшно аморальным" и приписывая ему "некоторые ужасные качества морального извращенца"»[34]. И далее он горячо продолжает защищать Толстого: «Я считаю, что господин Рузвельт несправедлив, создавая впечатление, что Толстой лицемерен, "получая доход от частной собственности жены и детей, в то время как сам призывает к обратному". Граф сам затронул эту тему в беседе со мной, сказав, что был вынужден выбирать из двух зол меньшее. В России тогда все знали, что его семья не разделяет полностью его взгляды»[35].

В архиве Кеннана хранится много писем из России об уходе и смерти писателя в 1910 году. Так, один из друзей Кеннана, некто Петрушкевич, писал ему 3/16 января 1911 года: «Действительно ли смерть графа Толстого ощущается в Америке и правда ли, что у него много последователей в вашей стране? Кажется, что в России его смерть произвела на людей большее впечатление, чем его жизнь и творчество»[36].

В 1911 году в письме к одному из своих корреспондентов Кеннан размышлял о Толстом, предполагая, что бы случилось, живи он в Англии: «Он был силен в философии и религии, но слаб во

[33] Ibid. Box 22, № 22.
[34] Outlook. 1909. Sept. P. 126.
[35] Ibid.
[36] Library of Congress. Manuscript Division. George Kennan Papers. Box 3.

всех отраслях науки. Он был глубоко искренним человеком, и цели его были высоки, но разум не всегда охватывал наиболее важные аспекты проблем, которые он хотел бы решить. Жизнь в Англии расширила бы его знание, особенно в сферах, в которых он менее всего был осведомлен, обогатила бы его представление об общественной и религиозной жизни»[37]. Письмо скорее свидетельствует о некотором непонимании Кеннаном масштаба личности Толстого, о его желании упорядочить мировоззрение русского писателя в соответствии со стандартами западной культуры. Вероятно, это те самые «перегородки», о которых упоминал Толстой в одном из своих писем об американском журналисте.

Кеннан никогда, вплоть до своей смерти, не терял интереса к Толстому. В фонде Кеннана в Библиотеке Конгресса хранится богатейшая коллекция материалов о великом писателе из русских и зарубежных периодических изданий. Она включает статьи Толстого в переводе на английский язык, статьи о нем и его семье, брошюры, изданные в Англии В. Г. Чертковым. В фонде сохраняются специальные подборки газетных вырезок, посвященные отлучению Л. Н. Толстого от Православной церкви, восьмидесятилетию писателя, его приезду в Москву в 1909 году, его уходу и смерти. Эта коллекция толстовских материалов позволяет полнее представить диалог Толстого и Кеннана, расширить горизонт их взаимоотношений, оказавшихся столь плодотворными для обоих.

---

[37] Ibid. Box 117.

Глава 8
Эдвард Беллами, Эптон Синклер, Роберт Хантер

Социализм силен своеобразным религиозным пафосом человекобожия, своей верой в осуществимость и скорое пришествие «Царствия Божия» *на земле*, в утопию «земного рая».

С. Н. Булгаков

Толстой прекрасно сознавал, что отмена рабства в Америке, как и отмена крепостного права в России, не являлась панацеей от всех зол. Он не мог не видеть, что идейное наследие французских и американских просветителей рассеивалось, что романтические идеалы писателей-трансценденталистов отступали перед напором идей прогресса, индустриализации, дальнейшего развития цивилизации, тенденций разрушения патриархальных устоев и традиций, причем прогресс теперь понимался как средство повышения доходов, благосостояния, средство служения капиталу. В жизнь вступало новое поколение американцев – энергичных, уверенных, настойчивых, целеустремленных, но часто при этом – грубых, жестоких, с необузданной страстью к наживе. В беседе с американским журналистом и писателем Джеймсом Крилменом в 1903 году Толстой с горечью говорил: «Америка утратила свою молодость... У нее седеют волосы, выпадают зубы, наступает старческое одряхление. Вольтер сказал, что Франция загнила прежде, чем созрела, но что же тогда следует сказать о стране, чьи идеалы не пережили и одного поколения людей? Ваши Эмерсоны, Гаррисоны и Уитьеры канули в прошлое. Ваша страна плодит одних только толстосумов. В годы до и после Гражданской войны духовная жизнь вашего народа расцветала и приносила плоды. Теперь же вы – жалкие

материалисты»[1]. Как никто другой, Толстой совершенно отчетливо понимал увязанность проблем экономических с проблемами этическими. Не случайно, видимо, после прочтения книги Генри Джорджа «Заблудившийся философ» Толстой записывает в дневнике: «Очень живо сознал грех владения землей. Удивительно, как не видят его. Как нужно бы писать об этом – написать новый Oncle Tom's Cabin» (52, 131). Освободившись от рабства фактического и юридического, американцы оказались в плену у рабства наемного, что являлось неменьшим злом. Проблема частного землевладения, частной собственности наводит Толстого на мысли о важности написания «нового Oncle Tom's Cabin», причем эту проблему Толстой видит прежде всего как проблему нравственную, а потом уже – экономическую.

К началу 1890-х годов, когда Толстой всерьез стал размышлять о вреде частной собственности, он уже был знаком не только с политико-экономическими трактатами Генри Джорджа, но также и с романом-утопией Эдварда Беллами «Оглядываясь назад, 2000–1887» (*Bellamy E.* Looking Backward: 2000–1887. Boston: Ticknor and Co, 1888 cop. (Ticknor's Paper Series of Choice Reading; № 38 extra)). Роман Беллами в Америке назвали «новой "Хижиной дяди Тома"». Эту книгу, имевшую самый оглушительный успех в Европе и в Америке, привезла Толстому американская писательница и переводчица русской литературы Изабелла Флоренс Хэпгуд в конце июня 1889 года[2]. Толстой незамедлительно приступил к чтению и уже 1 июля 1889 г. сделал запись в дневнике: «Looking backward прекрасно» (50, 101). Книга увлекает, затрагивает за живое, надолго остается в творческой памяти писателя, а ее автор становится объектом толстовской критики в трактате «Царство

---

[1] Лев Толстой беседует с Америкой / Публ. В. Лакшина // Иностранная литература. 1978. № 8. С. 232.

[2] В яснополянской библиотеке эта книга есть и на русском языке: *Беллами Э.* В 2000-м году. СПб., 1890. (Из «Книжек недели»), а также имеется вышедшая следом книга Э. Беллами: Равенство / Пер. с англ. Б. Винницкой. [М.: Изд-во И. Д. Сытина и Ко, 1907] с дарственной надписью М. Е. Хмелевской.

Божие внутри вас», в статьях «Рабство нашего времени», «О значении русской революции». На книге, привезенной Хэпгуд, остаются пометы Толстого.

Толстой был уже знаком с некоторыми сочинениями предшественников Э. Беллами – утопистов Томаса Мора, Френсиса Бэкона, Уильяма Морриса. В 1903 году, после встречи с бывшим секретарем Уильяма Морриса Сиднеем Кокрелем, Толстой получил от него в подарок сочинения Морриса, а также гравюру с изображением Томаса Мора. В личной библиотеке писателя сохраняются шесть книг У. Морриса на английском языке и одна на немецком. В «Круге чтения» Толстым приводятся высказывания Ф. Бэкона, Т. Мора (из второй книги «Утопии») и У. Морриса. Следует также отметить, что Моррис весьма скептически отнесся к роману Беллами, назвав его «чудовищным сновидением кокни». Своеобразным ответом Беллами стал утопический роман У. Морриса «Вести ниоткуда», где контрастом индустриальному миру романа Беллами изображается полная свобода среди деревенской природы. Таким образом Моррис продемонстрировал картину альтернативного общества.

Выход в свет романа «Оглядываясь назад» вызвал появление в Америке целой серии утопических произведений, воспевающих идеалы коллективизма, настолько острыми были социально-экономические проблемы, затронутые в романе автором. Но ни одна из американских утопий не была так популярна и не оказала такого сильного влияния на движения популистов, феминистов, на общественную мысль Соединенных Штатов в целом. Обратив внимание на утопию Беллами, Толстой присоединился к целому ряду известных экономистов, писателей Нового и Старого Света, восторженно отозвавшихся о романе, в их числе – авторы, знакомые Толстому по книгам из его библиотеки, – Фр. Э. Уиллард, У. Д. Хоуэллс[3]. По мнению многих критиков, после выхода в свет «Хижины дяди Тома» ни один роман не имел большего тиража

[3] У. Д. Хоуэллс с большой похвалой писал о романе Беллами как альтернативе капитализму и индивидуализму.

и большего успеха, чем «Оглядываясь назад». Причины успеха лежали на поверхности: совершенно очевидной была тоска американцев по всеобщей справедливости, всеобщему благу, истинно гармоническому содружеству и сотрудничеству. Сам Беллами так писал о своем романе: «Когда я принялся за написание книги "Оглядываясь назад", у меня с самого начала не было намерения внести серьезный вклад в движение за перестройку общества. Я просто хотел создать литературную фантазию, что-то вроде сказки о счастливом обществе. Я вовсе не собирался сооружать дом, в котором могли бы жить практичные люди, а хотел лишь построить высоко-высоко, вне пределов досягаемости грязного материального мира сегодняшнего дня, заоблачный дворец для идеальных людей»[4].

Беллами в своем романе изобразил картину идеального экономического порядка общества XXI века – «заоблачный дворец для идеальных людей», – отойдя от «грязного материального мира сегодняшнего дня» на безопасное расстояние в сто лет. Главный герой Джулиан Уэст просыпается в странном новом мире – идеальном обществе Бостона 2001 года, проспав гипнотическим сном сто тринадцать лет. Изменения, произошедшие в обществе в результате мирной эволюции, выглядят просто чудесными и сводятся к полному отсутствию конкуренции, денег как основного средства обмена, а также голода, болезней, к национализации орудий производства, к огосударствлению всех видов трудовой деятельности. Контрастом этому изображается современная Беллами жизнь со всем ее злом промышленного уклада. В дневниковой записи от 1 июля 1889 года Толстой отмечает о романе: «Одно плохо: социалистическое Марк[с]овское представление, что если очень долго делать дурно, то само собою сделается хорошо. Капиталы сходятся в малое число рук, под конец сойдутся в одни. Рабочие союзы тоже сольются в один. И будет капитал и рабочая сила разделенные. Тогда власть или революция соединит их, и все будет благополуч-

[4] Nationalist. 1889. Vol. 1. P. 1.

но» (50, 101). Толстой увязывает утопию Беллами с марксистским учением, хотя для американских писателей-утопистов периода 1880–1900-х годов увлечение идеями марксизма совсем не было характерно. В достижении утопических идеалов Беллами отдавал предпочтение социальным методам, распространению общественной этики. Более того, он был уверен, что Америка развивается в направлении разумного устройства общества. Находясь под сильным влиянием идей Фурье, Беллами интерпретировал американский кризис конца прошлого столетия как кризис моральный, и во всех его признаках Беллами видел последствия духовной опустошенности. Идеи французского философа были чрезвычайно популярны в Америке на протяжении почти всего XIX века, что проявлялось в создании общин, в частности Брук Фарм, которая в середине 1840-х годов перешла на позиции фурьеризма. Беллами в начале 1870-х годов встречался с Альбертом Брисбейном, американским социальным реформатором, последователем Фурье.

В свое время в России, в 1840–1850-е годы, Толстой также пережил увлечение идеями Фурье, Сен-Симона и других утопистов, так как они были весьма широко распространены и исповедовались многими представителями русского общества того времени. Своей социальной утопией Беллами был отчасти обязан и трансценденталистам, которые рассматривали солидарность, единение как спасение отдельной личности. В романе он сосредотачивает внимание уже не на отдельной личности, а на обществе в целом, рассматривая солидарность не как абстрактную идею, а как реальный способ разрешения многих проблем современной ему Америки.

Толстой же видел решение проблемы иначе: «Главное то, что ничего в нашей цивилизации не уменьшится, не пойдет назад: будут те же дворцы, гастрономические обеды, сласти, вина, экипажи, лошади – только все будет доступно всем. Вот это непонятно, как они не видят, что это невозможно. Возьмите сейчас роскошь Ясн[о]полян[ского] дома, разделите ее между мужиками. Нельзя. Ничто не годится. (Надо отказаться от роскоши.) Пока есть

насилие, сила капитала и изобретения направлялась не на то, что нужно. И чтобы б[ыло] то, что нужно, массам надо все проверить. Главное же, надо быть готовым отказаться от всех усовершенствований нашей цивилизации, только чтоб не б[ыло] того жестокого неравенства, к[оторое] составляет нашу язву». И, как бы подводя итог своим размышлениям, вызванным книгой Беллами, он пишет: «Надо решить, кому служить – Б[огу] или М[амону]. Обоим нельзя. Если Богу, то надо отказаться от роскоши и цивилизации...» (50, 101–102).

Через несколько лет после прочтения романа-утопии моральный реформатор Толстой отвечает общественному реформатору Беллами в трактате «Царство Божие внутри вас»: «Пусть совершатся все те внешние усовершенствования, о которых могут только мечтать религиозные и научные люди; пусть все люди примут христианство и пусть совершатся все те улучшения, которых желают разные Беллами и Рише со всевозможными добавлениями и исправлениями, но пусть при этом останется то лицемерие, которое есть теперь; пусть люди не исповедуют ту истину, которую они знают, а продолжают притворяться, что верят в то, во что не верят, и уважают то, чего не уважают, и положение людей не только останется то же, но будет становиться все хуже и хуже» (28, 271).

Не принимая духа теории государственного капитализма, Толстой тем не менее в июле 1889 года с увлечением просматривает, читает книгу американского писателя-социалиста, в которой многое приковывает его внимание, заставляет обратиться к дневнику и в конечном итоге приводит к мысли о необходимости перевода книги на русский язык и издании ее в России. 27 ноября 1889 г. он пишет А. С. Суворину: «Знаете ли вы про книгу американского писателя Bellamy, Looking backwards? Это замечательная вещь и имеющая огромный успех и теперь переводящаяся на все европейские языки. Я бы советовал вам напечатать ее, она переводится одним моим знакомым» (64, 335). А еще раньше, в августе 1889 года, он в письме советуется с В. Г. Чертковым о переводе

этой «прекрасной книги», на страницах которой оставляет характерные следы чтения, в основном это массив отчеркиваний и подчеркиваний, главным образом – в главах 12, 14, 26, 28. Так, в главе 12 он отчеркивает весь текст на с. 183, где речь идет о невероятном потрясении Джулиана Уэста, когда тот узнает про абсолютное благополучие общества XXI века, о размахе благотворительности по отношению к немощным, больным, инвалидам, не чувствующим себя ни в чем ущемленными. Он сознает, что обществу XIX века это не могло привидеться и во сне. На с. 215 (глава 14) Толстой отчеркивает часть текста, где Джулиан Уэст и Эдит обсуждают проблему, столь важную и для него: «Я не совсем ясно понимаю, – сказала Эдит, – вы имеете в виду, что позволяете людям делать для вас то, за что вы их презираете, или что вы принимаете от них услуги, на которые вы не ответили бы тем же? Я уверена, вы так не думаете, господин Уэст!» На следующей странице, в рассуждениях доктора Лита, Толстой, как и главный герой, как бы получает вполне удовлетворительный ответ и отчеркивает эту часть текста с двух сторон: «Вы должны знать, что теперь принимать услуги от другого, на которые мы не желаем отвечать тем же, все равно что брать взаймы без намерения возвратить; это теперь аксиома этики». Толстого волнуют размышления доктора Лита о неравенстве в распределении богатства, о неравных возможностях людей в сфере образования и культуры, на этой же странице отчеркнуто: «Это самое худшее в любой системе – разделение людей на классы, касты, это ослабляет чувство человеческого единства». На с. 396 (глава 26), в проповеди господина Бартона, Толстой отчеркивает его размышления о людях XIX века: «Одним словом, они верили в совершенно противоположное тому, что кажется нам очевидным», и далее он подчеркивает: «они верили, что именно антиобщественные качества людей являются связующей силой общества». Дальше Толстой отчеркивает: «Им казалось разумным, что люди живут вместе только с целью влияния и подавления других, а также чтобы быть угнетенными и подавленными другими...» Рассуждая об антихристианском духе XIX века, господин Бартон

пытается проанализировать состояние общества последней четверти XIX века, для которого характерен глубокий пессимизм произведений литературы: меланхоличность поэзии, цинизм юмора. Безусловно, внимание Толстого сосредотачивается на страницах 459–461, где автор ярко изображает все беды и язвы современного ему общества, в котором как бы пробуждается Джулиан Уэст. И после картины идеального экономического строя будущего повседневность с контрастами богатства и нищеты, на которые прежде он просто не обращал внимания, кажется Джулиану теперь отвратительной. Толстой отчеркивает страницы с его обличительной речью: «"Я побывал на Голгофе, – наконец ответил я. – Я видел человечество распятым на кресте. Знает ли кто-нибудь из вас, что видят солнце и звезды, глядя на ваш город с высоты, а вы можете думать и говорить при этом о чем-то еще другом? Неужели вы не знаете, что за порогом вашего дома множество мужчин и женщин, плоть вашей плоти, чья жизнь – сплошная агония от рождения до смерти? Послушайте! Их жилища так близко, что, если вы перестанете смеяться, вы услышите их печальные голоса, душераздирающий плач малышей, страдающих от бедности, грубые крики мужчин, раздавленных несчастьями, вы увидите женщин, продающих себя за кусок хлеба. Как вы можете не слышать эти скорбные звуки? Я не могу слышать ничего другого"». Молчание было мне ответом. Меня трясло от сострадания и жалости, когда я говорил, но когда я оглянулся на компанию, окружавшую меня, то увидел, что они далеки от потрясения, испытанного мной...»

Толстому, автору трактата «Так что же нам делать?», статьи «О переписи в Москве», были хорошо знакомы картины страданий городской бедноты на фоне блеска богатства и роскоши. Более того: прозрение Джулиана Уэста, его страстная обличительная речь, вызвавшая раздражение и злобу людей его круга, отчасти напоминают прозрение самого Толстого, о котором он так страстно и искренно рассказал в «Исповеди». «В такой стране лишь немногие могут при помощи силы или хитрости добиться богатства и роскоши; удел же огромных масс народа – бедность, а слабых

и невежественных – горькая нужда и вечный голод», – отчеркивает Толстой на с. 465. Но Джулиан, как и автор романа «Оглядываясь назад», твердо верит в реальную возможность общества «материального благоденствия, просвещенности и высокой морали», уповая на естественное доброе начало в человеке, хотя вокруг он не видит никакой поддержки: окружающие его не понимают, а он при этом испытывает бесконечную жалость к ним и ко всему миру.

Толстой, оставаясь приверженцем идеалов эпохи Просвещения, как и главный герой романа Беллами, верит в природное доброе начало в человеке, но не может согласиться с основным выводом, сделанным Джулианом Уэстом: «Главная причина нищеты, в которой погряз мир, – это безумие людей, а не жестокосердие. Не преступление, совершенное человеком, и не преступление какого-либо класса людей принесло человечеству такие несчастья, а чудовищная, ужасающая ошибка, огромный просчет, погрузивший мир во тьму»[5]. Последние страницы романа, рисующие мир изобилия XXI века, перечеркнуты Толстым, возможно как неубедительные. В трактате «Царство Божие внутри вас» он пишет о своем понимании установления на земле общества благоденствия для всех: «Пусть совершатся все эти внешние изменения, и положение человечества не улучшится. Но пусть только каждый человек сейчас же в своей жизни по мере сил своих исповедует ту правду, которую он знает, или хотя по крайней мере пусть не защищает ту неправду, которую он делает, выдавая ее за правду, и тотчас же в нынешнем 93-м году совершились бы такие перемены к освобождению людей и установлению правды на земле, о которых мы не смеем мечтать и через столетия» (28, 271). А в статье «О значении русской революции» говорится: «Если бы спросили у самого ученого и образованного римского гражданина, привыкшего думать, что жизнь мира определяется решением римского

[5] *Bellamy E.* Looking Backward: 2000–1887. Boston: Ticknor and Co, 1888 cop.

сената и императоров, о том, чем будет римский мир через несколько столетий, или если бы он сам задумал написать такую же книгу, как Беллами и подобные ей, то можно наверно сказать, что он никак не мог бы предсказать хоть приблизительно ни варваров, ни феодализм, ни папства, ни распадания и обратного соединения народов в большие государства» (36, 352).

Толстой весьма скептически отнесся к «смелости» американского писателя в изображении организации и уровня жизни людей XXI века, то есть он отвергал то, что более всего увлекало демократического российского читателя этого, по определению И. И. Янжула, «социального романа»[6]. Контрасты роскоши и нищеты современного ему общества, мысли об антихристианском духе общества XIX столетия, об упадке литературы, всех родов искусства – вот что вызывает интерес Толстого в этом романе, оказывается близким его собственному мировосприятию.

Через год после прочтения книги Толстой знакомится с полемикой по поводу романа в американском журнале *Open Court*. Он записывает в дневнике 8 июня 1890 г.: «Полемика в Open Court по случаю книги Bellamy очень интересная. Сначала возражает Op[en] Cou[rt] тем, что борьба есть закон жизни, что представить себе жизнь без борьбы все равно, что представить себе физический мир без закона тяготения. Очень удобно, но не может быть. Ему возражают, что в борьбе сначала одерживает верх the strongest*, а потом the fittest**, а потом будто бы уже самый best***, нравственный. <...> Нужнее лучший нравственно. Лучший нравственно должен будет [быть] наисильнейш[им], умнейши[м] и наиболее годящимся. Если так, то опять сильнее для борьбы, и нравственный получает другое значение» (51, 47–48). Толстой решительно не соглашается с новым пониманием нравственности

---

[6] Цит. по кн.: *Николюкин А. Н.* Взаимосвязи литератур России и США. М.: Наука, 1987. С. 313.

* Сильнейший (*англ.*).

** Наиболее приспособленный (*англ.*).

***Лучший (*англ.*).

и замечает: «По-старому нравственность не есть средство усиления и победы в борьбе, а напротив. И по старой нравственности слабому, больному, старому есть место, по новой нравственности места им нет. Надо уничтожить наследственность, болезни, старость. Что за нелепость!» (51, 48). Интересно, что через несколько лет к этой теме его вернет книга: *Redbeard R.* The Survival of the Fittest, or The Philosophy of Power. Chicago: [D. K. Handyside], 1896. В трактате «Что такое искусство?» он напишет о ней: «Недавно я получил из Америки книгу под заглавием "The survival of the fittest..." Сущность этой книги, так, как она выражена в предисловии издателя, та, что оценивать добро по ложной философии еврейских пророков и плаксивых (weeping) мессий есть безумие. Право есть последствие не ученья, но власти» (30, 172).

26 октября 1897 года в письме к В. Г. Черткову Толстой совершенно определенно устанавливает границы расхождения между позицией христианского социалиста Эдварда Беллами и своей собственной: «Разница в том, что первые верят в свой разум, в то, что цель, указываемая им их разумом, есть действительная, настоящая цель жизни; вторые же верят в то, что исполнение воли Бога – нравственного закона, как бы оно ни странно казалось нашему разуму, самым сильным, действительным и быстрым способом ведет к достижению того самого Царства Божия на земле, кот[орое] мы предугадываем и предчувствуем, если только мы это Царство Божие представляем себе несколько шире, чем Маркс или Bellamy и т[ому] п[одобные]» (88, 61).

Жизнь с ее печальным опытом XX века показала гениальную интуицию и прозорливость Толстого в его критическом и настороженном отношении к утопизму Беллами. В 1906 году, 11 октября, Д. П. Маковицкий отметил в «Яснополянских записках» высказывание Толстого: «...Беллами, который многое приписывает социализму, чего в нем нет»[7]. Социализм Эдварда Беллами на самом деле является не чем иным, как государственным капитализмом

[7] *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 2. С. 260.

(по Толстому – социализмом), который ближе скорее системе тоталитарного государства, часто фашистского толка, чем идеальному гармоничному обществу, чему сам Беллами, вероятно, ужаснулся бы. Современный исследователь творчества Э. Беллами Дэниэл Х. Борус отмечает, что «в свете истории XX века вполне очевидно, что читатели обнаружат сходство утопии Беллами с коммунизмом и фашизмом», хотя, по его мнению, Беллами своими идеями порядка, армейской дисциплины обязан скорее «христианской вере в то, что для установления братства необходимо подавление анархических проявлений личности, чем жажде власти, характерной для жестко конролируемых государств XX века»[8].

Русский философ Семен Франк, много размышлявший о феномене утопизма, писал по этому поводу: «Отсюда явствует, что утопизм, уповающий на осуществимость полноты добра через общественный порядок, имеет имманентную тенденцию к деспотизму – со всем, что есть злого и гибельного в деспотизме. Это есть основное – одновременно и моральное и социальное – возражение против интегрального социализма»[9]. Расходясь с Толстым в вопросе необходимости государственно-правовой борьбы со злом, Франк, как и Толстой, уверен, что утопизм на практике никогда не мог обеспечить нравственное совершенство жизни и всегда приводил к результатам совершенно противоположным задуманному идеалу.

* * *

В марте 1906 года американский писатель-социалист Эптон Синклер посылает в Ясную Поляну свою книгу «Джунгли», с дарственной надписью: «To Lyof Tolstoi with the sincerest regards of Upton Sinclair. Princeton, New Jersey, U. S. A.» («Льву Толстому с са-

---

[8] *Bellamy E.* Looking Backward: 2000–1887 / Ed. with an Introduction by Daniel H. Borus. Boston; New York: Bedford Books of St. Martin's Press, 1995 cop.

[9] *Франк С. Л.* Ересь утопизма. // Квинтэссенция: Философский альманах: 1991. М.: Политиздат, 1992. С. 384.

мым искренним почтением от Эптона Синклера. Принстон, Нью-Джерси, США».)[10]. Толстой внимательно читает роман, оставляет на полях многочисленные отчеркивания, обсуждает прочитанное с домашними, друзьями, то есть сосредоточенное прочтение текста, стремление его понять, вникнуть в смысл изображаемого превращается, в сущности, в беседу, диалог с автором (как замечает М. М. Бахтин, «понимание всегда в какой-то мере диалогично»[11]).

Восприятие Толстым прочитанного воспроизведено Д. П. Маковицким, который как бы создает «обрамляющий контекст» знакомству Толстого с сочинением американского писателя. Синклер в романе изображает беспощадную по своему откровению картину современного ему общества и безнравственности большого капитала и лелеет надежду на пробуждение всего американского общества, ни на минуту не теряя веры в американскую демократию, в победу справедливости.

Роман «Джунгли» убедительно показывает обращение Синклера в социалистическую веру. «Эптон Синклер стал присяжным революции, ставившим перед собой цель подсмотреть неприглядные стороны капиталистической системы»[12]. И подсмотрел... Не случайно Теодор Рузвельт назвал писателей этого направления, к которому принадлежал Синклер, «разгребателями грязи». Толстому, изучавшему в 1880-е годы жизнь московского «дна», такая работа была, безусловно, знакома, хотя многих добропорядочных американцев картины жизни рабочих Чикаго, несомненно, шокировали: слишком откровенно, слишком обличительно. Синклер написал «Джунгли» после тщательного изучения работы чикагских боен (опыт, Толстому небезызвестный). Социалист Синклер предпочел в своем романе изобразить не «джунгли природы», а «джунгли городов», в которых живут цивилизованные люди.

---

[10] Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Т. 3. Ч. 2. С. 362.

[11] *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 306.

[12] Цит. по кн.: *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3 т. М.: Изд-во иностр. лит., 1962–1963. Т. 3. С. 16.

«Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого от 4 декабря 1906 года сохраняют первое впечатление Толстого от романа Синклера: «Л. Н. очень поздно вышел к чаю. Читал "The Jungle", роман Эптона Синклера. Рассказывал: – "Джунгли" означают чащу; как чаща – то, где деревья густо растут, так "джунгли" – то, где люди скученно живут. – И рассказывал обстоятельно, что сегодня прочел. О литовской эмигрантской семье, как ее надувают в Чикаго, как старик не находит работы, а когда получил (самую отвратительную), должен был отдавать треть платы тому, кто ему ее нашел. *Л. Н.* (продолжая): Так верно, живо описано. Видно, Душан Петрович, там (в Америке) много нашего (славянского) брата»[13]. На следующий день, 5 декабря 1906 года, Д. П. Маковицкий записал высказывание писателя в связи с романом Синклера: «В Америке все фальсифицировано – и бумага от мух»[14].

Беседы с Маковицким, отдельные реплики Толстого по сути являются продолжающимся диалогом с автором романа. Толстой, хорошо знакомый с состоянием американского общества по произведениям многих американских писателей, статьям в американской периодике, очень тонко чувствует настроение романа, прекрасно понимает его социально-культурный контекст, признает, что перед ним – чудовищная картина человеческих «джунглей», скопище рабочей силы, необходимого «материала» в погоне за прибылью.

Постараемся обратить внимание на то, что особенно привлекает Толстого в тексте романа и что является фрагментами внутреннего диалога Толстого с Синклером, который впоследствии выплеснется на страницы статей, дневниковых записей, «Записок» Маковицкого.

На с. 87 второго тома (*Sinclair U.* B. The Jungle. New York: Doubleday, Page & Co, 1906) Толстой отчеркивает строки, где автор рисует безрадостную картину жизни иммигрантов в Чикаго:

---

[13] *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 2. С. 320.
[14] Там же. С. 321.

«Иммигрантов подстерегало много опасностей, с которыми они были не в силах бороться. Их дети болели чаще, чем на родине, но откуда им было знать, что в доме нет канализационного отвода и нечистоты за пятнадцать лет скопились в яме под ним? Откуда им было знать, что к бледно-голубому молоку, которое они покупали за углом, добавляют не только воду, но и формальдегид. На родине, когда дети заболевали, для них собирали целебные травы, а теперь приходилось идти в аптеку и покупать там экстракты, – откуда было знать, что все они поддельные? Как могли они обнаружить, что в чай и кофе, в сахар и муку что-то подмешано, что консервированный горох окрашен солями меди, а фруктовый джем – анилиновыми красками? И даже знай они все это, что они могли поделать, раз на много миль кругом нельзя было купить ничего доброкачественного?» Толстому совершенно очевидно, что страдания, болезни, смерть, ужасающий быт рабочих не являются плодом авторского воображения, скорее – это неотъемлемая часть жизни рабочих-иммигрантов в больших индустриальных центрах.

Д. П. Маковицкий отмечает в своих «Записках» 14 декабря 1906 года впечатление Льва Николаевича от дальнейшего чтения книги: «О "The Jungle" Эптона Синклера – что следовало бы издать по-русски в "Посреднике".

Сутковой: В сокращенном виде, чтобы рабочие могли читать. Они думают, что за границей всем прекрасно живется. *Л. Н.*: "Jungle" означают чащу. Там сказано, что как в частом лесу нижние суки сохнут, гибнут, так и в чаще рабочих – слабые. С рабочими в Америке поступают, как с гнилыми грушами; нужно 20 – объявляют, что нужно 200; являются 2000, из них выбирают 20 самых мускулистых и дают им работу шесть часов в день, платят с часа»[15]. И на с. 93 второго тома Толстой отчеркивает строки, которые его так потрясли: «На следующее утро, еще до рассвета, возле бойни Дэрхема скопилось три тысячи человек, и пришлось посылать за запасными полицейскими частями, чтобы предотвратить

[15] Там же. С. 329.

беспорядок. И тогда дэрхемовские мастера отобрали двадцать самых здоровых мужчин – слово "двести" оказалось типографской опечаткой».

19 декабря 1906 года Д. П. Маковицкий свидетельствует: «Л. Н. рассказал про американскую жизнь, про тамошние обманы, конкуренцию (и в нищенстве). По Эптону Синклеру заключил: "Tout comme chez nous"*»[16]. На с. 89 вторго тома отчеркнуты следующие строки: «Приближалась суровая зима, надо было скопить денег на покупку одежды и одеял, но сколько бы они ни скопили, все равно ничего теплого они купить не могли. Одежда, которую им предлагали в лавках, была из хлопка или "шодди" – материи, изготовлявшейся из старого тряпья. За более дорогую цену можно было купить только что-нибудь понаряднее, а то и вовсе попасть впросак. Вещей действительно доброкачественных нельзя было приобрести ни за какие деньги». Последние слова, «приобрести ни за какие деньги», Толстым подчеркнуты.

Роман явно оправдывает ожидания Толстого: он его внимательно прочитывает, отчеркивает наиболее взволновавшие его места, у него возникают аналогии с положением обездоленных в России. Записи Д. П. Маковицкого от 24 декабря 1906 года свидетельствуют: «Л. Н. спросил Дмитрия Васильевича [Никитина], знает ли "Джунгли" Эптона Синклера. Дмитрий Васильевич читал часть в "Вестнике Европы".

Л. Н.: Удивительная книга, автор социалист, такой же ограниченный, как все, но знаток жизни рабочих. Выставляет недостатки всей этой американской жизни. Не знаешь, где хуже (то есть в России или в Америке)»[17].

Хотя Толстой не признавал политических устремлений Синклера, он не мог не отдать должного художественному мастерству и осведомленности писателя в предмете, столь реалистично им изображаемом. Толстой не ошибался – осведомленность дейст-

---

*Все как у нас (*фр.*).

[16] Там же. С. 335.

[17] Там же. С. 338.

вительно была основательной: работая над романом, молодой писатель, аристократ по происхождению, в течение семи недель жил среди рабочих и их семей, самым внимательным образом наблюдая их тяжкий повседневный труд, впитывая в себя все детали жизни общины иммигрантов. Как замечал сам Синклер, невозможно было просто долго наблюдать, не делая философских заключений, и он отдавал себе отчет в том, что человеческая трагедия, происходившая на его глазах на фабриках и рабочих окраинах, имеет более глобальный характер и касается не только иммигрантов Чикаго.

На с. 95–96 Толстой отчеркивает строки, в которых Синклер особенно красноречиво изображает унылую безысходность положения американского рабочего-иммигранта: «Вам оставалось только выбирать. "Сегодня горячий гороховый суп и вареная капуста", "Франкфуртские сосиски с кислой капустой. Добро пожаловать", "Бобовый суп и рагу из баранины. Милости просим", – соблазняли объявления, написанные на нескольких языках. Такими же многоязычными были и вывески на этих заведениях, разнообразные и заманчивые: "Домашний круг", "Уютный уголок", "У камина", "У очага", "Дворец наслаждений", "Страна чудес", "Волшебный замок", "Любовные утехи". Но как бы ни называлась пивная, внизу всегда было приписано: "Клуб союза", и все они гостеприимно встречали рабочих; в них всегда можно было устроиться возле горячей печки, поболтать и посмеяться с друзьями. А от посетителя требовалось только одно: он должен был пить. Если бы кто-нибудь заходил без этого намерения, его немедленно выгоняли вон, а если он мешкал, ему могли вдобавок проломить голову бутылкой»[18].

Картины американской жизни, нарисованные Синклером с потрясающей достоверностью, подчас натуралистической дотошностью, постоянно вызывали у Толстого ассоциации с российской действительностью: все те же бойни, все та же нищета

---

[18] *Sinclair U. B.* The Jungle. New York: Doubleday, Page & Co, 1906.

рабочих, и пьянство – как единственный выход. Эта тема, как известно, была подвластна и его перу. И конечно, он не мог не чувствовать искренней преданности автора рабочим, его глубочайшего сочувствия их безрадостной доле. Незадолго до выхода в свет романа Синклера Толстой работал над статьей «Рабство нашего времени», в которой развил темы, затронутые в трактате «Так что же нам делать?». 13 марта 1900 года он размышляет о статье в своем дневнике: «О 36-часовом рабочем дне, кажется, выйдет. Главное, будет показано, что теперешнее предстоящее освобождение будет такое же, какое было от крепостного права, то есть что тогда только отпустят одну цепь, когда другая будет твердо держать. Невольничество отменяется, когда утверждается крепостное право. Крепостное право отменяется, когда земля отнята и подати установлены; теперь освобождают от податей, когда орудия труда отняты» (54, 10–11).

Параллели между статьей Толстого и романом Синклера, носящим документально-публицистический характер, вполне очевидны. Джек Лондон отзывался о «Джунглях» как о «Хижине дяди Тома» рабов наемного труда: «Что “Хижина дяди Тома” сделала для черных рабов, то же “Джунгли” имеют возможность сделать для рабов наемного труда»[19]. Синклер с документальной убедительностью повествует о тяжкой доле простых неграмотных рабочих, в прошлом – крестьян, прибывших из Восточной Европы, привыкших с детства к тяжелому физическому труду. Толстой в статье «Рабство нашего времени» анализирует сложившуюся ситуацию: «И потому в вопросе о том, почему рабочие в городах находятся в бедственном положении, заключается прежде всего вопрос о том, какие причины выгнали этих людей из деревни, где они или их предки жили и могли бы жить и у нас в России и теперь еще живут такие люди, и что пригнало и пригоняет их против их желания на фабрики и заводы» (34, 157).

---

[19] Цит. по: *Harris L.* Upton Sinclair: American Rebel. New York: Th. Y. Crowel Co, 1975 cop. P. 81.

Социалистические мотивы Синклера были чужды Толстому, хотя Синклер, выступая с проповедью социалистической доктрины как новой религии человечества, основанной на буквальном воплощении всех христианских заповедей, был против революционного преобразования жизни. Тем не менее его вера в социалистические идеалы была почти абсолютной, он был даже уверен, что «сам Уитмен <...>, будь он сегодня жив, призывал бы своих соотечественников голосовать за социалистический список»[20], а Толстого, как и Бьернсона, Метерлинка, Зудерманна, Гауптмана, Ибсена, Золя и Горького, причислял в статье 1904 года к писателям социалистическим.

Толстой очень трезво оценивал все социалистические лозунги. Он понимал, что за этими лозунгами, провозглашенными Синклером в романе [21], стоит насилие в той или иной форме.

Толстой воспринял роман так же, как и большинство русских читателей (роман был переведен на русский язык в 1906 году), которые увидели в романе призыв к изменению существующих порядков. Но в то же время он был близок к восприятию книги американцами, которые были потрясены сенсационными разоблачениями Синклера: «...главной целью Синклера было изображение хаоса и разврата, порождаемых капитализмом среди новых иммигрантов. Единственным выходом из этой бездны отчаяния была, с точки зрения Синклера, социалистическая партия, партия, которую он хорошо знал и понимал и которой посвятил свою книгу и свои силы, партия, ориентированная на реформы, через которую Юргис обретает политическое спасение в конце романа»[22].

---

[20] Писатели США о литературе. М.: Прогресс, 1982. Т. 1. С. 225.

[21] «И тогда начнется непрекращающееся могучее движение, неотразимый всепоглощающий прилив – объединение возмущенных рабочих Чикаго под нашими знаменами! Мы организуем их, мы обучим их, мы поведем их к победе! Мы сломим наших противников, мы сметем их с нашего пути...» (*Sinclair U. B.* The Jungle. New York: Doubleday, Page & Co, 1906).

[22] *Sinclair U. B.* The Jungle / With an Introduction and notes by James R. Barrett. Urbana; Chicago: University of Illino is Press, 1988 cop. P. XXVII.

Толстой хоть и был тронут искренним сочувствием Синклера положению рабочих-иммигрантов, его точки зрения на сложившееся положение не разделял. «Все кричат о шаткости нашего общественного строя, об исключительном положении, о революционном настроении. Где корень всего? На что указывают революционеры? На нищету, неравномерность распределения богатств. На что указывают консерваторы? На упадок нравственных основ. Если справедливо мнение революционеров, что же надо сделать? Уменьшить нищету и неравномерность богатств. Как это сделать? Богатым поделиться с бедными», – писал Толстой еще в 1882 году, в статье «О переписи в Москве» (25, 174). За почти два десятилетия у него была возможность философского осмысления положения рабочих в городах, знакомства с сочинениями известных экономистов, и в статье «Рабство нашего времени» он резюмирует: «Бедственность положения фабричного и вообще городского рабочего не в том, что он долго работает и мало получает, а в том, что он лишен естественных условий жизни среди природы, лишен свободы и принужден к подневольному, чужому и однообразному труду» (34, 157). Таким образом, если Синклер ищет конкретный выход из сложившейся ситуации, то Толстой смотрит гораздо глубже и ищет причину трагедии, ее корни, а причина – в уходе от «естественных условий жизни».

Кроме книги «Джунгли» в библиотеке Толстого хранятся два номера американского журнала социалистической ориентации *Wilshire* за сентябрь и октябрь 1909 года, по всей видимости просмотренные и прочитанные Толстым. В сентябрьской тетради журнала помещен манифест-обращение со страстным призывом против войны. В октябрьском номере журнала помещена одноактная пьеса Синклера *The Second Story Man*[23], как бы продолжающая тему «Джунглей»: в ней представлена трагическая судьба Джима Фарадея, промышленного рабочего, потерявшего не только здоровье, но жену и детей. В этой короткой пьесе Синклер словно

[23] Willshire's Magazine. New York. 1909. № 9. P. 7

показывает альтернативу пути Юргиса: если не солидарность и единение всех рабочих, то моральная опустошенность и физическая деградация личности. Но, казалось бы, физически и морально сломленному Д. Фарадею удается на какое-то мгновение возвыситься над виновниками его трагедии и выступить в роли обличителя.

Т. Рузвельт по поводу выхода в свет романа «Джунгли» обратился к Э. Синклеру с письмом, в котором пытался нравоучительно наставлять молодого писателя, считая, что сравнение его в некоторых рецензиях с Горьким, Золя и Толстым совсем не является комплиментарным, особенно учитывая, что «Крейцерова соната» «могла быть написана только морально нездоровым человеком»[24]. Но мнение Э. Синклера о Толстом, безусловно, расходилось с тем, что думал о великом писателе Т. Рузвельт.

Диалог Толстой–Синклер не ограничивается пределами 1906–1909 годов, и процесс их взаимосвязей следует рассматривать в перспективе того, что М. М. Бахтин называл «большим временем». И в контексте «большого времени» он выглядит полнокровным и продолжавшимся вплоть до 1960-х годов. В формат этого продолжавшегося не одно десятилетие диалога можно отнести и попытку Синклера создать земледельческую коммуну в Нью-Джерси, почти совсем по Толстому, «среди естественных условий жизни природы» (отправляя свою книгу Толстому в марте 1906 года, Синклер уже конкретно размышлял о создании в Нью-Джерси земледельческой колонии Helicon Hall, которая просуществовала с ноября 1906 года по март 1907 года, когда пожар разрушил главный дом), и его статью о Толстом 1960 года, в которой он с высоты прожитых лет писал о значении русского писателя в его жизни: «Он любил справедливость, и он жалел людей, вслепую бредущих в поисках счастья. Он избежал участи быть свидетелем двух самых ужасных войн за всю историю человечества.

---

[24] *Harris L.* Upton Sinclair: American Rebel. New York: Th. Y. Crowel Co, 1975 cop. P. 87.

Он стал частью моей души, и он наблюдал эти события моими глазами, выстрадал их моим сердцем, взывал моим голосом и моим пером»[25]. Таким образом, Синклер, пережив эволюцию мировоззрения, перейдя на более консервативные позиции, не изменил своего отношения к Толстому с тех пор, как в 1906 году отправил в далекую Ясную Поляну свою книгу с трогательной дарственной надписью.

* * *

Тема ужасающей нищеты в больших промышленных центрах Америки была Толстому в какой-то степени знакома и по книге американского общественного деятеля, социалиста, писателя Роберта Хантера «Бедность» (*Hunter R.* Poverty. New York; London: MacMillan Company, 1904). На этой книге дарственная надпись автора: «To my friend Count Leo Tolstoi with the author's love» («Моему другу графу Льву Толстому с любовью от автора». В яснополянской библиотеке имеется еще один экземпляр этой книги на английском языке, 1905 года издания, с пометами Л. Н. Толстого, а также есть книга: *Hunter R.* Socialists at Work. New York: MacMillan Company, 1908.

В 1906 году Роберт Хантер с большим энтузиазмом приветствовал выход книги Э. Синклера «Джунгли». А еще раньше, 29 июня 1903 года, Роберт Хантер и его жена Каролина побывали у Толстого в Ясной Поляне. Толстой с большой благосклонностью принимал супругов Хантер, а также английского искусствоведа Сиднея Кокреля, сопровождавшего их. В письме к П. А. Буланже от 30 июня 1903 года Толстой пишет: «Вчерашние американцы были серьезные, религиозные люди, и я рад был общению с ними» (74, 150).

Согласно оставленным Сиднеем Кокрелем запискам о посещении Толстого, они много беседовали о литературе, Толстой интересовался Рёскиным и Уильямом Моррисом, секретарем которого являлся Кокрель. Роберт Хантер был интересен Толстому и как друг Эрнеста Кросби. В письме к В. Г. Черткову от 30 июня

[25] Толстой и зарубежный мир. Кн. 1. С. 287.

1903 года Толстой сообщает: «Вчера у меня был некто M-r Hunter с своей женою. Они американцы, и очень мне полюбились за свое искреннее религиозное стремление жить по-божьи» (88, 300). О приезде Роберта и Каролины Хантер Толстой в этот же день сделал запись и в своем дневнике. Хантеры прибыли к Толстому довольно подготовленными. Как следует из письма Э. Моода, они ознакомились с трактатом «Так что же нам делать?» и другими произведениями Толстого «с большим интересом и сочувствием». В этом рекомендательном письме Моода от 9 июня 1903 года говорится: «Господин Хантер давно уже связан с работой, которой занимается госпожа Джейн Аддамс в Чикаго, – работой, чрезвычайно высоко оцененной всеми американскими реформаторами»[26]. В этом же письме Моод сообщает, что Роберт Хантер – это американец, который «в течение последних 10 лет направляет свои усилия на ликвидацию бездны между богатыми и бедными». Сам Роберт Хантер писал Толстому 3 июня 1903 года: «Мы с женой прочитали многое из того, что Вы написали, с глубочайшим интересом, и все это для нас настолько жизненно важно, что мы решили приехать в Россию, чтобы встретиться с Вами, если это возможно»[27]. Далее он сообщал Толстому, что в течение десяти лет мечтает увидеться с ним более, чем с кем-либо из ныне живущих людей. На конверте помета Толстогосиним карандашом: «Отв. 3 июня».

Спустя два года, в 1905 году, Толстой получил книгу Р. Хантера *Poverty*[28]. В письме к Толстому от 1 августа 1905 года Хантер пишет:

---

[26] Отдел рукописей ГМТ. 221/89.

[27] Там же.

[28] Интересно отметить, что в первой главе Хантер приводит философские размышления У. Д. Хоуэллса о Толстом, к которым мы уже обращались: «То, что сделал Толстой, просто чудесно. Как дворянин он не мог бы сделать ничего больше. Для дворянина с таким аристократическим происхождением отказаться от того, чтобы на тебя работали, настоять на том, чтобы все делать своими руками, разделять по возможности нужду и труд крестьян, которые до недавнего времени были классом рабов, является величайшим поступком. Но разделить их бедность для него невозможно, потому что бедность – это не недостаток вещей или продуктов, а страх нужды. А этого Толстой не мог знать».

«Я беру на себя смелость послать вам свою книгу “Бедность”. <...> Я боюсь, что Вы можете не согласиться со мной в средствах, которые я предлагаю, но я предлагаю их, как Вы увидите сами, только приблизительно. Они, однако, социалистические, поэтому я боюсь оказаться в оппозиции Вашим взглядам. Тем не менее, за исключением этой части, книга может дать Вам некоторое представление о тяжелом положении <рабочих> в больших городах нашей страны»[29]. На конверте этого письма запись простым карандашом рукой Толстого: «Найти книгу On Poverty»[30].

В письме к американскому писателю от 21 августа 1905 года Толстой сообщает: «Я получил и только просмотрел вашу книгу, но прочту ее. Эта тема всегда возбуждала и возбуждает во мне величайший интерес. Я с большим удовольствием вспоминаю ваше и г-жи Хантер посещение и рад был узнать о вас» (76, 19). В письме к Толстому от 6 октября 1905 года Хантер пишет: «Я также слышал от моих дорогих друзей Инглиша Уоллинга и Карлейля Кокреля, что вы хорошо думаете о моей книге и хотели бы, чтобы она была по возможности переведена на русский язык. Мне трудно вам объяснить, как счастлив я, что выполнил работу, которая отмечена вашим одобрением. Ваши идеалы, творчество и жизнь вдохновляют меня с тех пор, как мальчиком семнадцати лет я собрал вокруг себя группу молодых людей, чтобы прочитать им одно из ваших сочинений о проблемах жизни. Эта книга, несомненно одна из ваших лучших, помогла мне определить направление всей моей жизни»[31].

В своей книге Роберт Хантер пытается исследовать бедность как социальное явление в Соединенных Штатах, описывая все бедствия, порожденные нищетой значительной части населения страны. Первостепенной задачей автор считает принятие определенных социальных мер по предотвращению окончательной деградации и даже гибели миллионов несчастных, балансирующих на грани крайней нищеты. В письме к Толстому от 6 октября 1905 го-

---

[29] Отдел рукописей ГМТ. 221/89.
[30] Там же.
[31] Там же.

да он рассказывает о своей книге: «У меня был страх, что вы найдете книгу неинтересной и слишком исследовательской. А я никогда не мог найти слов, чтобы выразить мою печаль по поводу нищенского положения многих тысяч друзей, чью нужду и отчаяние я принужден был увидеть, но ничем не мог облегчить их участи. Моим желанием было заставить других увидеть и почувствовать то, что я увидел и почувствовал и что заставило меня писать "Бедность". Поэтому для меня является огромным удовлетворением, что вы это увидели и почувствовали, и что вы заставите других это увидеть и почувствовать»[32].

Толстой внимательно просматривает, прочитывает книгу[33], оставляет пометы на страницах седьмой главы («Заключения»). На с. 334 отчеркивает весь текст, где говорится о коррупции политических институтов, а на с. 335 Толстого привлекает рассуждение автора о предсказании французского социалиста-утописта, весьма скептически относившегося к достижениям цивилизации: «Шарль Фурье, возможно, был прав, когда предсказал сто лет назад, что "огромные акционерные компании, призванные монополизировать и контролировать все отрасли промышленности, торговли и финансов, создадут промышленный или коммерческий феодализм, который будет контролировать общество посредством капитала"...» Толстой, вероятно, знал, что в «социальной науке» Фурье богатство для всех членов общества обеспечивалось ростом производительности труда, но это могло стать возможным лишь тогда, когда на смену строю цивилизации, искажающему естественное в человеке, приходит высший общественный строй, – строй гармонии[34]. Но это – в социальных утопиях, а в практической жизни реальные «достижения» цивилизации – бедность, нищета, безработица...

---

[32] Там же.

[33] *Hunter R.* Poverty. New York: The MacMillan Co, 1904.

[34] В письме к Джону Кенворти от 8 июля 1894 г. Толстой с сожалением замечает: «Какие глубокомысленные и добрые начинания С. Симона, Фурье, Прудона, Robert Owen'a и сотни основателей общин в Америке, и что осталось от них» (67, 169).

На с. 337 Толстой отчеркивает статистические данные количества нищих и безработных в Америке. Д. П. Маковицкий в своих «Записках» отмечает 7 марта 1906 года: «*Л. Н.*: Hunter в книге "On Poverty" пишет, что в Соединенных Штатах 10 миллионов людей бедных. Описывает, сколько должен зарабатывать американец, чтобы иметь соответственную пищу, без которой он будет считаться бедным (голодным). Для этой работы, какую он должен делать, требуется пища другая (мясо, виски). Русскому на щах, хлебе той работы не сделать. Русский, у которого есть щи и хлеб, еще не считается голодающим, американец – да. Бедность относительная»[35].

Хантер затрагивает и тему иммиграции, которая особенно остро звучит в «Джунглях» Э. Синклера; на с. 337 Толстым отчеркнуто: «Около 500 000 иммигрантов мужского пола прибывают ежегодно и ищут работу в тех самых районах, где безработица особенно велика».

Как всегда это бывало у Толстого, синтез художественного и публицистического создавал в его сознании картину подлинного положения вещей. Книга Р. Хантера «Бедность» отчасти подготовила Толстого к восприятию романа Э. Синклера «Джунгли». На с. 337 Толстой подчеркивает: «...и около 10 миллионов людей, живущих сегодня, умрут преждевременно от туберкулеза, если существующее положение сохранится». На этой же странице он отчеркивает: «Почти половина семей в стране не имеют никакой собственности». Все это было хорошо знакомо Толстому по картинам нищеты в городе и деревне. Все это было изучено, исследовано им еще в 80-е годы, во время переписи населения в Москве. Теперь у него могли возникать только параллели убожества существования бедного человека в России и далеко за океаном и, конечно, глубочайшее сожаление. Д. П. Маковицкий отмечает 17 октября 1906 года: «*Л. Н.*: Книга Hunter "On Poverty" – добросовестное исследование. Точное определение пролетариата. Недостаточно одетые, кое-как ютящиеся, недостаточно питающиеся, чтобы исполнять

---

[35] *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 2. С. 69.

требуемую в Америке работу – тяжелую, напряженную (8–10 часов). Русские мужики были бы, если бы от них требовалась такая работа, все пролетариями...»[36].

В статье «О переписи в Москве» Толстой так разрешает проблему бедности: «Приди один человек в сумерки к Ляпинскому ночлежному дому, когда 1000 человек раздетых и голодных ждут на морозе впуска в дом, и постарайся этот один человек помочь им, и у него сердце обольется кровью, и он с отчаянием и злобой на людей убежит оттуда; а придите на эту тысячу человек еще тысяча человек с желанием помочь, и дело окажется легким и радостным. Пускай механики придумывают машину, как приподнять тяжесть, давящую на нас, – это хорошее дело, но пока они не выдумали, давайте мы по-дурацки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христиански налегнем народом – не поднимем ли? Дружней, братцы, разом!» (25, 180).

Толстому весьма импонировало серьезное отношение Хантера к предмету своего исследования, точность, аккуратность в изложении фактов. Для него книга стала полезным источником информации, статистических данных – «серьезная, интересная книга»[37].

Согласно «Яснополянским запискам» Д. П. Маковицкого, 29 апреля 1908 года Толстой получил еще одну книгу Хантера, *Socialists at Work* (New York: MacMillan Company, 1908): «Л. Н. читал ее и принес пришедшим к чаю; хвалил, что очень хорошая книга. Прочел вслух вступление о размахе социализма. Рекомендовал Татьяне Львовне читать эту книгу. Кто-то сказал, что Hunter с женой был у Л. Н. *Михаил Сергеевич*: Он сочувствует социализму? *Л. Н.*: Как же! Социализм прекрасен, только это (у Hunter'а) такая каша! Как сделать, чтобы распутать это? Экономический вопрос связывает все государства: тут и Китай, и Индия»[38]. На следующий день, по свидетельству Маковицкого, разговор о социализме был

---

[36] Там же. С. 272.
[37] Там же. С. 198.
[38] Там же. Кн. 3. С. 74.

продолжен, Толстой интересовался разницей между Бернштейном и Марксом, читал «ученых социалистов». 20 мая 1908 года Д. П. Маковицкий отметил, что Лев Николаевич «читал в Брокгаузе про Маркса и желал бы читать подробнее и новее; т. к., если что скажешь против социализма, отвечают, что это устарело, новые с этим не согласны»[39].

Так получилось, что последней статьей Толстого была статья «О социализме», над которой он работал в сентябре–октябре 1910 года. В статье, размышляя о «наилучшей с экономической точки зрения» форме жизни общества, Толстой пишет, что жизнь «и семейная, и общественная, и политическая, и международная, и экономическая складывается, складывалась и должна складываться никак не на основании выведенных из наблюдения общих объективных законов, провозглашаемых разными теоретиками в политическом устройстве народов и в области экономической, разными Марксами, Энгельсами, Бернштейнами и т. п., а всегда только на основании совершенно другого, одного для всех людей закона жизни, провозглашенного с древнейших времен и Браминами, и Буддой, и Лао-Тце, и Сократом, и Христом, и Марк Аврелием, и Эпиктетом, и Руссо, и Кантом, и Эмерсоном, и Чанингом, и всеми религиозно-нравственными мыслителями человечества» (38, 427).

По мысли Толстого, религиозно-нравственный закон, не предвосхищая никаких форм жизни, требует от людей только одного – воздержания от поступков, противных этому закону. Он твердо убежден, что только следование этому закону приведет ко всем тем благам, которые обещают социалистические учения. Толстой считает, что, отнимая у себя произведения труда посредством полиции, армии, люди заблуждаются, не понимают обмана. И тут Толстой подвергает серьезному сомнению то, что Э. Синклер в своем романе рассматривает как выход из сложившегося обмана: «Что же проповедуют социалистические учения для того, чтобы

---

[39] Там же. С. 98.

избавиться от этого обмана? Всякого рода соединения во имя выгод рабочих: кооперации, стачки, распространение социалистических учений. Но разве все эти меры могут уничтожить тот обман, посредством которого одни люди находят нужным обманывать других, а другие подчиняться этому обману» (38, 429).

Толстой прекрасно понимает, что «устроители общества» никогда не смогут прийти к согласию, к единому пониманию наилучшего, идеального устройства общества. Он выстраивает порочный замкнутый круг – «несогласие–насилие–обман» и выходом из него видит только одно: «...соединение всех людей в одном общем всем законе жизни, из которого вытекало бы и устройство общественной жизни. И закон этот есть и сразу уничтожает ту главную причину существующего зла, заключающегося в обмане, вследствие которого люди насилуют самих себя и дают возможность капиталистам отнимать у работников произведения их труда» (38, 430).

Главной причиной несправедливого экономического устройства жизни, по Толстому, является насилие; избежать его применения можно только путем следования религиозно-нравственному закону, который не допускает насилия человека над человеком и которого, как отмечает Толстой, придерживались многие американские писатели, религиозные и общественные деятели.

Глава 9
Американская утопия

Утопии – это бумажные цветы, вырезанные и раскрашенные их авторами.

Феликс Адлер

Карта мира, не включающая Утопии, не стоит и взгляда.

Оскар Уайльд

Утопизм есть постоянный и неизбывный соблазн человеческой мысли, ее отрицательный полюс, заряженный величайшей, хотя и ядовитой энергией.

Георгий Флоровский

В этой главе речь пойдет об отражении американской утопии в художественных и документальных текстах американских писателей и о прочтении их Толстым[1].

Начиная с середины 1880-х годов и вплоть до ухода из Ясной Поляны в 1910 году Толстой поддерживал тесные связи с американскими религиозными писателями. В этот период он получал огромное количество книг и периодических изданий из Америки, благодаря которым познакомился с произведениями многих американских писателей, философов, общественных деятелей,

---

[1] Некоторые аспекты этой темы затрагивались в работах: *Sokolow J. A., Roosevelt P. R.* Leo Tolstoi's Christian Pacifism: The American Contribution. Pittsburgh, 1987; *Fodor A.* The Acceptance of Leo Tolstoy in the United States // Research Studies. Montreal. 1977. № 45; *Fersen N.* Tolstoy and Shakers // Notes of the Russian Academic Group in the U. S. A. New York, 1979; *Gifford H.* New Essays on Tolstoy. S. L., 1978; *Gustafson R.* Leo Tolstoy: Resident and Stranger. Princeton, 1986; *Whittaker R.* Tolstoy's American Disciple: Letters to Earnest Crosby, 1894–1906 // TriQuarterly-98.

близких ему по духу. У Толстого был самый живой интерес к американской истории, культуре, искусству, литературе, традициям и особенно к американскому религиозному движению. 9 августа 1890 года Толстой писал своей единомышленнице М. А. Шмидт об огромном практическом христианском движении в Америке, которое во многом совпадало с его представлением о практическом христианстве: «В Америке происходит, на мой взгляд, огромное движение христианское, практическое, которое короче всего определить стремлением ко всеобщему братству. Я получаю все больше и больше писем, статей, книг в этом направлении» (65, 144).

Особенный интерес Толстого к американской религиозной общине можно объяснить желанием написать статью «О 1000 верах». Не случайно он замечал об американском религиозном движении в одном из писем: «очень мне хочется написать о нем то, что я о нем знаю и думаю» (64, 314). Толстой специально интересовался многими американскими общинами: шейкерами, квакерами, христианскими сциентистами, универсалистами, спиритуалистами, перфекционистами, общиной Всеобщего блага, а также такими писателями, как Э. Баллу, М. Б. Г. Эдди, Л. Мэллори, А. Стокхэм и, конечно, У. Л. Гаррисон, Г. Д. Торо, Т. Паркер и другие. За каждой религиозной группой, как правило, стоял видный писатель или журналист, как, например, Э. Баллу, А. Холлистер и Ф. Эванс, М. Б. Г. Эдди, А. Стокхэм, Дж. Гибсон, Т. Л. Харрис и другие, которые отправляли свои сочинения в библиотеку Л. Н. Толстого, и он их внимательно читал, оставлял пометы на полях и впоследствии использовал для «учительных» книг афоризмов, а также для работы над «Крейцеровой сонатой», «Воскресением» и другими произведениями.

Бесчисленное количество писем, статей, книг религиозного содержания, которые Толстой начинает непрерывно получать с конца 80-х годов из Америки, все больше и больше приводят его к мысли о написании статьи «О 1000 верах». Вот его дневниковые записи. 25 ноября 1888 года: «Century читал: траписты в Америке. Ведь каждый из этих 200 братий, пошедший на молчание и труд,

в 1000 раз больше философ, чем не говорю уже Гроты и Лесевичи, а Канты, Шопенгауэры и Cousin'ы!» (50, 5). 6 июня 1889 года: «Опять письма из Америки» (50, 92). 19 июня 1889 года: «Из Америки о non-resistance* очень интересное» (50, 97). 19 августа 1889 года: «Письмо из Америки от сциентиста Дэвиса» (50, 123). 3 октября 1889 года: «встал очень рано, совсем не выспавши[сь]. 1). Универсалисты, 2). Унитарьянцы, 3). Квакеры нового толка с 36 года – 4). Большинство спиритуалистов, 5). Сведенборгиане, 6). Шекеры, 7). Зоариты, 8). Спиритуалисты, держащиеся своих церквей, и наконец 9). Broadchurch**, кот[орой] представитель от Hebert Newton, все это одно и то же. Все это идет к practical Christianity, к всемирному братству и признак этого non-resistance» (50, 153). Запись говорит о серьезности намерения Толстого писать о религиях Америки. Он классифицирует религиозные направления, находит в них объединяющее начало – непротивление. Продолжим чтение дневниковых записей. 16 сентября 1890 года: «Письмо сочувствен[ное] из Америки» (51, 89). 30 октября 1890 года: «Письма из Америки. Globe критика, Dole, и прекрасное письмо от женщины редактора Alfa» (51, 98). Толстого радовало такое оживленное сообщение с Америкой, и в письме к Д. А. Хилкову от 3 августа 1890 года он замечает: «Много я получаю писем и статей – все больше из Америки, – показывающих то, что мы не одни, а что близко, при дверях, и сердце радуется» (65, 135).

В эти же годы Толстой получает книги о шейкерах, у него завязывается переписка с А. Холлистером, историком этой секты. Одна из первых записей о чтении шейкерской литературы относится к 22 мая 1889 года: «читаю о шекерах» (50, 84). 16 февраля 1890 года он читает статью Ф. У. Эванса, старейшины общины шейкеров, о столетии Американской республики. 18 марта 1891 года Толстой заносит в дневник: «Читал "Autobiography of a shaker". Много прекрасного» (52, 21). Книга эта написана Эвансом. Ее экземпляр

---

* Непротивление (*англ.*).

** «Широкая церковь» (*англ.*).

хранится в яснополянской библиотеке. Вернемся к дневнику Толстого. 29 сентября 1889 года: «И еще письмо от шекера и брошюр[ы] их» (50, 149). 18 октября 1889 года: «Написал и шекерам» (50, 158). 18 апреля 1890 года: «Письмо хорошее от шекера Holister'a» (51, 37). 2 августа 1890 года: «Другое от шекера Holister: радование на послесловие, одобрение его и прекрасные рассуждения» (51, 70–71); 20 декабря 1890 года: «Нынче опять от шекеров Holister'a об апокалипсисе». 25 декабря 1890 года: «Письма от шекеров хорошие» (51, 115). А. Холлистер, с которым Толстой состоял в переписке, прислал ему книгу «Краткое изложение истории тысячелетней церкви...» (A Summary View of the Millennial Church, or United Society of Believers, (Commonly Called Shakers). Albany: Packard & Van Benthuysen, 1823). Эту и другие книги о шейкерах, отрицавших брак и придерживавшихся безбрачия, общности имущества, обязательного труда и удаления от мира, Толстой читал в период работы над пятой, законченной редакцией повести «Крейцерова соната» (27, 571). Как отмечено в комментариях к двадцать седьмому тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, результатом знакомства с учением шейкеров, укрепившим Толстого в его воззрениях на брак и целомудрие, стало появление в рукописи № 5 фразы: «– А вы знаете, я убедился, что шекеры правы. – Какие шекеры? – Шекеры, американская секта, проповедующая безбрачие, утверждающая, что Христос был не женат и что Христа не может быть женатого» (27, 572).

Шейкеры появились и утвердились как церковь в Америке в 1792 году. Толстого они привлекали своим пацифизмом, непротивлением злу, этикой физического труда. «И Толстой и шэкеры были провидцы. Толстой был провидец с мечтой, единым видением, но без видений в мистическом смысле слова, он доверял только одному – силе своего разума»[2]. Толстой в письме к А. Холлистеру от 18 октября 1889 года отмечал: «Теперь получил ваши

---

[2] *Fersen N.* Толстой и шэкеры // Записки русской академической группы в США. Т. 12. New York, 1979. P. 174.

книги, трактаты и письмо, прочитал все это и благодарю вас. Все это подкрепляет мой взгляд на брак, излагаемый в книге, которую сейчас кончаю. Я думаю, что идеалом христианина всегда было и должно быть полное целомудрие, и очень ценю ваши книги на эту тему» (64, 320–321). Но Толстой далеко не во всем был согласен с учением шейкеров, и в этом же письме он пишет: «...но вы верите в две вещи, в которые я никогда не смогу уверовать и в которые вам не следовало бы верить: во-первых, в *святость* всей Библии, включая Ветхий Завет и послания и откровения матери Анны[3], и во-вторых, в воплощение духов. Истинное откровение Божие содержится лишь в словах Иисуса, которые приведены в Евангелиях, и только они могут руководить нами». И в других письмах Холлистеру он подчеркивает: «...вполне согласен с вашим образом жизни, но не с вашей теорией, особенно относительно духов» (65, 240). А в письме к автору книги «Автобиография шейкера» (*Autobiography of a Shaker*) Толстой продолжает тему несогласия с некоторыми аспектами учения шейкеров, которые открылись из присланных ему книг и брошюр: «Есть только один вопрос, который мне хотелось бы вам поставить. Вы, насколько я знаю, непротивляющиеся. Каким же образом вы удерживаете хотя бы и общинную, но все-таки собственность? Считаете ли вы допустимым для христианина защищать собственность от посягателей на нее?» (65, 241). Так Толстой «экзаменовал» Эванса, как и других своих заокеанских единомышленников, воспринимая «принцип непротивления, главную черту истинного христианства», бескомпромиссно, в его буквальной сути. По свидетельству самого Толстого, некоторые статьи о религии шейкеров он читал в американском журнале *World Advance*

[3] Толстой, видимо, читал книгу: Testimonies of the Life, Character, Revelations and Doctrines of Mother Lee, and the Elders with Her, Through whom the Word of Eternal Life was Opened in this Day, or Christ's Second Appearing: Collected from Living Witnesses, in Union with the Church. 2-nd Ed. Albany (N. Y.): Weed, Parsons & Co., 1888. На книге имеется дарственная надпись одного из старейшин общины.

Thought; многочисленные экземпляры журнала хранятся в его личной библиотеке. В письме к Эвансу он интересуется подробностями о журнале: «Кто его издатель и как давно он основан? Соглашаюсь со всеми его религиозными взглядами. Очень люблю этот журнал» (65, 242). Редактором этого журнала была американская писательница и журналистка Люси Мэллори, автор статьи «Вождь человечества» в «Международном толстовском альманахе»[4].

Основательница и руководительница секты «Христианская наука» Мэри Б. Эдди регулярно присылала Толстому свои книги и брошюры. Всего в яснополянской библиотеке их шесть. 30 августа 1890 года Толстой записывает в дневнике: «Читал все Christian Science. Много хорошего, но очень неясно, легкомысленно, женски» (51, 84). Алиса Стокхэм в своей книге о Толстом писала: «Особенно он интересовался религиозными сектами, которые объявляли себя радикально настроенными за мир. Он расспрашивал об унитарианцах, универсалистах, сциентистах, сведенборгианцах и других новых сектах и был удивлен и огорчен, что учению о непротивлении придавалось в них небольшое значение»[5]. Мэри Эдди предпочитала направлять свою энергию на распространение метода лечения посредством христианской науки, почти не прибегая к помощи медицины. На одной из ее книг (Christian Science: No and Yes. Boston: The Author, 1889) сохраняются следы чтения Толстого. На с. 35 Толстой загибает уголок, отчеркивает и подчеркивает пять строк, на полях делает запись «NB»: «Сутью человеческой личности является доброта. Если бы сутью человеческой личности было зло, то человек был бы уничтожен, потому что зло саморазрушительно». Но не все его пометы говорят о согласии с автором. Так, на с. 36, в предложении: «Человек – небесное тело; и в духовной вселенной он вечно индивидуален и вечно гармоничен» – подчеркнуто слово «индивидуален», а против него, на правом поле – вопросительный знак.

---

[4] Международный толстовский альманах / Сост. П. Сергеенко. М.: Книга, 1909. С. 108–109.

[5] *Stockham A.* Tolstoi: A Man of Peace. Chicago: Alice B. Stockham, [1900]. P. 49.

Поиск идеальной утопии «практического христианства» Толстой пытался осуществить как в рамках национальной культуры, так и за ее пределами. В нашем случае речь пойдет об американской утопии. Диалог с Америкой, длившийся десятилетия, происходил не только в реальной жизни, но и на страницах писем, дневников, на полях прочитанных книг.

Поиск Толстым американского «практического христианства» в данном случае будет рассматриваться в плане коммуникации, диалога в «большом времени» (М. М. Бахтин), поскольку «любой речевой акт можно в принципе трактовать как вид диалогового взаимодействия – если не актуальный, то подразумеваемый "разговор"»[7].

Хорошо известно, что образцом социального устройства для Толстого являлась русская патриархальная, крестьянская община. Толстой обратился в поисках практического христианства к общинам Америки, где, как известно, не было сословия крестьян, а было нечто совсем иное.

Концепция идеальной общины генетически присуща Толстому. И если разматывать нить интереса Толстого к общинному движению, бесконечному поиску утопии, то в основе окажется детская легенда о «зеленой палочке». Идеал «муравейных братьев», любовно льнущих друг к другу, вырастал в желание записаться, уйти в казаки, принадлежать сообществу, братству, общине. В разные периоды общинный идеал в жизни и творчестве Толстого менялся: «муравейное братство», казачья община, патриархальная русская деревня, движение духоборов, наконец, в 1880–1890-е годы, – американское «практическое христианство», американская община, в реальности – утопия. Идеал формируется в процессе деятельного диалога с миром, с собой. С самого начала интерес Толстого к общине – очень глубокий; в дневнике 8 мая 1856 года он упоминает общину в ряду таких «серьезных истин», «как семейный быт, община, Православие» (47, 70).

---

[7] *Венедиктова Т. Д.* «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 14.

В августе 1865 года в записной книжке Толстой размышляет на тему общины: «Русский народ отрицает собственность самую прочную, самую независимую от труда, и собственность, более всякой другой стесняющую право приобретения собственности другими людьми, собственность поземельную. Эта истина не есть мечта – она факт – выразившийся в общинах крестьян, в общинах *казаков.* Эту истину понимает одинаково ученый русский и мужик – к[отор]ый говорит: пусть запишут нас в казаки и земля будет вольная. Эта идея имеет будущность» (48, 85). Таким образом, идея общины изначально увязывается с отношением к земельной собственности. Эту идею Толстой развивает в «Анне Карениной», в диалоге Левина с братом Николаем. Левин спорит с Николаем об идеальном устройстве общества. В представлении Николая – это чисто американский вариант коммунистической (социалистической) общины: «нет собственности, нет – семьи», он сам называет это «утопией» и считает, что такое устройство «имеет будущность, как христианство в первые века» (18, 370). Свои размышления в записной книжке 1865 года Толстой в 1870-е годы вкладывает в уста Николая в «Анне Карениной». Для Свияжского община «с круговой порукой сама собой распадается» и является «остатком варварства» (18, 353). Левин не может согласиться ни с Песцовым, ни с братом, «который как-то по-своему и признавал и не признавал значение русской общины» (18, 416). Набатов в «Воскресении» – «прежде всего человек общинный» – был впервые арестован за то, что «читал крестьянам книжки и устроил среди них потребительное и производительное товарищество» (32, 392). По своим качествам он вполне вписывается в формат типичного члена общины: «...для общины товарищей он требовал многого и мог работать всякую – и физическую и умственную работу, не покладая рук, без сна, без еды» (32, 392).

Столыпинскую реформу Толстой воспримет исключительно в смысле разрушения традиционной крестьянской общины. Он будет абсолютно уверен, что П. А. Столыпин совершает ошибку, «губит себя», «уничтожая общину» и образовывая «маленькую земельную собственность» (78, 41–44).

Некоторые из религиозных движений, коммун, которыми интересовался Толстой, возникли еще в колониальный период, их количество увеличилось в 1820–1840-е годы, но особенно значительный рост наметился в 1890-е годы, совпав по времени с пристальным вниманием Толстого к практическому христианству в Америке[8].

В американской истории создание коммун религиозного, общественного или политического толка является темой повторяющейся и особенно присущей укладу жизни в Новом Свете. Общины глубокими корнями уходят в американскую историю, многие исследователи в поисках истоков этого явления обращаются к знаменитой метафорической речи Джона Уинтропа 1630 года: «Мы построим Город на Холме, глаза всего мира будут прикованы к нам»[9]. Принимая этику американских религиозных общин, Толстой никогда бы не принял мистического направления их доктрин (видения Анны Ли и пр.), как, впрочем, и идей предпринимательства, жесткого прагматизма, характерных для некоторых общин. Генри Д. Ллойд, реформатор 1890-х годов, полагал, что многие общины достигли большого успеха в своем строительстве: «Только изнутри этих общин было видно, что в пределах бескрайних границ Америки была жизнь, в которой были уничтожены голод и холод, проституция, пьянство, бедность, рабство, преступность, преждевременное старение и смертность, паника и промышленный террор. Если бы они удержали все это хотя бы в течение года, они вполне заслужили бы звания единственно успешного общества на этом континенте, а некоторые из этих общин существуют десятилетия»[10].

Многие исследователи объясняют рост американских коммун взаимодействием таких факторов, как экономическая депрессия,

---

[8] В период 1800–1914 гг. в США образовалось около 260 религиозных общин.

[9] Цит. по: *Fogarthy R. S.* All Things New: American Communes and Utopian Movements 1860–1914. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1990. P. 8.

[10] Цит. по: *Fogarthy R. S.* Dictionary of American Communal and Utopian History. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1980. P. XIV.

многовековые ожидания «золотого века», а также определенная традиция создания религиозных общин. Одни христианские общины были связаны с такими движениями, как аболиционистское и лейбористское, другие, пережив период строгого радикализма, перешли после 1840-х годов к определенной политической активности и управляемому капитализму. История американского христианского строительства включает и всякого рода эксцентризм, и чудачества, и подчас настоящие героические усилия по созданию нового социального устройства, что не может не привлекать внимания историков, культурологов, художников.

Американское общинное строительство, несомненно, является, историческим феноменом и вызывает самый широкий интерес, в этом Толстой оказался не одинок. Не случайно известный английский мыслитель Г. К. Честертон заметил, что американцы – «нация с душой церкви»[11], хотя это невозможно не признать парадоксом, поскольку в Америке впервые в истории церковь законом была отделена от государства. Но, возможно, это как раз и явилось одной из причин, по которым религия играла такую важную роль в развитии американского общества. О религиозности американцев писал и А. де Токвиль: «В Европе есть народы, неверие которых можно сравнить только с их забитостью и невежеством. В Америке же один из самых свободных и просвещенных народов усердно отправляет все религиозные обряды»[12].

Алан Трактенберг отмечал, что значение утопии лежит в основе политических и социальных противоречий в течение всего XIX века: «Представлена ли настоящая Америка своими наиболее успешными гражданами, для которых законы защищали частное предпринимательство – частную собственность и контракт – и позволяли аккумулировать личное богатство? Или утопическая

---

[11] Encyclopedia of American Religious Experience: Studies of Traditions and Movements / Ch. H. Lippy and Peter W. Williams, Ed. New York: Ch. Scribner's Son, 1988 cop. P. VII.

[12] *Токвиль А. де.* Демократия в Америке / Пер. В. П. Олейника и др. М.: Прогресс, 1992. С. 225.

"Америка" требовала для своей реализации нового общественного порядка, отмены частной собственности, появления нации как коллективного целого с равным доступом к богатству и культуре?»[13]

Марк Холлоуэй прослеживает путь предшественников американских утопистов: «В 1798 г. и 1917 г. униженные и угнетенные сбросили власть богатых и сильных мира сего и проложили путь к Царству Божию на земле...»[14]. Убегая от Наполеона, папы и инквизиции, они попадали в руки Лютера и его продолжателей. «Эти извращения учения Христа и идеала утопий на практике оказались очень популярными»[15]. Когда затевается настоящая резня во имя всеобщей любви и братства, никогда не бывает недостатка в волонтерах, – считает Марк Холлоуэй.

Но были и те, кто предпочитал иной путь. Их, естественно, также преследовал мираж рая на земле, но гораздо умереннее. В течение двух тысячелетий люди, принадлежавшие к каноническому христианству, пытались жить в соответствии с заповедями Нагорной проповеди. Некоторые из них организовывали коммуны общинного толка, основанные на предполагаемой практике Апостольской церкви XVII века. Европа была наводнена такими общинами, которые выживали, несмотря на преследования. И когда началась колонизация Америки, огромные потоки членов европейских общин перебрались в Новый Свет в поисках религиозной свободы. Опыт американского общинного строительства показывает, что религиозные колонии были наиболее успешными утопическими общинами. Именно эта категория утопистов была особенно интересна Толстому.

«Напряжение между практическими нуждами и утопическими решениями является главным в понимании общинной

---

[13] *Trachtenberg A.* The Incorporation of America: Culture and Society in the Gilded Age. New York: Hill and Wang, 1982.

[14] *Holloway M.* Heavens on Earth: Utopian Communes in America, 1680–1880. 2nd Ed. New York: Dover Publications, 1966. P. 17.

[15] Ibid. P. 17–18.

традиции в Америке»[16]. Убегая от индустриальных и других проблем в Европе, утопические социалисты пытались разрешить их путем устройства образцовых общин в Америке. Следует отметить, что общинное движение в Америке было «более революционным в отличие от более демократического рабочего движения в Европе»[17].

Дело в том, что американские общины, религиозные и социалистические, сумели почти полностью изолировать себя от традиционного общества. «Вместо того чтобы пытаться изменить общество изнутри парламентской реформой или насильственной революцией, они старались установить модели идеального содружества, представляя примеры, которым последует мир»[18]. Идеалы, к которым они стремились, включали равенство полов, национальностей, цвета кожи, отмену частной собственности, отмену рабства, практику непротивления, уважение соседей, гармонию с природой, усердный труд и совершенствование мастерства. Все это в общем разделялось и ставилось во главу угла Толстым в его поисках утопии.

Изучение этой темы показывает, что по-настоящему успешных коммун, просуществовавших более ста лет, не так много, а точнее – единицы. Некоторые колонии исчезали через несколько месяцев после появления, что, впрочем, входит в условия «игры в утопию». В целом, конечно, все религиозные общины – вегетарианские, социалистические, анархистские – являлись результатом эксперимента заселения американского континента европейцами. Марк Холлоуэй называет эти попытки общинного движения «донкихотскими» и рассматривает историю американских коммун с традициями от Платона до киббутци.

Земля обетованная, «золотой век», «град на холме», рай, утопия – все это представляет вариации мифа, характерного для

---

[16] *Fogarthy R. S.* Dictionary of American Communal and Utopian History. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1980. P. XIII.

[17] *Holloway M.* Heavens on Earth: Utopian Communes in America, 1680–1880. 2nd Ed. New York: Dover Publications, 1966. P. 18.

[18] Ibid.

всего человечества. У каждой цивилизации есть свой «золотой век», своя «утопия». «Если даже рай не был достигнут и утопии не получилось, то тем не менее участники общин честным трудом создали небольшие успешные общественные системы на зависть соседям»[19].

Толстой заинтересовался американскими коммунами в 1880–1890-е годы, которые считаются одним из пиков движения, когда внимание всех слоев общества было приковано к этому явлению; в другие годы общины были любопытны лишь тем, кто по-своему искал духовного обновления и возрождения, а также исследователям. Теоретиков Толстой находил во Франции, Германии, Англии, практическое применение теоретических постулатов он увидел в Америке.

Изучив теорию, создав собственную религиозную доктрину, писатель устремил взор на американский континент в поисках практического применения, реализации теоретических принципов. Интерес оказался взаимным, начал складываться настоящий диалог протяженностью в десятилетия.

Мы употребляем термины *община, коммуна, колония, утопия* в синонимическом ряду, что в данном контексте вполне допустимо.

Вопросы общинного движения Толстой изучает серьезно: читает Роберта Оуэна, Сен-Симона, Томаса Мора, Фурье, особенно интенсивно в апреле 1888 года, о чем свидетельствуют его дневники и письма. 23 апреля 1889 года: «Читал Сен-Симонизм и Фурьеризм и общины» (50, 73). Имя Роберта Оуэна появляется еще на страницах «Яснополянской школы за ноябрь и декабрь месяцы» (8, 89), что говорит о чтении или косвенном знакомстве Толстого с книгой Оуэна *The Book of New Moral World* (1820). В социалистическом общинном строительстве Оуэн явил выдающийся пример создания процветающей коммуны «Новой Гармонии», которая просуществовала совсем недолго. Роберт Оуэн, как и другие создатели общин, обладал импульсом к эксперименту, к новым

[19] Ibid. P. 30.

предприятиям, к освоению новых территорий и вызову традиционному укладу, глубоко укорененному в истории. Многие коммунары в общинах Оуэна считали общинный уклад своего рода экспериментальным и во многом образцовым для последователей из большого светского мира.

Немецкий социолог Карл Манхейм утверждал, что идея утопии всегда определялась идеологией. По Манхейму, утопический склад ума, как правило, стремится произвести нечто новое. Манхейм в градации утопического склада ума особенно выделял либерально-гуманитарный, консервативный и социалистически-коммунистический[20]. Роберт Оуэн, по Манхейму, может быть отнесен к либерально-гуманитарной категории[21]. Согласно Фогарти, все общины, возникшие после Гражданской войны, можно классифицировать по стилю руководства: кооперативные колонисты (Р. Х. Ньютон, Г. Дж. Холиок и др.), харизматичные перфекционисты (самая большая группа, просуществовавшая дольше всех, Т. Л. Харрис – один из ярких представителей) и политические прагматики, представленные широким спектром течений от христианских социалистов до анархистов, пытавшихся найти пространство для апробирования своих идей и принципов[22].

Многие историки общинного движения подчас довольствуются простым делением общин на религиозные и светские, что не всегда оправданно на практике. Толстой интересовался всеми типами общин, читал знаменитую книгу об американских общинах *History of American Socialism*, написанную Джоном Нойесом, одним из самых успешных утопистов, основавшим религиозную общину в Онейде в 1841 году.

---

[20] *Mannheim K.* Ideology and Utopia. London: Routhledge, 1936.

[21] Любопытно, что, согласно этой градации, известный писатель Эдвард Беллами отнесен к консервативной группе, а образование Советского Союза с идеей строительства коммунизма и китайский эксперимент, конечно же, к социалистически-коммунистической.

[22] *Fogarthy R. S.* All Things New: American Communes and Utopian Movements 1860–1914. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1990. P. 17–18.

В контексте размышления об общинах в Америке Толстой периодически возвращается к личности и деятельности Оуэна, даже в последней статье «О социализме» появляется его имя. Писатель называет его реформатором, который думает, что знает «наилучшую форму экономического устройства» (38, 426). «Рабству нашего времени» Толстой предпосылает в качестве одного из эпиграфов слова Оуэна, которые потом включает в «Круг чтения» и «На каждый день»: «Система, по которой действуют все народы мира, основанана на самом грубом обмане, на самом глубоком невежестве или на соединении обоих; так что ни при каких видоизменениях тех основ, на которых держится эта система, она не может произвести добро для людей; напротив – практические последствия ее должны всегда быть зло» (41, 380). Здесь – удивительное совпадение с мыслями самого Толстого, который нашел это высказывание в книге M. Davidson *The Annals of Toil* и сам перевел с английского.

Падение утопической колонии Роберта Оуэна не помешало появлению целого ряда новых – фурьеристских. Шарль Фурье с его обличением пагубного влияния цивилизации на человечество нашел много последователей в Америке, прежде всего в лице публициста Альберта Брисбейна. Зарождавшийся новый промышленный уклад подвергался жесточайшей критике со стороны Фурье и его последователей, считавших, что он не оставляет места творческим устремлениям. Благодаря популяризации идей Фурье Брисбейном в *New York Tribune* в 1842 году, в период с 1842 по 1858 гг. в Америке возникло двадцать девять фурьеристских общин. Знаменитая литературная община Брук Фарм, членов которой высоко почитал Толстой, также перешла в 1843 году на позиции фурьеризма.

Толстой был знаком с идеями Фурье с 1840-х годов, когда он был весьма популярен в России. В неоконченной статье «О задачах педагогии», в развитие темы, он упоминает Фурье в записи: «Фурье-политика» (8, 385). А в вариантах «Анны Карениной» Левин говорит экономке Агафье Михайловне: «– Нет, это фурьеризм. Этого нельзя устроить. Это хотели устроить, но наделали

глупости» (20, 325). В дневнике 21 января 1905 года Толстой упоминает Фурье среди имен Платона, Конфуция, Сен-Симона, которые высказывают «новые идеалы и новые законы» (55, 120). А в своей последней статье он определенно выстраивает в ряд социалистических утопистов, «реформаторов Сен-Симона, Фурье, Оуэна до Маркса, Энгельса, Бернштейна и других» и не находит их учение «наилучшей формой экономического устройства» (38, 426). А что же религиозные утопии? В этот ряд не попал ни один из религиозных реформаторов, отношение к которым у Толстого было иным.

В 1840-е годы американские утопические общины по-настоящему процветали, появилась надежда, что небольшие колонии могут на практике осуществлять большие идеи и влиять на общество в целом.

В Хоупдейле, в Новой Англии, процветала община Эйдина Баллу, с которым Толстой вступил в переписку и вел продолжительный диалог о теории и практике непротивления злу насилием. Как и многие другие лидеры религиозных общин, Баллу был в прошлом универсалистским священником. Хотя на практике община была акционерной компанией фурьеристского толка, Баллу официально называл свою организацию общиной практического христианства, что вызывало неподдельный интерес у Толстого. Тесные отношения были установлены Баллу с соседней общиной Брук Фарм, членами которой были многие известные писатели-трансценденталисты. Идее практического христианства Баллу был привержен начиная с 1830-х годов, он много лет редактировал журнал с одноименным названием (*The Practical Christianity*). И на страницах журнала, и в жизни Баллу проповедовал братство людей, непротивление злу, а все члены его общины были пацифистами и участниками таких кампаний, как борьба против рабства и против пьянства.

Баллу заслужил высокую оценку Толстого своим последовательным пацифизмом и приверженностью идее непротивления, даже во времена Гражданской войны, когда такие радикалы непротивления, как У. Л. Гаррисон, поддерживали насильственные

действия во имя высоких идеалов. Баллу придавал особенное значение практическому христианству в разрешении проблем войны, рабства и пьянства. По сути дела Баллу был одним из зачинателей утопического эксперимента в Америке XIX века. Он был уверен, что счастья и даже святости можно достичь исполнением христианских заповедей и земледельческим трудом. Оставаясь принципиальным членом общины, он отошел от активной деятельности, как только понял, что община становилась все более и более акционерной компанией, ориентированной на бизнес, а утопическая мечта испарялась. Тем не менее постепенно он сумел соединить моральные основы своей альтруистической затеи с деятельностью местной унитарианской церкви, в которой служил до последних лет жизни[23].

В 1890-е годы, после выхода книги Эдварда Беллами «Оглядываясь назад», появилось много общин, вдохновленных его социалистической утопией. Америка обязана Беллами ростом утопического движения, даже, по мнению многих исследователей, его пиком. В романе «Оглядываясь назад» Беллами пытался доказать, что социализма можно достичь мирным путем, посредством кооперации, и говорил о создании новой религии – религии человечества. Разрешив кризис промышленного капитализма художественным путем в романе «Оглядываясь назад», Беллами достиг популярности, сравнимой лишь с повальным увлечением в 1840-е годы Фурье, идеями которого сам он увлекался в юности. Более того, по мнению Карла Гварнери, «полная концепция социализма Беллами, представленная в романе "Оглядываясь назад", несет на себе отметку фурьеризма»[24].

---

[23] В этот же период, в 1840–1850-е годы процветали шейкеры, их общины становились моделями успешного кооперативного предприятия. В соответствии со словарем Р. Фогарти, в период с 1841 по 1850 г. было создано 50 общин, в период с 1850 по 1860 г. была организована еще 41 община. А с 1861 по 1919 г. 142 колонии появились на континенте.

[24] *Guarnery C. J.* The Utopian Alternative: Fourierism in XIX Century America. Ithaca; London: Cornell University Press, 1991. P. 402.

Подобно Фурье, Беллами планировал реконструкцию общества как мирную и добровольную кульминацию исторических перемен. В Америке и Европе создавались клубы Беллами, а из них выкристаллизовывались общины, но сам Беллами никогда не верил, что утопические коммуны могут что-то изменить в обществе, считая, что только путем нравственного самосовершенствования и урны для голосования можно получить реальные изменения. Об этом он не уставал вещать со страниц своего журнала *The New Nation*.

И Эдвард Беллами, и Генри Джордж строили свой образ новой Америки на основе обновленной социальной и политической экономики. Экономист Генри Джордж верил в возможность создания совершенного общества, основанного на христианской этике и проповеди спасения, но, в отличие от Беллами, не доверял государственному социализму. По мнению Фогарти, Беллами как раз принадлежал к тем писателям-утопистам, которые разделяют утопические идеалы не меньше, чем утопические практики. Они все были уверены, что историческое развитие неизбежно приведет нацию к созданию государства на кооперативных началах, что именно в общинах можно на практике осуществлять самые высокие идеалы. «Истинное сообщество может возникнуть, когда человечество сумеет обуздать свои низменные инстинкты, алчность и стремление подчинять себе других»[25].

Между тем социалистические идеи, воплотившиеся на страницах утопического романа, Беллами заимствовал у Лоренса Гронлунда, который выступал в печати и читал лекции о кооперативном движении и который не поощрял создание отдельных общин. Следует подчеркнуть, что большинство колонистов и тех, кто им сочувствовал, читали и Гронлунда, и Беллами, и Джорджа. Одна из книг Гронлунда (Our Destiny: The Influence of Socialism on Morals and Religion: An Essay in Ethics. London: Swan Sonnenschein & Co, 1890) хранится в личной библиотеке Л. Н. Толстого.

---

[25] *Fogarthy R. S.* Dictionary of American Communal and Utopian History. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1980. P. 10.

В феврале 1891 года Толстой увлеченно читает Гронлунда, в дневнике ведет с автором диалог, оставляет длинные записи о прочитанном. Толстой соглашается с ним по экономическим вопросам, что равенство «должно быть экономическое в пользовании, но неравенство в производстве» (52, 9), но не соглашается в вопросах организации общества: «Gronlund полагает основу нравственности в общественности. Образцом, зародышем скорее, настоящего социалистического правительства ставит trade-unions, которые, насилуя личность, заставляя ее жертвовать своими выгодами, подчиняют ее служению общим целям. – Думаю, это неправда» (52, 9). Толстой считает: «Достижение той кооперации, коммунизма, общественности, вместо индивидуализма, получится не от организации, <..> но только от следования каждым из людей незатемненному побуждению сердца, совести, разума, веры, как хотите назовите, закона жизни». И далее для большей убедительности он переходит к излюбленному образу пчел и муравьев: «Пчелы и муравьи живут общественно не п[отому], ч[то] они знают то устройство, кот[орое] для них самое выгодное, и следуют ему, – они понятия не имеют о целесообразности, гармоничности, разумности улья, кочки муравейной, какими они нам представляются; а п[отому], ч[то] они отдаются вложенному в них (мы говорим) инстинкту, подчиняются, не мудрствуя лукаво, а мудрствуя прямо – своему закону жизни. Я представляю себе, что если бы пчелы могли сверх своего инстинкта (как мы называем), сверх сознания своего закона, еще придумывать наилучшее устройство своей общественной жизни, они придумали бы такую жизнь, что погибли бы. В этом одном сознании закона есть нечто и меньшее и большее рассуждения. И только оно дано приводить на тот узкий единственный путь истины, по к[оторому] следует идти человеку и человечеству» (52, 10). В этой дневниковой записи Толстой набросал эскиз своего идеала общежития в связи с чтением Гронлунда.

Чтение книги продолжается и в марте: «Читал хорошую книгу Our destiny Gronlund'a. Все мы идем к той же теме и подходим

к ней с разных сторон и сближаемся. И это радостно» (52, 17). В августе 1891 года Толстой получил от Гронлунда письмо из Вашингтона: «Вам, без сомнения, известно, что имя Ваше здесь всемогуще. Если Вы по совести можете сказать, что идеи мои достойны изучения, то скажите это, и я знаю, что аудитория будет в руках» (66, 34). Толстой незамедлительно ответил автору книги, которая так его увлекла: «Я прочел ее от начала до конца более чем с сильным интересом. Вполне согласен с Вами по двум главным пунктам: во-первых, что нравственность должна быть основой прогресса, и во-вторых, что нравственность истинна только тогда, когда она выражается в усилии установить органическое единство общества, как вы это называете, или – установить Царство Божие на земле, как выражаю я то же самое» (66, 33). Толстой хочет перевести книгу на русский язык, пишет об этом Л. П. Никифорову, посылает ему книгу для перевода. В письме к Никифорову от 4 октября 1891 года замечает: «Если вам не нужна книга Grunland'a, верните» (66, 49). В письме от 3–6 ноября 1891 года пишет тому же Никифорову: «Грёнленда удерживайте, сколько вам нужно, и пришлите мне, когда вам не нужно и в каком хотите виде. Он мне пишет очень хорошие письма и мечтает об устройстве общества социалистов, в основу своей системы полагающих нравственность» (66, 80). Перед этим Никифоров сообщал Толстому, что экземпляр книги Гронлунда, присланный Толстым, увез его знакомый и просил разрешить прислать Льву Николаевичу свой собственный экземпляр. Так получилось, что в яснополянской библиотеке сохранился экземпляр с пометами, вероятно, рукой Л. П. Никифорова, а экземпляр с пометами Толстого исчез.

В 1906 году была организована литературная коммуна под руководством известного писателя Эптона Синклера, вызвавшего своей книгой «Джунгли» безусловный интерес Толстого, но община просуществовала недолго, и Толстому, по всей видимости, о ней ничего не было известно. К сожалению, даже в интеллектуальной общине Синклера не удалось преодолеть «инерцию индивидуализма». Члены общины, в основном университетские профессо-

ра и писатели, не смогли подняться над бытовыми трудностями, заключавшимися, главным образом, в отсутствии прислуги, хотя быт колонии выглядел весьма обустроенным: с бассейном, бильярдом, органом и тропическими растениями в комнатах. Синклер между тем был всерьез увлечен идеей коммуны и в июньском выпуске журнала *Independent* за 1906 год очертил свой план будущей колонии интеллектуалов, которые смогут наслаждаться счастьем кооперативного существования как образчика будущего[26].

В анналах этой колонии – много известных литературных имен, о ней много писали в прессе. В «автобиографии» Синклер отмечал, что колония была типичным явлением своего времени и в ней не было ничего радикального. Коммунары пытались улучшить мир как в духовном, так и в материальном отношении. Возможно атмосфера, царившая в колонии, отчасти напоминала некоторые эпизоды романа Н. Готорна «Счастливый Дол». Синклер и в дальнейшем не переставал интересоваться общинным движением, посещал некоторые коммуны, но свой эксперимент больше никогда не возобновлял.

История американских общин хорошо документирована, причем не только на уровне архивных и публицистических материалов, но и на уровне художественных текстов. Эдвард Беллами, Лоренс Олифант, Натаниель Готорн, Фенимор Купер по-разному представили в своих текстах американскую утопию. Так что у Толстого определенно сложился как документальный, так и художественный образ американской общины, а синтез документального и художественного, как правило, помогает создавать верное представление о предмете. Информация об американских общинах стекалась к Толстому по трем каналам: художественному (тексты произведений), документальному (периодические издания – газеты, журналы), эпистолярному (переписка с американскими писателями и коммунарами). К этому следует добавить непосредственные

---

[26] Helicon Hall Community. Prospectus. Englewood (NJ): Helicon Home Colony, 1906.

встречи с американцами, в ходе диалога с которыми нередко поднималась тема «практического христианства», общинного движения, утопии.

В 1880–1900-е годы Толстой много и напряженно размышлял об общинах, которые для него являлись «образцами истинной жизни, общины монастырские, социалистические» (50, 72), и приходил порой к противоречивым заключениям. Так, в дневнике 22 апреля 1889 года он пишет: «Убедить людей, что бороться с этим и показывать образчик[и] в общинах есть усиление зла и еще больше[е] удаление от предмета. – Нужно одно: самому, каждому приближаться к идеалу по мере света» (50, 72). А 13 октября 1890 года размышляет, опять прибегая к выразительному образу пчел и муравьев: «Человеку прежде еще общины пчелиной и муравьиной надо сознательно дойти до скота, от которого он еще так далек: не драться (воевать) из-за вздоров, не обжираться, не блудить, а потом уж придется сознательно доходить до пчел и муравьев, как это начинают в общинах». И дальше выстраивает характерную иерархию приоритетов: «Сначала семья, потом община, потом государство, потом человечество, потом все живое, потом весь мир, как Бог» (51, 88).

Одной из американских общин, о которых Толстой был широко осведомлен, являлась община Томаса Лейка Харриса. В личной библиотеке писателя хранятся издания религиозных и публицистических сочинений Харриса, в 90-томном собрании сочинений Л. Н. Толстого напечатаны письма, в которых речь идет об этой общине Харриса. Толстой беседовал о ней со многими американцами и англичанами, например Уильямом Стэдом, известным английским журналистом, который знал Харриса в Нью-Йорке. С Харрисом был также знаком американский поэт Эдвин Маркхэм, приславший Толстому книгу своих стихов.

К 1890-м годам Харрис вырос в весьма харизматическую фигуру и производил на многих неизгладимое впечатление. Уильям Стэд называл его «чудесным пророком», подобного которому не было со времен Сведенборга. Харрис действительно был

последователем этого мистика в начале своей религиозной карьеры. Впоследствии он стал выступать за христианский социализм как величайшую надежду человечества, критикуя Карла Маркса за односторонний подход к социалистическому идеалу, за упор на экономику вместо духовного развития общества. Но в своем учении он тем не менее умудрялся соединять Христа и Маркса, заявляя, что Иисус Христос дал человечеству братскую любовь, а Карл Маркс открыл материальный базис для этой любви.

Под влиянием известного спиритуалиста Эндрю Дж. Дэвиса Томас Харрис бросил карьеру пастора универсалистской церкви в Нью-Йорке и в 1848 году организовал независимую христианскую общину, а в 1858 году начал издавать сведенборгианский журнал *The Herald of Light*. Харрис, видимо, имел отношение и к последователям ордена тамплиеров, так как в его архиве хранится некролог, написанный членами ордена.

Начиная со второй половины 1860-х годов о Харрисе писали все периодические издания по обе стороны Атлантики, даже респектабельный журнал *The Church of England Pulpit and Ecclesiastic Review* ставил Харриса в один ряд с Якобом Бёме, Джорджем Фоксом, Эммануилом Сведенборгом.

Своими христианскими проповедями Харрис привлек сотни учеников; среди них особо выделялся Лоренс Олифант (1829–1888), британский аристократ, с 1865 года член парламента, единственный сын лорда Олифанта. В 1852 году он совершил путешествие по России.

Следует отметить, что в 1860-е годы религиозные течения в Америке и Европе зарождались и развивались под несомненным влиянием идей Теодора Паркера, Чарльза Дарвина, спиритуализма. Все это в полной мере испытал на себе Лоренс Олифант, заключив, что христианство «по палестинской модели» не совсем отвечало его требованиям, и как раз в этот переломный момент в его жизни появился Томас Харрис со своей «моделью христианства» и готовыми ответами на вопросы, мучившие Олифанта. Английский аристократ поспешил влиться в ряды колонии

Харриса. «Особенно неожиданным в Харрисе было то, что он не требовал подчинения никакой доктрине, не требовал от своих учеников согласия с ним, кроме необходимости жить христианской жизнью. А это как раз и было мечтой Лоренса с тех пор, как он стал размышлять о смысле жизни»[27], – писала в своих воспоминаниях Маргарет Олифант. Харрис, как этого и следовало ожидать, произвел на Олифанта сильнейшее впечатление. Теперь у Олифанта выбора не было: он стал учеником Харриса и ни о чем другом не мог помышлять. Олифант называл себя пилигримом, направлявшимся в «страну любви». «Страну любви», по всей видимости, воплощал Харрис.

Несомненно, Харрис понимал, что перед ним, с одной стороны, респектабельный представитель высшего британского общества, с другой – искатель приключений, «пилигрим». Все было на руку Харрису. Олифант был также известен как писатель (он выпустил несколько бестселлеров) и являлся корреспондентом лондонской *Times*. Он отличался глубоким умом и приятным обхождением. Блестящая карьера была заброшена, а вместо лондонского общества появилась община в Броктоне, в штате Нью-Йорк. Посты в общине не соблюдались, но дисциплина была поразительно суровой. Все человеческие привязанности обрывались, включая семейные союзы, практиковалась доктрина платонической любви по Сведенборгу, любви «половинок», посланных Небесами.

Харрис умело распорядился финансами семьи Олифант и в 1867 году приобрел 2000 акров земли на озере Эри, в Броктоне. Броктон романтически сравнивали с монастырем, хотя в реальности он больше напоминал поселение шейкеров.

Олифанта разместили на старой мельнице, где он сам стирал для себя, убирал комнату, но основным его занятием в течение первых месяцев в общине было перетаскивание навоза и копание

---

[27] *Oliphant M.* Memoir of the Life of Laurence Oliphant and of Alice Oliphant, His Wife. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1891. 2 vols. (Collection of British Authors; 2753–2754). Vol. 1. P. 254.

канав. Вскоре откомандированный Харрисом в Англию для добычи средств, он женился на представительнице высшего английского общества Алисе Ле Странж, которая безоговорочно приняла его взгляды и пожертвовала общине свое огромное приданое, полностью смирившись с жестким уставом общины. Маргарет Олифант в своих мемуарах писала об Алисе: «О его жене говорили: “Не женщина – ангел!”»[28]. Алиса была прекрасно воспитана и образована. Перед тем как оказаться в общине Харриса, она проводила время в высшем свете Лондона и Парижа. В 1868 году к общине присоединилась и мать Лоренса, леди Олифант. Но все они были хладнокровно расселены Харрисом в разные места в соответствии с требованиями морали общины. Так, Алиса была отправлена в Калифорнию, в филиал общины в Санта-Розе, на благо духовного роста супругов. Переписка с матерью и женой была также запрещена. Влияние Харриса на эту семью было просто фантастическим. Лоренсу для прозрения потребовались шесть или семь лет, а потом еще немало времени, чтобы вернуть огромные средства, вложенные в общину. Впрочем, из этого испытания он вышел почти победителем – из состояния в 150000 долларов, пожертвованных общине им и леди Олифант, удалось вернуть 90000 долларов.

Не только Лоренс Олифант, но и некоторые другие члены общины, например Роберт Н. Мартин, вспоминали с ужасом время, проведенное у Харриса, хотя признавали, что идеалы были высокие и благие. Теория и практика в этой общине трудно уживались. Выходило совсем по Семену Франку, утверждавшему, как мы помним, что «утопизм, уповающий на осуществимость полноты добра через общественный порядок, имеет имманентную тенденцию к деспотизму – со всем, что есть злого и гибельного в деспотизме»[29]. Умело манипулируя колонистами, Харрис понимал, что они, работая в поте лица своего, были уверены, что трудятся во имя

---

[28] Ibid. Vol. 2. P. 29.

[29] *Франк С. Л.* Ересь утопизма // Квинтэссенция: Философский альманах: 1991. М., 1992. С. 384.

Господа и ради создания царства всеобщей справедливости. Утопические общины, типа общины Томаса Харриса, напоминают скорее заведения тюремного образца с их жестокостью, железной дисциплиной и отсутствием сострадания.

Таков взгляд на общину изнутри, вполне объективный. Но внешне все выглядело по-иному, и, несмотря на историю Лоренса Олифанта, Харрис пользовался всеобщим авторитетом и известностью. Его сочинения, как и сочинения Лоренса Олифанта, хранятся в личной библиотеке Л. Н. Толстого. Комментаторы 85-го тома Юбилейного собрания сочинений писателя усмотрели некоторую связь идей Харриса с идеями Толстого. И действительно, Толстой в 1884 году проявляет явный интерес к проповеднику. Он узнает о Харрисе от В. Г. Черткова и пишет ему: «Hamilton ужасно интересует меня, напишите, пожалуйста, о нем еще»[30] (85, 73). Разумеется, Владимир Григорьевич написал. А в 1890-е годы в библиотеке появились три книги Харриса, две из них – с дарственной надписью автора. Возможно, Харриса и Толстого пытался соединить знаменитый журналист У. Стэд; он посетил Толстого в 1888 году, а потом встречался с Харрисом в его общине.

В предисловии к брошюре *Brotherhood of the New Life*, изданной в 1891 году и присланной Толстому, Харрис пишет: «Почти полстолетия я лелеял мечту о Новой Гармоничной Цивилизации, об окончании вражды, искоренении всех болезней, разрешении всех антагонизмов, уничтожении всякой нищеты и бедности, о наступлении христианской эры, нового золотого века всеобщего мира»[31]. Кто же станет возражать против подобных устремлений? Да это же просто легенда о «зеленой палочке»! Но это только в теории, в идеале, а что было на практике, мы уже знаем. Но Толстой не знал. В июле 1884 года, когда Чертков поведал ему о Харрисе,

---

[30] Толстой по ошибке называет Харриса Хамильтоном.

[31] *Harris Th. L.* Brotherhood of the New Life: Its Fact, Method and Purpose. Santa Rosa (Cal.): Fountaingrove, 1891. (Fountaingrove Library; Vol. 1). P. 1.

Толстой читал роман Лоренса Олифанта «Пикадилли» (*Oliphant L.* Picadilly. Edinburgh; London: William Blackwood and sons, [1874]), присланный ему Чертковым, а тот в свою очередь получил книгу от Эрнста Кросби, который, подобно Олифанту, пережил духовный кризис. Но Кросби повезло больше: он встретил не Харриса, а Толстого. На форзаце книги Олифанта несколько самоуверенная запись В. Г. Черткова: «Эту книгу вам читать не стоит. Присылаю ее вам только ради подчеркнутых отрадных мест».

Книга была написана Олифантом уже в общине Харриса, но еще до прозрения, а издана в Лондоне. Олифант описал свой духовный переворот, который давно зрел в его душе, когда он, только что избранный в Британский парламент, оставил блестящую карьеру и уехал в Америку, чтобы зажить, как ему казалось, по учению Христа. Чертков в сопроводительном письме заявлял: «Этот роман обнаруживает всю безнравственность, все ханжество лондонского "высшего общества"» (85, 75). Далее в этом письме мы читаем: «Но, главное, говорят, что этот человек действительно прожил вместе с своей женой в одном братстве в Америке, которое, судя по отрывочным рассказам, старается осуществлять учение в том же смысле, *как мы его понимаем*. Я постараюсь добраться до этого Oliphant, автора книги, и узнать от него об этом американском "Братстве новой жизни", основанном неким Thomas Harris» (85, 75). Очевидно, Чертков все-таки «добрался» до Олифанта, который к 1880-м годам уже ничего хорошего в пользу Харриса и его братства сказать не мог. Возможно, поэтому имя Харриса больше никогда не возникает на страницах писем и дневников Толстого. Но это только гипотеза. Заканчивает Чертков словами: «Все это в высшей степени отрадно и интересно» (85, 75). Но Олифант так больше уже не думал.

Толстой, видимо, не последовал рекомендации Черткова и прочел весь роман, о чем не замедлил сообщить своему другу в письме от 24 июля 1884 года: «Я прочел и брошюру, и Picadilly. Брошюра мне не понравилась. <...> Picadilly же прекрасно. Единственный недостаток – но очень большой, что о предметах святых, о едином

на потребу, говорится рядом с пустяками и тоном легким и бьющим на художественность и остроумие. То, что для нас составляет весь смысл жизни – нашу веру, знают многие, но, к несчастью, очень немногие знают, что это не только главное, но единое и что про это нельзя говорить с украшениями, с изяществом. Про это нельзя говорить, это надо выплакивать слезами, и когда нет этих искренних слез, нельзя говорить "нарочно", нельзя осквернять легкомысленным прикосновением» (85, 76).

В 1890-е годы Толстой получил от Э. Кросби еще одну книгу о Лоренсе Олифанте и его жене Алисе, изданную в известной серии Б. Таухница *Collection of British Authors* (*Oliphant M.* Memoir of the Life of Laurence Oliphant and of Alice Oliphant, His Wife. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1891. 2 vols.). На книге владельческая запись Кросби: «Ernest Crosby Alexandria Egypt, May 22, 1893»[33]. Это время, когда Кросби думал об оставлении успешной дипломатической карьеры, потому что уже через год, в 1894-м, предстал перед Толстым в Ясной Поляне, твердо решив начать новую жизнь. Возможно, Толстой спас Кросби от кабалы общины Харриса или какого-нибудь другого «харизматика»: личность Толстого заслонила все в этом мире, он увлекся педагогическими идеями русского писателя. Кросби, как и Толстой, искал везде параллели, искал *свое* у *Другого*. В книге – его многочисленные пометы, особенно в части о «новой жизни» Лоренса.

Лоренсу Олифанту удалось покинуть общину Харриса, но хрупкое здоровье жены Алисы было подорвано, и в 1887 году она умерла. Лоренс Олифант в своих духовных поисках остановиться уже не мог и увлекся идеей Палестины для евреев. Не получив никаких концессий от Турции, он все-таки умудрился купить землю в Хайфе, а потом приобрел землю Армагеддона и вскоре женился на внучке Роберта Оуэна, с которой надеялся осуществить задуманное. Круг замкнулся. Идея утопии никогда уже не оставляла

[33] Там же.

Олифанта, миф вел его по жизни, но смерть оборвала намеченные утопические планы в 1888 году.

Модель «Учитель – Ученик», «Томас Лейк Харрис – Лоренс Олифант» вызывает, с некоторыми оговорками, невольные ассоциации. Ученик – представитель высшего общества, талантливый, успешный – разочаровывается в жизни и в поисках ее смысла находит Учителя – известного, харизматичного, мудрого и обаятельного. Не случайно Толстой и Чертков так разом потянулись к этой истории, инстинктивно усмотрев в ней что-то свое. Параллель между парами «Толстой – Чертков» и «Харрис – Олифант» казалась бы очень соблазнительной (особенно учитывая тезис Р. Фогарти, что союз «Харрис – Олифант» является примером отношений, характерных для американских общин)[32], если бы в нашем случае не брезжил свет обратной перспективы.

Роман «Счастливый Дол» (*The Blithedale Romance* – «Роман о Блайтдейле») Натаниеля Готорна вышел в свет еще в 1852 году. Но модель «Учитель – Ученик» безукоризненно работает в этом произведении в интересующем нас аспекте. Микроконтекст романа реально отражает макроконтекст американской жизни. Образы Майлза Ковердейла, прибывшего в общину Блайтдейл в надежде обновления, обретения смысла жизни, и проповедника, основателя общины Роджера Холлингсуорта во многом напоминают Лоренса Олифанта и Томаса Харриса. Воистину литература делает жизнь, а жизнь делает литературу. Такое сравнение может вписываться, по Бахтину, в «особую форму непреднамеренной диалогичности»[33]. Текст романа Готорна представляется, говоря словами Бахтина, «как бы некой монадой, отражающей в себе все и отражаемой во всем»[34].

---

[32] *Fogarthy R. S.* All Things New: American Communes and Utopian Movements, 1860–1914. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1990. P. 46.

[33] *Венедиктова Т. Д.* «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 250.

[34] *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 44.

В романе Готорна Холлингсуорт – это безусловный вождь, трибун, идеолог, но, несмотря на очевидную харизматичность, перфекционизм, обаяние, силу, вызывает неоднозначные чувства. Для поэта Ковердейла в романе Готорна, так же как и для писателя Олифанта в жизни, утопия не становится альтернативой «нормальному» обществу: тяжелый, безрадостный фермерский труд не приносит им ни удовлетворения, ни вдохновения. Сам Готорн, имевший опыт жизни в писательской общине Брук Фарм, писал в одном из своих писем: «Я понял, что под кучей навоза или в борозде на поле столь же легко похоронить и потерять свою душу, как под грудой денег»[35]. Между тем Татьяна Венедиктова справедливо подчеркивает родство психологического типа подвижника-пуританина основным протагонистам романа Чернышевского «Что делать?» – Лопухову, Кирсанову, Рахметову[36].

Нам известен финал романа «Счастливый Дол» и все, что произошло с Холлингсуортом. А как все «отразилось» в жизни, что произошло с Томасом Харрисом? После ухода Олифанта из общины Харрис через несколько лет, в 1885 году, сам уехал из калифорнийской Санта-Розы и поселился в Нью-Йорке, где умер в 1906 году в возрасте девяноста трех лет, оставив после себя горы трудов, которые так никогда и не переиздавались.

Толстой, очевидно, понимал, что члены американских общин не стремились ни к каким социальным преобразованиям, а пытались творить некий идеал общежития, «всеобщего братства», чтобы на его фоне все пороки буржуазной цивилизации выглядели особенно уродливо и неприглядно. От цивилизации они сознательно уходили в общины, спасались там. «В наши намерения, в высшей степени благородные, разумеется, и, без сомнения,

---

[35] Цит. по кни.: *Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Л.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 442.

[36] *Венедиктова Т. Д.* «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 290.

в такой же степени нелепые, входило отказаться от всего достигнутого нами ранее во имя того, чтобы подать людям пример жизни, основанной не на ложных и жестоких принципах, коими во все времена руководствовалось человеческое общество, а на совсем иных»[37].

Радикальные общественные реформы не привлекали американских колонистов, как не привлекали они Толстого в России. Об этом прямо говорит герой «Счастливого Дола»: «Мы были люди самых разных вероисповеданий и убеждений и, как правило, терпимые ко всему, о чем бы ни шла речь. Нас связывало, как мне кажется, не столько то, что мы признавали, сколько то, что мы отвергали. Каждый из нас столкнулся в своей жизни с теми или иными обстоятельствами, которые не смог принять. И все мы были согласны друг с другом, что нецелесообразно и дальше мириться с обветшалым общественным строем. Что же касается того, чем его заменить, – на этот счет мы были значительно менее единодушны»[38].

Толстой признавался, что от американских утопических общин на него веяло «свежим, сильным, молодым, огромным миром американской жизни» (63, 289). Он пристрастно расспрашивал об общинах всех, кто мог иметь к ним отношение. Настоящим источником информации для Толстого оказался утопист Уильям Фрей (бывший гвардейский офицер Владимир Константинович Гейнс). В 1868 году после духовного кризиса он вместе с женой уехал в Америку, стал исповедовать учение Огюста Конта, «религию человечества», в 1870-е годы вместе с А. К. Маликовым, Н. В. Чайковским создал коммуну в Орегоне, которая долго не просуществовала. «Цель Фрея в Америке, когда он туда приехал, примкнуть к какой-нибудь коммунистической общине, каких тогда в Америке было много. За короткий период он переменил их несколько <...>, но ни в одной из них не нашел удовлетворения. Все эти неудачные

---

[37] *Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Л.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 248.

[38] Там же. С. 281–282.

опыты убедили его, что без нравственного возрождения участников общинная организация невозможна»[39].

По возвращении в Россию в 1885 году Фрей стал пропагандистом позитивизма, вступил в переписку с Толстым и пытался обратить его в «религию человечества». Но Толстому он был интересен не позитивизмом, а опытом общинного эксперимента. Толстой настолько заинтересовался его записками о жизни в Америке, что просил написать об американских общинах в журнал и сам намеривался написать о Фрее (впрочем, начатая работа о Фрее не сохранилась). «Дело Фрея состояло в полном слиянии всех жизненных проявлений общинников в единый групповой поток, в котором не остается ни возможности для личной жизни, ни потребности в ней. Потом отдельные коммуны сольются между собой и так произойдет мирная, ненасильственная революция. Община занималась непривычным ручным трудом, жестоко постилась и имела типографский станок, на котором выпускался ежемесячный листок "Прогрессивный коммунист": роскошь, которой пользовались американские коммуны того времени и которой были напрочь лишены русские секты. Прогрессивные коммунисты практиковали "открытую жизнь" с периодическими "митингами", "публичными исповедями" и еженедельным ритуалом взаимной критики. Во всем этом совмещались влияния разных времен и народов; ближайшие образцы Фрею дали американские шейкеры и Онайда»[40].

Толстой рассматривал общину, американскую в том числе, прежде всего как возможность установления Царства Божия на земле. С. Н. Булгаков в одной из статей, посвященных Л. Н. Толстому, писал: «Путь освобождения души от земных уз незаметно превращается в способ наилучшего разрешения вопросов общественного строя, устроения земного града, рядом с Евангелием

---

[39] Русские пропилеи. Т. 1: Материалы по истории русской мысли и литературы / Сост. М. Гершензон. М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1915. С. 277.

[40] *Эткинд А.* Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 88.

характерно появляется "Жоржа" [Генри Джордж], роль которого в других учениях об устроении земного града исполняют Лассаль, Маркс и другие социальные пророки. Религиозный проповедник превращается в социального утописта, однако эта социальная утопия проповедуется одновременно во имя как спасения души, так и наипрактичнейшего социального устройства»[41].

Поэзия утопии «зиждется на том, что повседневно-практический мир воспринимается через "другой, несбыточный", однако же реальный в "высшем смысле": именно он выступает средоточием нравственных смыслов и эстетических ценностей. Знаками сопричастности им в быту выступает взаимное доверие, преданность, эмпатия»[42]. Но Толстой, несмотря на всю свою приверженность «практическому христианству», совершенно верно чувствовал и понимал упадок социальной утопии в Америке: после 1900 года не появилось ни одной колонии и ни одного лидера масштаба Оуэна или Фурье. В письме к Дж. Кенворти 8 июля 1894 года Толстой как бы подводит итог социальной утопии в Америке: «Какие глубокомысленные и добрые начинания были начинания С. Симона, Фурье, Прудона, Robert'a Owen'a и сотни основателей общин в Америке, и что осталось от них?» (67, 169). А еще раньше, в разгар своего увлечения американским практическим христианством, читая книгу Джона Нойеса об истории американских общин, Толстой размышляет в дневнике: «Думал: удаление в общину, образование общины, поддержание ее в чистоте – все это грех – ошибка. Нельзя очиститься одному или одним; чиститься так вместе...» (50, 71). Потом, разумеется, «маятник» пристрастия качнулся в другую сторону и надолго там остановился, однако замысел статьи «О 1000 верах» так и остался нереализованным.

---

[41] *Булгаков С. Н.* Простота и опрощение // Лев Толстой: Pro et contra: Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000. С. 294.

[42] *Венедиктова Т. Д.* «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 304.

Заключение

> Лев Толстой никогда не стал бы писателем мировым, если бы он был только художником; он захватил внимание земли напряженной борьбою своей воли, ушедшей в глубь самое себя. Есть рассказ про одного русского святого, что в то время, как он сосредоточенно и тихо молился у себя в келье, то вся изба кругом сотрясалась и ходила ходуном. Не то же ли самое в судьбе Толстого? Он тихо молится в Ясной Поляне, а Америка сотрясается!
>
> *М. Волошин*

Книги и периодические издания из иностранной части личной библиотеки Л. Н. Толстого в полной мере дают возможность наблюдать процесс диалога русского писателя с Америкой, его восприятие произведений американской литературы в контексте его нравственных и эстетических поисков начиная с 1840-х годов. Вдохновляющим стимулом для толстовской системы нравственного самосовершенствования послужил этический кодекс просветителя Б. Франклина, заключенный в его «Автобиографии», в которой Франклин писал, что «самое угодное служение Богу – это делать добро людям»[1].

Из эпизодических обращений Толстого к произведениям американской литературы в молодые годы вырастает его устойчивый интерес к литературе, философии, религии Америки, которым отмечены последние три десятилетия его жизни. Это позволило Толстому не только выявить «блестящую плеяду» писателей, но и почувствовать опору в творчестве американских писателей,

---

[1] Цит. по кн.: Американские просветители: Избранные произведения: В 2 т. М.: Мысль, 1968–1969. 1969. Т. 2. С. 27.

философов, религиозных и общественных деятелей, которых он упоминает в своем знаменитом обращении к американскому народу 1900 года, а также в целом ряде статей, обращений, писем. Толстовская система нравственно-эстетических ценностей с приоритетом моральных параметров нашла свое подтверждение в американской литературе XIX века с ее приверженностью идеалам гуманизма XVIII века, с ее стремлением, с одной стороны, противостоять распаду патриархальных устоев, с другой – создать свою американскую философскую концепцию развития литературы и общества, в котором европейские заимствования гармонично соединились бы с потребностями Нового Света.

Интерес Толстого к американской литературе в свете ее тесной связи с христианской традицией, с идеалами французских просветителей, а также с ее частичной принадлежностью контексту английской литературы (американский роман XIX был органично связан с английским романом, который Толстой высоко ценил и любил) вполне закономерен. Но совершенно очевидным и безусловным этот интерес стал в последние десятилетия жизни Толстого, когда он получил возможность наблюдать за развитием не только художественной литературы, но и всей общественно-политической мысли Америки. Без преувеличения, исходя только из содержания его личной библиотеки, можно сказать, что в 1890–1900-е годы на Толстого обрушился поток произведений американской литературы. Одновременно шли многочисленные письма. Сочинения Эмерсона, Торо, Гаррисона, Уитмена, широко известные еще в 1850-е годы, Толстой открывает для себя в 1880–1900-е годы наряду с произведениями У. Хоуэллса, Э. Келлер, Э. Беллами, Э. Синклера, Э. Глазгоу, Г. Джеймса и других американских писателей. С сочинениями У. Прескотта, Дж. Купера, Н. Готорна, Г. Лонгфелло Толстой был знаком с юности, к некоторым из них он вновь обращается в зрелые годы. Таким образом, в последние десятилетия жизни у Толстого сложился полнокровный, многоаспектный диалог с Америкой.

Многочисленные маргиналии на страницах книг американских авторов позволяют рассматривать некоторые из них в качестве источников его творчества. Идеи американских авторов волновали Толстого, находили отражение как в его художественном творчестве, так и в публицистических, религиозно-философских произведениях. «Всемирность» нравственных и эстетических ценностей Толстого позволяла ему выступать переводчиком некоторых сочинений американских авторов, писать предисловия к произведениям американской литературы, то есть собственный опыт прочтения вел к стремлению перевести, написать предисловие, издать, «передать людям». Причем Толстой выступал не только как популяризатор американской литературы, порой он выступал как резкий ее критик. Определив вершину американской литературы в творчестве писателей, «процветавших в 1850-х годах», он весьма пристрастно прочитывал произведения современных американских авторов. И далеко не все из них выдерживали его строгий суд.

Изучение темы «Американские диалоги Льва Толстого» являет собой исключительный пример изучения как непосредственных контактных связей, так и типологических схождений с учетом реального литературного процесса. Освоение Толстым американской литературы почти зеркально отражало освоение американскими писателями, журналистами, общественными и политическими деятелями, наконец, просто рядовыми американцами произведений русского писателя. Диалогу Толстого с Америкой способствовали многочисленные непосредственные контакты с американцами. Первые из них относятся к 1860-м годам, но регулярными и особенно интенсивными контакты становятся в 1880–1900-е годы, когда Толстой получает из Америки свыше 2000 писем, когда в Ясную Поляну поступают многочисленные периодические издания с материалами о положении дел в американской литературе, культуре, политике; с некоторыми произведениями или отрывками из произведений Торо, Эмерсона, Синклера, Каруса и других писателей Толстой знакомился благодаря периодическим изданиям, которые до сих пор хранятся в его би-

блиотеке. Влияние и «помощь» американских писателей, о которых Толстой говорит в своем обращении к американскому народу, сводились главным образом к стимулирующему началу, к подтверждению правильности собственного пути и выводов, к выяснению духовного родства с целым рядом американских авторов. Произведения многих американских писателей служили Толстому источниками для сборников «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни». Выбирая отрывки для книг мудрости, Толстой их редактировал, исправлял, оставлял на полях пометы, то есть непосредственно вступал с авторами в диалог.

Диалог Толстого с американцами складывался на фоне типологических схождений русской и американской литератур середины XIX века, неоднократно подмеченных Толстым. Они проявлялись в аналогиях тем, идей, мотивов, стилей, даже форм стихосложения – «всемирном круговороте идей, образов, замыслов, форм» (А. Веселовский), то есть Толстой подчеркивал универсальный характер русской и американской литератур при всем их национальном своеобразии. Говоря о параллелях в развитии русской и американской литератур, Толстой имел в виду прежде всего аналогии, обусловленные сходством общественного развития. Американские диалоги Толстого позволяют усмотреть тематические, стилевые, эмоционально-идейные аналогии в его творчестве и творчестве американских писателей, публицистов, философов, религиозных и общественных деятелей, что духовно объединяло, сближало его с ними, обнаруживая самобытные особенности каждой из сторон.

Таким образом, документальный, достоверный материал, привлеченный к исследованию, является объективным свидетельством эволюции интереса Толстого к творчеству американцев. В огромном потоке книг и периодических изданий, поступавших в его библиотеку, он почти безошибочно выбирал произведения американских авторов, которые соответствовали его нравственным и эстетическим требованиям, причем наиболее значительными для него порой оказывались не эстетические достоинства,

а религиозно-нравственные аспекты творчества писателей, безусловная гражданская позиция авторов.

Книги американских авторов со следами чтения Толстого свидетельствуют о становлении и развитии диалога Толстого с американцами, о том, как эстетические и этические идеи писателей трансформировались в системе нравственных и эстетических ценностей Толстого на протяжении его жизни. Материалы из личной библиотеки писателя показывают внутренние взаимосвязи между документальным и художественным в восприятии Толстого. Они позволяют провести сопоставительный анализ некоторых произведений Толстого и американских писателей.

Анализ следов чтения писателя существенно расширяет наши представления о его творческом и духовном пути, этапах художественного и нравственного развития, религиозных раздумьях, нравственно-эстетических исканиях, что дает неоценимый материал не только для оценки восприятия Толстым американской литературы, философии, религии, но и для более глубокого постижения его личности, идейной и эстетической природы его творчества.

Литература

1. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928–1958.

2. *Абрамович Н. Я.* Религия Толстого. М., 1914.

3. Американские просветители: Избранные произведения: В 2 т. М.: Мысль, 1968–1969.

4. *Аникин Г. В.* Толстой и Торо: Современное значение проблемы // Филологические науки. 1978. № 3.

5. *Аникин Г. В.* Гаррисон и Толстой // Толстой и наше время. М.: Наука, 1978.

6. *Апостолов Н. Н.* Религиозно-анархические идеи Льва Толстого и современный политический психоз. Киев, 1919.

7. *Асмус В. Ф.* Мировоззрение Толстого // Литературное наследство. Т. 69: Лев Толстой. М.: Академия наук СССР, 1961. Кн. 1.

8. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986.

9. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. М.: Русские словари, 2000.

10. *Бердяев Н. А.* Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 2.

11. Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. Т. 3: Книги на иностранных языках. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 1999. Ч. 1: A–L. Ч. 2: M–Z, А–Я.

12. *Бирюков П. И.* Л. Н. Толстой: Биография: В 4 т. Берлин, 1921–1923.

13. *Брукс В. В.* Писатель и американская жизнь: В 2 т. М.: Прогресс, 1967. Т. 1: Расцвет Новой Англии.

14. *Бушмин А. С.* Преемственность в развитии литературы. Л.: Наука, 1975.

15. *Венедиктова Т. Д.* «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

16. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940.

17. *Виттакер Р.* Рукописи Л. Н. Толстого и материалы о нем в архивах Нью- Йорка // Русская литература. 1989. № 2.

18. *Галаган Г. Я.* Л. Н. Толстой: Художественно-этические искания. Л.: Наука, 1981.

19. *Гиленсон Б. А.* Новые работы о Гоуллсе // Вопросы литературы. 1961. № 7. С. 223–229.

20. *Гиленсон Б. А.* Социалистическая традиция в литературе США. М.: Наука, 1975.

21. *Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Л.: Худож. лит., 1982. Т. 1.

22. *Гудзий Н. К.* Лев Толстой: Критико-биографический очерк. М.: Гослитиздат, 1960.

23. *Гудзий Н. К.* Лев Толстой и Торо // Русско-европейские литературные связи. М.; Л.: Гослитиздат, 1966.

24. *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954–1970.

25. *Гусейнов А. А.* Великие моралисты. М.: Республика, 1995.

26. *Джеймс Г.* Женский портрет. М.: Наука, 1982.

27. *Дима А.* Принципы сравнительного литературоведения. М.: Прогресс, 1977.

28. *Донсков А. А.* Единение людей в творчестве Л. Н. Толстого / А. Донсков, Г. Галаган, Л. Громова. Оттава: Оттавский университет: ИРЛИ РАН: ИМЛИ РАН, 2002.

29. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 18, 23. Л.: Наука, 1981.

30. *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979.

31. *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979.

32. *Ильин И. А.* Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.

33. *Исламова А. К.* Лев Толстой и Эмерсон: О связи эстетических систем // Русская литература. 1989. № 1.

34. *Кудрявая Н. В.* Лев Толстой о смысле жизни. М.: РИО ПФ «Красный пролетарий», 1993.

35. *Кулешов В. И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М.: МГУ, 1965.

36. *Купреянова Е. Н.* Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л.: Наука, 1966.

37. *Лакшин В. Я.* Лев Толстой беседует с Америкой // Иностранная литература. 1978. № 8.

38. Лев Толстой: В 2 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Ред. С. А. Макашин. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Кн. 1–2 (Лит. наследство; Т. 69).

39. Лев Толстой: Pro et contra: Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000.

40. Л. Н. Толстой и США: Переписка / Р. Виттакер, Н. П. Великанова. М.: ИМЛИ РАН, 2004.

41. Литературная история Соединенных Штатов Америки: В 3 т. / Под ред. З. Спиллера, У. Торпа, Т. Н. Джонсона, Г. С. Кэнби. М.: Прогресс, 1977–1978. Т. 1–2.

42. *Маковицкий Д. П.* У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки»: В кн. М.: Наука, 1979–1981. Кн. 1–5. (Лит. наследство; Т. 90).

43. Международный толстовский альманах / Сост. П. Сергеенко. М.: Книга, 1909.

44. *Мелешко Е. Д.* Философия ненасилия Л. Н. Толстого. Тула: Изд-во ТГПУ, 1993.

45. Мировое значение русской классической литературы XIX века. М.: Наука, 1987.

46. *Морозова Т. Л.* Учение Эмерсона о «доверии к себе» ... // Романтические традиции американской литературы XIX века и современность. М.: Наука, 1982.

47. Неизвестный Толстой в архивах России и США: Рукописи, письма, воспоминания, наблюдения, версии. М.: АО ТЕХНА-2, 1994.

48. *Неупокоева И. Г.* История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. М.: Наука, 1976.

49. *Николюкин А. Н.* Взаимосвязи литератур России и США. М.: Наука, 1987.

50. *Николюкин А. Н.* Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981.

51. *Николюкин А. Н.* Лев Толстой и Америка его времени // Вопросы литературы. 1985. № 12.

52. *Николюкин А. Н.* Русская классика и американские писатели // Литературная учеба. 1986. № 2.

53. *Николюкин А. Н.* «Эта радостная работа»: (Книга жизни великого русского мыслителя) // Толстой Л. Н. Круг чтения: в 2 т. М.: Политиздат, 1991.

54. Новые пророки: Торо. Толстой. Ганди. Эмерсон / Вступ. ст. Т. П. Григорьевой. СПб.: Алетейя, 1995.

55. О религии Льва Толстого: Сборник второй. М.: Путь, 1912.

56. *Опульская Л. Д.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М.: Наука, 1979.

57. *Опульская Л. Д.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М.: Наука, 1998.

58. *Орвин Д.* Искусство и мысль Толстого, 1847–1880. СПб.: Академический проект, 2006.

59. *Орлова Р. Д.* Хижина, устоявшая столетия. М.: Книга, 1975.

60. *Осипова Э. Ф.* Генри Торо. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.

61. *Осипова Э. Ф.* Ральф Уолдо Эмерсон: Писатель и время. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

62. *Осипова Э. Ф.* Американские трансценденталисты и Л. Н. Толстой // Вестник Ленинградского университета. Л., 1980. Вып. 2.

63. *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: в 3 т. М.: Изд- во иностр. лит., 1962. Т. 2–3.

64. *Палиевский П. В.* Литература и теория. М.: Сов. писатель, 1979.

65. *Палиевский П. В.* Русские классики. М.: Худож. лит., 1987.

66. *Переписка Л. Н.* Толстого с гр. А. А. Толстой, 1857–1903 / Толстовский музей. СПб., 1911.

67. Писатели США о литературе. Т. 1. М.: Прогресс, 1982.

68. Проблемы истории литературы США. М.: Наука, 1964.

69. *Розанов В. В.* Около церковных стен // Современные записки. Т. 1.

70. Русские пропилеи. Т. 1: Материалы по истории русской мысли и литературы / Сост. М. Гершензон. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1915.

71. *Салманова И. Ф.* Система нравственно-философских и художественных исканий Л. Н. Толстого: Дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Томск, 1990.

72. «Сделать прекрасным наш день...»: Публицистика американского романтизма. М.: Прогресс, 1990.

73. *Серых Е.* Л. Н. Толстой: Взгляд со стороны // Вопросы литературы, 1993.

74. *Соловьев В. С.* Три разговора. М., 1993.

75. *Сохряков Ю. И.* Русская классика в литературном процессе США XX века. М.: Высшая школа, 1988.

76. *Сыздыкова Г. Н.* Л. Н. Толстой в США: История восприятия творчества русского писателя в 1869–1900 гг.: Дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1982.

77. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке / Пер. В. П. Олейника и др. М.: Прогресс, 1992.

78. Толстой и зарубежный мир: В 2 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Ред. С. А. Макашин. М.: Наука, 1965. Кн. 1–2. (Лит. наследство; Т. 75).

79. Толстой и наше время. М.: Наука, 1978.

80. *Торо Г. Д.* Философия естественной жизни: Избранные мысли / Перевел с англ. Илья Накашидзе. М.: Посредник, 1903.

81. *Торо Г. Д.* Вальден / С биографическом очерком, написанным Р. У. Эмерсоном; Пер. с англ. П. А. Буланже. М.: Посредник, 1910.

82. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Т. 10. М.: Наука, 1965.

83. *Франк С. Л.* Ересь утопизма // Квинтэссенция: Философский альманах: 1991. М.: Политиздат, 1992.

84. *Фридлендер Г. М.* «Воскресение» Льва Толстого и «Речь Полли Бекер» Б. Франклина // Сравнительное изучение литератур. Л.: Наука, 1976.

85. *Храпченко М. Б.* Лев Толстой как художник. М.: Худож. лит., 1940.

86. Христианская этика: Систематизированные очерки мировоззрения Л. Н. Толстого / Сост. и вступ. ст. В. Ф. Булгакова. Екатеринбург, 1994.

87. *Чуковский К. И.* Мой Уитмен: Очерки о жизни и творчестве: Избранные переводы из «Листьев травы». Проза. М.: Прогресс, 1966.

88. *Эйхенбаум Б. М.* Молодой Толстой. Пг.; Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922.

89. *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой: Семидесятые годы. Л.: Сов. писатель, 1960.

90. *Эйхенбаум Б. М.* О литературе: Работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1987.

91. *Эмерсон Р. У.* Великие люди / Под ред. В. В. Битнера. СПб.: В. В. Битнер, 1904.

92. *Эткинд А.* Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

93. *Alexandrov V. E.* Limits to Interpretation: The Meaning of *Anna Karenina*. Madison; London: The University of Wisconsin Press, 2004.

94. *Amacher R. E.* Benjamin Franklin. New York: Twayne Publishers, 1962 cop.

95. *Ballou A.* Autobiographyof Adin Ballou: 1803–1890: Containing an Elaborate Record And Narrative of His Life from Infancy to Old Age: With Appendixes / Completed and Edited by W. S. Heywood. Lowell (Mass.): The Vox Populi: Thompson & Hill, 1896.

96. *Baker C.* Emerson Among the Eccentrics: A Group Portrait. New York: Viking, 1996.

97. *Bellamy E.* Looking Backward: 2000–1887 / Ed. with an Introduction by Daniel H. Borus. Boston; New York: Bedford Books of St. Martin's Press, 1995 cop.

98. *Idem.* Looking Backward: 2000–1887. Boston: Ticknor and Co, 1888 cop.

99. *Berlin I.* The Hedgehog and the Fox: An Essay on Tolstoy's View of History. London: Weidenfeld & Nicolson, 1989 cop.

100. *Bryan W. J.* Under Other Flags: Travels, Lectures, Speeches. Lincoln (Nebr.): The Woodruff-Collins Printing Co, 1904.

101. Cambridge Companion to Tolstoy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002.

102. *Carus P.* The Gospel of Buddha. Chicago: The Open Court Publ. Co, 1905.

103. *Idem.* Nirvâna: A Story of Buddhist Philosophy. Chicago; London: T Hasegawa: The Open Court, [1896].

104. The Christian Doctrine of Non-Violence. / By Leo Tolstoy and Adin Ballou; Unpublished Correspondence Compiled by L. G.Wilson // Arena. Boston. 1890. № 13.

105. Correspondence of H. D. Thoreau / Ed. W. Harding and C. Bode. New York: New York University Press, 1958.

106. Count Tolstoy Through American Eyes // Review of Reviews. London. 1903. Vol. 27. № 159. Mar.

107. *Creelman J.* On the Great Highway. Boston: Lothrop Publ. Co, 1901.

108. *Crosby E. H.* The Reception of Tolstoy's War Letter by Christian Press // The Ethical Record. New York. 1904. № 6.

109. *Idem.* Garrison, the Non-Resistant. Chicago: The Public Publ. Co, 1905.

110. *Dickens R. S.* H. D. Thoreau: The Complete Individualist. New York, 1973.

111. *Eddy M. G.* B. Christian Science: No and Yes. Boston: Joseph Armstrong, 1889.

112. *Ellis H. H.* The New Spirit. Chicago: Alice B. Stockham & Co, [1900].

113. *Emerson R. W.* Complete Prose Works. London, 1889.

114. *Idem.* Representative Men: 7 Lectures. Leipzig: Alphons Dürr, 1856.

115. Emerson Viewed with an Oriental Eye / Pandita F. K. Lalana. [Lily Dale (N. Y.)], [1900].

116. Encyclopedia of American Religious Experience: Studies of Traditions and Movements / Ch. H. Lippy and Peter W. Williams, Ed. New York: Ch. Scribner's Son, 1988 cop.

117. *Farrar F. W.* Count Tolstoi's Religious Views // Arena. New York. 1888. Vol. 6. № 4. Dec.

118. Fellowship / Ed. by B. F. Mills. Los Angeles. 1908. Vol. 4. № 12. Dec.

119. *Fels J.* Franklin and Freedom / An Address by Joseph Fels to the «Poor Richard» Club of Philadelphia Jan. 6-th, 1910. Cincinnati (O), 1910.

120. *Fersen N.* Толстой и шэкеры // Записки русской академической группы в США. Т. 12. New York, 1979.

121. *Feuer K. B.* Tolstoy and the Genesis of *War and Peace* / Ed. By Robin Feuer Miller and Donna Tussing Orwin. Ithaca; London: Cornell University Press, 1996.

122. *Fodor A.* The Acceptance of Leo Tolstoy in the United States // Research Studies. Montreal: McGill University, 1977. № 45 (2). June.

123. *Idem.* A Quest for a Non-violent Russia: The Partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Lanham; New York; London: University Press of America, 1989 cop.

124. *Fogarthy R. S.* All Things New: American Communes and Utopian Movements 1860–1914. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1990.

125. *Idem.* Dictionary of American Communal and Utopian History. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1980.

126. *Garrison W. Ph., Garrison Fr. J.* William Lloyd Garrison: 1805–1879 / The Story of His Life Told by His Children New York: The Century, 1885–1889. 4 vols.

127. *George H.* Social Problems. London: Kegan Paul, Trench & Co, 1884.

128. *Idem*. Progress and Poverty: An Inquiry into the Cause of Industrial Depressions, and of Increase of Want with Increase of Wealth: The Remedy. New York: Henry George & Co, [inter 1888 et 1894].

129. *Gibson A. E.* The Message of Count Tolstoi's «Resurrection»: A Review. Portland (Ore.): Ellis, 1901.

130. *Greenwood E.* Tolstoy: The Comprehensive Vision. New York: St. Martin's Press, 1975.

131. *Guarnery C. J.* The Utopian Alternative: Fourierism in XIX Century America. Ithaca; London: Cornell University Press, 1991.

132. *Gustafson R. F.* Leo Tolstoy: Resident and Stranger. Princeton (NJ): University Press, 1986.

133. *Harris L.* Upton Sinclair: American Rebel. New York: Th. Y. Crowel Co, 1975 cop.

134. *Harris Th. L.* Brotherhood of the New Life: Its Facts, Law, Method and Purpose. Santa Rosa (Cal.): Fountaingrove, 1891. (Fountaingrove Library; Vol. 1).

135. *Hearn L.* Gleanings in Buddha-Fields: Studies of Hand and Soul in the Far East. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Co, 1897 cop.

136. *Holloway M.* Heavens on Earth: Utopian Communes in America 1680–1880. Second Ed. New York: Dover Publications, 1966.

137. *Howells W. D.* My Literary Passions. New York: Harper and Brothers, 1895.

138. *Iyengar, Kodaganallur Ramasvami Srinivasa.* Thoreau, Tolstoy and Gandhi // The Adventure of Criticism. London, 1962 cop.

139. *Jones S.* Letters of Love and Labor. Toledo (Ohio): The Franklin, 1900- 1901.

140. *Kazin A.* An American Procession. New York: Alfred A. Knopf, 1984.

141. *Keller H. A.* The Story of My Life. London: Hodder & Stoughton, 1909.

142. *Knowlson T. S.* Leo Tolstoy: A Biographical And Critical Study. London; New York, 1904.

143. *Krzyzanowski J. R.* Thoreau in Russia // Thoreau Abroad: Twelve Bibliographical Essays. / Ed. by E. T. Timple. Hamden (Conn.): Archon Books, 1971.

144. Leo Tolstoy and the Concept of Brotherhood: Proceedings of a Conference Held at the University of Ottawa 22–24 Febr. 1996. Ottawa: Legas, 1996.

145. *Leon D.* Tolstoy: His Life and Work. London: Routledge, 1944.

146. *Maggs B. W.* The Franklin-Tolstoy Influence Controversy // Proceedings of the American Philosophical Society. 1985 Vol. 129. Sept.

147. *Mannheim K.* Ideology and Utopia. London: Routhledge, 1936.

148. *Mather C.* Utilia. Real and Vital Religion Served, in the Various And Glorious Intentions of It / Preface by Increase Mather. Boston: T. Fleet & T. Crump: Samuel Gerrish, 1716.

149. *Mavor J.* My Windows on the Street of the World. London; Toronto: J. M. Dent and Sons; New York: Dutton, 1923. 2 vols.

150. *Maude A.* The Life of Tolstoy. London: Archibald Constable and Co, 1908–1910. 2 vols.

151. *Idem.* Tolstoy And His Problems. London: Grant Richards, 1901.

152. *Medzhibovskaya I.* Tolstoy and the Religious Culture of His Time: A Biography of a Long Conversion, 1845–1887. Lanham; Boulder; New York; Toronto et al: Rowman & Littlefield Publishers, 2008.

153. Memoirs of Jeremiah Curtin / Ed. with Notes and Introduction by Joseph Schafer... Madison, 1940. (Wisconsin Biography Ser.; Vol. 2).

154. *Mirsky D. S.* A History of Russian Literature. New York: Alfred A. Knopf, 1949.

155. New Essays on Tolstoy / Ed. by M. Jones. Cambridge: University Press, 1978.

156. *Newton W. W.* A Run through Russia. Hartford: The Student, 1894.

157. *Oliphant M.* Memoir of the Life of Laurence Oliphant and of Alice Oliphant, His Wife. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1891. 2 vols. (Collection of British Authors; 2753–2754).

158. Peace: Mir. An Anthology of Historic Alternatives to War / Vol. Ed. Ch. Chatfield & Rusanna Ilukhina. New York: Cyracuse University Press, 1994 cop.

159. *Pyarelal.* Thoreau, Tolstoy, Gandhiji. Calcutta; New Delhi: Oxford Book, 1958.

160. Roosevelt and Tolstoy // The Commoner. Lincoln. 1909. № 23.

161. *Sampson R.* Tolstoy on the Causes of War. London, 1987.

162. *Schuyler E.* Memoir and Essays. New York: Charles Scribner's Sons, 1901.

163. *Silbajoris R.* Human Contact and Tolstoy's Aesthetics // Papers in Comparative Studies. Columbus (OH): The Ohio State University, 1982.

164. *Silbajoris R.* Tolstoy's Art and His Aesthetics. Columbus: Slavica, 1991.

165. *Simmons E.* Leo Tolstoy. New York: Vintage, 1960. 2 vols.

166. *Sokolow J. A., Roosevelt P. R.* Leo Tolstoi's Christian Pacifism: The American Contribution. Pittsburgh, 1987. (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies; № 604).

167. *Sokolow J. A.* «Arriving at Moral Perfection»: Benjamin Franklin and Leo Tolstoy // American Literature: A Journal of Literary History, Criticism, and Bibliography. Durham (N. C.): Duke University Press, 1975. Vol. 47.

168. *Stockham A. B.* Tolstoi: A Man of Peace. Chicago: Alice B. Stockham & Co, 1900.

169. *Stead W. Th.* Truth about Russia. London; Paris; New York: Cassell & Co, 1888.

170. *Sinclair U. B.* The Jungle. New York: Doubleday, Page & Co, 1906.

171. *Idem.* The Jungle / With an Introduction and notes by James R. Barrett. Urbana; Chicago: University of Illino is Press, 1988 cop.

172. Thoreau / By the Editor // The Labour Prophet / Ed. by John Trevor. Rulow, 1893. № V.

173. Tolstoy on Ethics and Religion // The Ethical Record. New York, 1901. Vol. 2, Febr.

174. Tolstoy Studies Journal: An Annual Refereed Publication of the Tolstoy Society. U. S. A., 1988–2009. Vol. 1–21.

175. *Trachtenberg A.* The Incorporation of America: Culture and Society in the Gilded Age. New York: Hill and Wang, 1982.

176. *Traubel H. L.* With Walt Whitman in Camden. New York: Rowman and Littlefield, 1961. 9 vols.

177. *Idem.* Good-bye and Hail Walt Whitman : At the Graveside of Walt Whitman: Harleigh, Camden, New Jersy, March 30th: And Sprigs of Lilac / Ed. by Horace Traubel. Philadelphia: Billstein & son, 1892.

178. *Turner Ch. Ed.* Count Tolstoi as Novelist and Thinker / Lectures Delivered at the Royal Institution by Charles Edward Turner. London: Trubner & Co, 1888.

179. *Walsh H. H.* On the Putative Influence of Benjamin Franklin on Tolstoi // Canadian-American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. № 3.

180. *Idem.* The Tolstoyan Episode in American Social Thought // American Studies. University of Kansas. 1976. Vol. 17. № 1.

181. *Wellek R.* A History of Modern Criticism: 1750–1950. Vol. 4: The Later Nineteenth Century. New Haven; London: Yale University Press, 1965.

182. *Whitman W.* The Correspondence / Ed. by Edwin H. Miller. Vol. 4. New York.: University Press, 1969.

183. *Idem.* Autobiographia. New York, 1892.

184. *Idem.* Leaves of Grass. / The Poems of Walt Whitman: [Selected]; With Introduction by Ernest Rhys. London: Walter Scott, 1887.

185. *Wilkinson W. C.* Some New Literary Valuations. New York; London: Funk & Wagnalls Co, 1909.

186. *Willard Fr. E.* Glimpses of Fifty Years / The Autobiography of an American Woman by Frances E. Willard; Written by Order of the National Woman's Christian Temperance Union. Chicago; Philadelphia; Kansas City; Oakland: Woman's Temperance Publ. Association, [1889].

187. Willshire's Magazine. New York, 1909. № 9–10.

188. *Wilson A. N.* Tolstoy. London: Harmish Hamilton, 1988 cop.

189. *Wright J.* Early Prayer Books of America. St. Paul (Minn.): [John Wright], 1896.

190. World's Woman's Christian Temperance Union. Minutes of the Second Biennial Convention and Executive Committee Meetings of the World's Woman's Christian Temperance Union. Chicago: World's Woman's Christian Temperance Union Publ. Association, 1893.

Алфавитный указатель имен

Содержание

Научное издание

Алексеева Галина Васильевна

АМЕРИКАНСКИЕ ДИАЛОГИ ЛЬВА ТОЛСТОГО
(по материалам личной библиотеки писателя)

Главный редактор
издательского дома «Ясная Поляна»
В. И. Толстой

Редактор
О. А. Дорофеев

Корректор
Л. А. Залетина

Оформление, компьютерная верстка
М. Е. Белой

Алексеева Г. В.

А 47 Американские диалоги Льва Толстого (по материалам личной библиотеки Л. Н. Толстого). – Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2010. – 256 с.

ISBN 978-5-93322-039-8

В этой книге, посвященной американским диалогам Льва Толстого, рассматривается природа восприятия писателем американской литературы, философии, религии в разные периоды его жизни (но, главным образом, в последние три десятилетия) и на всех уровнях, включая исторический, социальный, культурный, духовный и личный; прослеживаются многочисленные контакты и связи, причины схождений и расхождений, влияние идей американских писателей на творчество русского писателя, а также влияние идей Л. Н. Толстого и американских писателей на современность. У Толстого была «своя Америка», и он с любовью относился ко многим американским писателям, философам, общественным и религиозным деятелям, чьи имена почти забыты сегодня. Задачей этой книги является реконструкция «толстовской» Америки в плане глубочайшего интереса Толстого к американской литературе, философии, религиозному движению (американской утопии).

Книга адресована филологам, историкам культуры и все тем, кто интересуется жизнью и творчеством Л. Н. Толстого.

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
А47

Формат 84х108/32. Печ. л. 8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 275.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, http://www.grif-tula.ru

Галина Алексеева – кандидат филологических наук, заведующая Отделом научно-исследовательской работы Государственного музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», заслуженный работник культуры РФ, стипендиат программ Фулбрайта, Канадских академических исследований, Зальцбургских семинаров, Фонда Кеннана, член группы славянских исследований Оттавского университета, автор многочисленных научных публикаций о восприятии Л. Н. Толстым американской и английской литератур и по другим проблемам толстоведения.

В обращении Л. Н. Толстого к американскому народу 21 июня 1900 года говорится:

«...если бы мне пришлось обратиться к американскому народу, то я постарался бы выразить ему мою благодарность за ту большую помощь, которую я получил от его писателей, процветавших в пятидесятых годах. Я бы упомянул Гарисона, Паркера, Эмерсона, Балу и Торо не как самых великих, но как тех, которые, я думаю, особенно повлияли на меня. Среди других имен назову: Чанинга, Уитиера, Лоуела, Уота Уитмена – блестящую плеяду, подобную которой редко можно найти во всемирной литературе.

И мне хотелось бы спросить американский народ, почему он не обращает больше внимания на эти голоса (которые вряд ли можно заменить голосами Гульда, Рокфеллера и Карнеджи) и почему он не продолжает того хорошего дела, которое столь успешно ими начато».